

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А.М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С.А. Марзан

Міжнародны савет:
Антон Мірановіч (Польшча)
Марк Пілкінгтан (Францыя)
Станіслаў Рудальф (Польшча)
Б.В. Саліхаў (Расія)

Рэдакцыйная калегія:
А.М. Вабішчэвіч
(адказны рэдактар)
В.Ф. Байнёў
Т.А. Гарупа
А.А. Гужалоўскі
Т.І. Доўнар
А.І. Забейварота
У.В. Здановіч
Г.А. Зорын
У.Л. Клюня
У.У. Лосеў
Б.М. Ляпешка
А.А. Савіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1336 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 2

**ГІСТОРЫЯ
ЭКАНОМІКА
ПРАВА**

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 1 / 2019

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь ад 16.01.2018 № 16) часопіс
«Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навуках

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

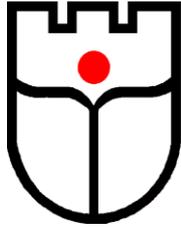
Часноўскі М.Э. Еўрапейскі сегмент сучаснай геапалітыкі Рэспублікі Беларусь.....	5
Froltsov V.V. Germany's Foreign Policy in the Context of the Multilateralism Crisis in the 2010s: the Main Challenges and Risks	20
Савіч А.А. Гендарныя аспекты айчынной гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг.	30
Середа А.С. Сложности реализации законодательства об отмене крепостного права в белорусских губерниях	36
Билевич А.В., Стрелец М.В. Деятельность общественных организаций в 1926–1939 гг. на территории Полесского воеводства Польши	45
Карнялюк В.Р. Акалічнасці вымушанай міграцыі насельніцтва на Палескай чыгунцы ў 1915 г.	54
Козлова К.И. Полоцкие епископы XII – начала XVI в.	61
Лишик В.В. Происхождение и история рода Урсин-Немцевичей в XVII – первой половине XVIII в.	68

ЭКАНОМІКА

Романович С.П. Методические аспекты прогнозирования потребительского рынка приграничного региона.....	76
Силюк Т.С. Малоритский район в советский период: экономические аспекты	85
Куган С.Ф. Логистический потенциал территории: понятие, особенности, научная логика	94
Мишкова М.П. Логистический финансовый потенциал цепи поставок	100
Черновалов П.А., Черновалова Ж.В. Совершенствование методов организации труда и структуры коммерческих банков в условиях цифровой экономики	106
Зайцева Н.И., Крылович Н.В. Преимущества использования кластеров в системе образования.....	112

ПРАВА

Гончаров В.В. О некоторых проблемах, связанных с определением принципов, целей и задач общественного контроля в Российской Федерации.....	120
Заранка И.А. Незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ по законодательству Республики Беларусь: к уточнению предмета преступления и вопросов квалификации.....	127
Лепешко Б.М., Лепешко А.Б. Дискурс в правоведении: поиски логических оснований	133
Назарова О.В. К вопросу о юридической силе решений Суда Евразийского экономического союза и последствиях их вынесения	140
Резюк В.И. Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями: юридическая оценка правонарушения	147
Абламейко М.С. Правовые вопросы электронной занятости населения в Республике Беларусь и странах СНГ	154

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:
A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief:
S.A. Marzan

International Board:
Anton Miranovich (Poland)
Mark Pilkington (France)
Stanislav Rudolf (Poland)
B.V. Salikhov (Russia)

Editorial Board:
A.M. Vabishchevich
(managing editor)
V.F. Bajnyov
T.A. Garupa
A.A. Guzhalovski
T.I. Dovnar
A.I. Zabeivarota
V.V. Zdanovich
G.A. Zorin
V.L. Klunia
V.V. Losev
B.M. Lyapeshka
A.A. Savich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1336 from April 28, 2010

Editorial Office:
224016, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY

ECONOMICS

LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 1 / 2019

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 № 94 (as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from January 16, 2018 № 16) the journal «Vesnik of Brest University. Series 2. History. Economics. Law» has been included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in historical, economic and law sciences

INDEX

HISTORY

Chasnouski M.E. The European Aspect of Current Geopolitics of the Republic of Belarus	5
Фрольцов В.В. Внешняя политика Германии в условиях кризиса мультилатерализма в 2010-е гг.: основные вызовы и риски	20
Savich A.A. Gender Aspects of the Domestic Historiography of the History of Western Belarus 1921–1939	30
Sereda A.S. Difficulties in Implementing Legislation on the Abolition of Serfdom in the Belarusian Provinces	36
Bilevich A.V., Strelez M.V. The Activities of Public Organizations in 1926–1939 on the Territory of the Polesie Voivodship of the Poland	45
Karnyalyuk V.R. Circumstances of Forced Migration of the Population on the Poleskaya Railway in 1915	54
Kozlova K.I. Bishops of Polotsk of the XII – Beginning XVI Centuries.....	61
Lishyk W.W. Origin and History of Ursyn-Nemtsevich Family in the XVII – First Half of the XVIII Century	68

ECONOMICS

Romanovich S.P. Methodical Aspects of Forecasting of the Consumer Market of the Border Region	76
Silyuk T.S. Malorita District in the Soviet Period: Economic Aspects	85
Kugan S.F. Logistic Capacity of the Territory: Concept, Features, and Scientific Logic	94
Mishkova M.P. Logistic Financial Potential of Supply Chains	100
Chernoalov P.A., Chernoalova Z.V. Improving the Organization Methods of Labour and the Structure of Commercial Banks in Digital Economy	106
Zaitseva N.I., Krylovich N.V. Advantages of Using Clusters in the Education System	112

LAW

Goncharov V.V. Some of the Problems Associated with Defining Principles, Goals and Objectives of Public Control in the Russian Federation	120
Zaranka I.A. Illegal Circulation of Firearms, Ammunition and Explosives under the Legislation of the Republic of Belarus: to Specification of a Crime Subject and the Questions of Qualification	127
Lepeshko B.M., Lepeshko A.B. The Legal Discourse: in Search of Rationale	133
Nazarova O.V. On the Issue of Legal Force of Court Decisions of the Eurasian Economic Union and the Consequences of Their Issuance.....	140
Rezyuk V.I. Misappropriation, Embezzlement and Theft by Abuse of Official Powers: Legal Assessment of Offenses	147
Ablameyko M.S. Legal Issues of Electronic Employment of the Population in the Republic of Belarus and Cis Countries	154

ГІСТОРЫЯ

УДК 327(476)

М.Э. Часноўскі

д-р гіст. навук, праф., заг. каф. міжнародных адносін

Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

e-mail: m.chasnouski@gmail.com

ЕЎРАПЕЙСКИ СЕГМЕНТ СУЧАСНАЙ ГЕАПАЛІТЫКІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

Даследуюцца еўрапейскі напрамак геапалітыкі Рэспублікі Беларусь. Зыходны пункт аналізу: з улікам уласнай геапалітычнай вагі краіна ў сучасных абставінах можа іграць на міжнароднай арэне толькі ў камандзе. Яе аптымальны геапалітычны выбар дзеля рэалізацыі знешніх мэтаў на еўрапейскай прасторы – мець двух і больш моцных партнёраў, на якіх можна абaperціся, каб гарантаваць магчымасці знешнепалітычнага манеўру, а стратэгіяй дасягнення поспеху павінны выступаць палітыка «разумнай сілы», неканфрантацыйныя адносіны, дыялог і кампрамісы. Захаваць геапалітычную раўнавагу краіны ў еўрапейскіх працэсах дапамогуць унутраныя сродкі – інавацыйныя здольнасці краіны і нацыянальна-палітычная кансалідацыя грамадства.

Уводзіны

Заняпад постсавецкай прасторы пасля распаду СССР спарадзіў асаблівыя адносіны міжнароднай супольнасці да яго дзяржаў-нашчадкаў. Яны сталі ацэньвацца як другасныя, лімітрофныя краіны. Нездаровы патэрналізм да іх уласцівы і Еўрапейскаму саюзу. Дэпутат Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь В.І. Варанецкі лічыць, што «Еўрасаюз з самага пачатку... не ўлічваў геапалітычны кантэкст развіцця нашага рэгіёна. Таму па вялікім рахунку можна сказаць, што знешняя палітыка Еўрасаюза не змагла вырашыць ні адной з праблем усходняга рэгіёна. І больш за тое, спроба сфарміраваць гэты рэгіён, зыходзячы са сваіх інтарэсаў, задач і каштоўнасцей, прывяла да таго, што тут абвастрэўся крызіс, узніклі дадатковыя супярэчнасці і складанасці» [1]. Расія таксама мерамі «мяккай», а часам і «жорсткай сілы» – з рознай ступенню паспяховасці – паставіла большасць былых савецкіх рэспублік у стан залежнасці ад сябе. Прыглушанае прыкладна да 2008 г., а затым адкрытае суперніцтва ЕС і Расіі за дамінаванне на постсавецкай прасторы спарадзіла адкрыты канфлікт. Шэраг краін – удзельніц СНД аказаўся пад двайным геапалітычным прэсінгам. Такі знешнепалітычны стан абцяжарвае іх магчымасці паўнаважна ўплываць на працэсы функцыянавання як сваіх субрэгіёнаў, так і рэгіёна ЦУЕ ўключаюцца ў вырашэнне агульнаеўрапейскіх праблем. На фоне паляпшэння ўзаемасувязей з ЕС адносіны Рэспублікі Беларусь з ключавым саюзнікам – Расійскай Федэрацыяй – падвергліся рэвізіі і перайшлі ў фазу крызісу па шэрагу найважнейшых напрамкаў (ваеннае, нафтавае, гандлёвае, культурнае і палітычнае ўзаемадзеянне). Беларусі, якая прымкнула да больш слабага паводле колькасці насельніцтва, эканамічнага і ваеннага патэнцыялу, але гістарычна блізкага боку, наканавана выправіць перакос за кошт пашырэння колькасці стратэгічных партнёраў.

Рэспубліка Беларусь не звышдзяржава, нават не рэгіянальны лідар. У сучасных абставінах яна можа іграць на міжнароднай арэне толькі ў камандзе. Згаданая дзейнасць прыносіць рэальныя, а часам віртуальныя вынікі. Такая логіка рэалізацыі геапалітычных прыярытэтаў. Разам з тым і віртуальны вынік нельга лічыць бессэнсоўным ці такім, што мае нулявы эффект. Такі вынік дае вопыт знешнепалітычнай дзейнасці, прымушае аптымізаваць крокі, манеўраваць на знешнім полі, шукаючы больш прыдатныя варыянты рэалізацыі нацыянальных мэтаў.

Геапалітычная фабула, абумоўленая выбарам знешнепалітычных прыярытэтаў, правярана гістарычнай практыкай. Яе сутнасць: самымі важнымі партнёрамі бываюць перш за ўсё краіны-суседзі. Для Беларусі ролю параўнальнага з Расіяй эканамічнага партнёра ўсё больш упэўнена іграе Еўрапейскі саюз. Гэта адбываецца насуперак «халодным» палітычным адносінам паміж двума суб'ектамі. Расія з аднаго боку і ЕС з другога былі і застаюцца для Беларусі асноўнымі і амаль раўназначнымі цэнтрамі палітычнага, эканамічнага і культурнага прыцягнення [2, с. 38–39]. Вядучая геапалітычная калізія зводзіцца да імкнення як Расіі, так і Еўрасаюза прапанаваць свой сцэнарый. Яго мэта – «перацягнуць» еўрапейскую дзяржаву на свой бок. «Перацягванне» становіцца больш інтэнсіўным у перыяды абвастрэння адносін паміж абодвума актарамі.

Стрыжнем знешняй стратэгіі сучаснай Беларусі ў такіх умовах выступае пазбяганне канфрантацыі з моцнымі суседзямі, якая можа прывесці да непапраўных геапалітычных вынікаў. Разнастайныя ініцыятывы па еўрапейскай праблематыцы – сведчанне пэўнай актыўнасці краіны. Нельга пагадзіцца з павярхоўнымі меркаваннямі аб маргінальнасці Рэспублікі Беларусь на еўрапейскай арэне, ацэнкай яе як «палітычнага ізгоя» [3, с. 5]. Аднак арсенал метадаў і сродкаў геапалітычнага ўплыву Беларусі на еўрапейскія працэсы яўна абмежаваны і вымагае карэкціроўкі. Беларусі, як дзяржаве з абмежаванымі геапалітычнымі магчымасцямі, неўласціва выкарыстоўваць «жорсткую сілу». Міжнародная практыка паказвае, што ў такіх сітуацыях практычна любой краіне – аналогу Беларусі прыходзіцца лавіраваць, каб не скаціцца ў канфрантацыю з тым ці іншым знешнім апанентам. Яскравы прыклад – пазіцыя афіцыйнага Мінска па пытанні прыналежнасці Крыма. Факт непрызнання Беларуссю на афіцыйным узроўні далучэння Крыма да Расіі выглядае абсалютна апраўданым. Яшчэ ў сакавіку 2014 г. прэзідэнт А. Лукашэнка сказаў, што Крым сёння – гэта частка тэрыторыі Расійскай Федэрацыі і нічога не зменіцца ад таго, прызнае гэта хтосьці ці не. Згаданая заява лягла ў аснову беларускай пазіцыі па дадзеным пытанні. Прасцей кажучы, Мінск ужо даўно прызнаў факт далучэння паўвострава да Расіі і толькі фармальна заяўляе аб сваёй нейтральнай пазіцыі, не жадаючы, відавочна, абвастраць адносіны з Захадам. Такое геапалітычнае манеўраванне зусім не шкодзіць нацыянальным інтарэсам Беларусі.

У сучасных міжнародных рэаліях узнікаюць абставіны непераадольнай сілы – крызісы, канфлікты, масавыя выступленні, хаос і да т.п. Захаванне нацыянальнай бяспекі ў такіх умовах вымушае прымяняць сілавыя метады, істотным складнікам якіх выступае іх інфармацыйная падтрымка. Такія інфармацыйныя аперацыі ў сукупнасці з выкарыстаннем ваенных сродкаў, спецыяльна арыентаваных дзеянняў грамадскіх інстытутаў, прапаганды ў СМІ, мер палітыка-дыпламатычнага, фінансава-эканамічнага, культурнага, спартыўнага, дзелавога, навукова-асветніцкага зместу атрымалі назву «гібрыдных войнаў». Апошнія сталі стрыжнем палітыкі «мягкай сілы».

Як у любой вайне, у гібрыднай ёсць агрэсар і ахвяра. Рэспубліка Беларусь з пункту погляду свайго геапалітычнага патэнцыялу і з улікам дактрыны нацыянальнай бяспекі абвргае ініцыятыўнае выкарыстанне метадаў «гібрыднай вайны», а значыць – палітыку «мягкай сілы». А вось для інфармацыйнага процідзеяння геапалітычным канкурэнтам, якія скіравалі супраць нас сродкі «гібрыднай вайны», краіна павінна быць гатовай.

Аптимальны варыянт выкарыстання Беларуссю свайго ўплыву ў міжнародных адносінах – стратэгія «разумнай сілы». Як вядома, яна ўзнікла ў выніку сусветнай эканамічнай глабалізацыі і ўтварэння яе прадукта – суперкангламерата, складзенага з групы фінансава-крэдытных і транснацыянальных карпарацый, якія валодаюць львінай доляй сусветнага «эканамічнага пірага». Суперкангламерат дае прастор ініцыятыве не толькі дзяржавам-гігантам, але і тэхналагічна «прасунутым» сярэднім і малым краінам, якія здольны манеўраваць «разумнай сілай» («*smart power*») як сінтэзам «жорсткай» і «мягкай». Стратэгія «разумнай сілы» – найбольш верагодны бонус для росту значнасці Бе-

ларусі. Краіна валодае неабходнымі складнікамі, каб, карыстаючыся згаданай стратэгіяй, павышаць уласную эфектыўнасць, здольнасць да стратэгічнага выбару і манеўру, выгаднай інтэграцыі з сусветнымі цэнтрамі – нават незалежна ад сваёй геапалітычнай вагі. Выпрацаваўшы і ўдала апрабіраваўшы стратэгію «разумнай сілы», Рэспубліка Беларусь здолее праводзіць «сваю лінію» міжнародных паводзін (канстытуцыйна абумоўленую стратэгію роўнаадаленасці ад блокаў, кааліцый, звышдзяржаў).

Патэнцыял «разумнай сілы» Беларусі сканцэнтраваны ў магчымасцях развіцця IT-індустрыі, лічбавай эканомікі, рынковых адносін, геаэканамічнага манеўравання, здольнасцях генерыраваць і выкарыстоўваць інавацыі, у наяўнасці сучаснага навукова-інтэлектуальнага кадравага сегмента, у ступені нацыянальна-палітычнай кансалідацыі. Як паказальны прыклад назавём найноўшую распрацоўку Мінскага трактарнага завода – IT-трактар. Ідэнтычных трактараў на постсавецкай прасторы пакуль не выпускаюць. У сусветных вытворцаў такія ёсць, аднак каштуюць у 1,5 раза даражэй за беларускія (яго кошт – 200 тыс. еўра). Трактарыст можа задаць машыне любую праграму, і яна, звязаўшыся са спадарожнікам, сама пачне, напрыклад, засяваць поле.

У каардынаты «разумнай сілы» ўпісваецца ўдзел дзяржавы ў знешнепалітычнай каманднай гульні. У апошнія гады Беларусь здзяйсняла тут даволі эфектыўныя крокі. Варта нагадаць ініцыятыўную ролю Мінска ў наладжванні перамоў па вырашэнні крызісу ва Украіне, прасоўванне ініцыятывы «Хельсінкі-2», прапановы развіцця больш цеснага ўзаемадзеяння паміж еўрапейскім і еўразійскім інтэграцыйнымі працэсамі. Асноўнай геапалітычнай асаблівасцю Рэспублікі Беларусь у сістэме еўрапейскіх адносін з'яўляецца тое, што яна вымушана практычна гуляць у дзвюх камандах, прычым па вельмі адрозных «нотах», паколькі размешчана паміж канфрантацыйнымі палюсамі (Расіяй і Еўрасаюзам) і мае з імі выразна асіметрычныя адносіны. І тут варта пагадзіцца з выкладкамі вядомага беларускага эксперта па пытаннях міжнароднага жыцця Я. Прэйгермана, які на інтэрнэт-партале minskdialogue.by паказаў, што два наратывы: класіфікацыя Беларусі як расійскага геапалітычнага прыдатку і выбудоўванне логікі беларускай знешняй палітыкі выключна на спецыфіцы палітычнай сістэмы дзяржавы – з'яўляюцца недапушчальным спрашчэннем. У сапраўднасці беларуская дзяржава, хоць і па вызначэнні няздольная праводзіць самастойную еўрапейскую палітычную лінію, але мае і адстойвае шэраг рэгіянальных геапалітычных прыярытэтаў, якія да таго ж зараз аказаліся аголеным нервам вялікай міжнароднай палітыкі. Зыходзячы з гэтага, для краіны акрэсліваецца галоўная геапалітычная запаведзь – трымацца ў баку ад процістаяння і захоўваць неканфрантацыйныя адносіны з абодвума палюсамі сілы. Місія звышскладаная, яна атаясамлівае геапалітычную стабільнасць Беларусі як своеасаблівы чамадан без ручкі: несці неабходна, але трымаць цяжка.

Як ацэньваюць асаблівасці геапалітычнай стабільнасці Рэспублікі Беларусь яе еўрапейскія партнёры? Сучасная ацэнка Захадам феномена геапалітычнага стану Беларусі прыкладна такая: асцерагаючыся, што Захад можа падтрымаць выступленне кшталту Майдана супраць прэзідэнта А. Лукашэнкі, а таксама адчуваючы патрэбу ў заходніх інвестыцыях для стымулявання эканамічнага росту (празмерна залежнага ад расійскай эканомікі, якая перажывае скарачэнне) ў перыяд рэцэсіі, беларускі прэзідэнт прапанаваў стаць пасрэднікам у канфрантацыі паміж Расіяй і Захадам з-за Украіны. Анексія Крыма У. Пуціным і распальванне канфлікту на ўсходзе Украіны таксама заставілі А. Лукашэнку асцерагацца, што Расія можа распачаць падобныя дзеянні ў Беларусі, калі палічыць, што яе інтарэсы там знаходзяцца пад пагрозай. Таму беларускі лідар паступова пачаў спрабаваць паляпшаць адносіны з Захадам, у той жа час пакідаючы сувязі ў галіне бяспекі і стратэгічны саюз з Масквой, падтрымка якой неабходная яму для захавання сваёй улады.

Паводле існуючага ў колах расійскіх экспертаў меркавання, вызначальны аспект сённяшняй знешняй палітыкі Беларусі – гэта спробы вызваліцца з-пад расійскай сферы кантролю. Яны з’явіліся менавіта ў той час, калі ў Еўропе палітычнае асяроддзе стала змяняцца на карысць Расіі: выбары ў Еўропе сталі прыводзіць да ўлады партыі, больш схільныя да Масквы. У гэтых умовах крокі Беларусі на Захад у расійскім уяўленні – гэта прывід яшчэ адной «каляровай рэвалюцыі» на сваім парозе ўслед за Украінай.

Стрыжань афіцыйнай беларускай геапалітычнай лініі – знайсці баланс ва ўзаемадзеянні з Расійскай Федэрацыяй і Захадам, прадухіліць магчымасць развіцця паталагічных форм Саюза Беларусі і Расіі (аж да паглынання Беларусі), уключэння Масквой істотных рэінтэграцыйных козыраў, пераважна эканамічных і культурна-цывілізацыйных. Мінску важна, каб падтрымка з боку ЕС не разбурала яўным чынам саюзныя адносіны паміж Беларуссю і Расіяй. Любы адваротны вырыянт – надзвычай непажаданы; апрача ўсяго, ён намнога павысіў бы нестабільнасць у рэгіёне ЦУЕ.

Беларуская апазіцыя пастаянна вылучае тэзіс: узамен на крамлёўскія датацыі і танныя энэргарэсурсы Беларусь паступова, год за годам, страчвае сваю самастойнасць, становячыся ўсё больш залежнай ад Расіі. Згаданы тэзіс, як мяркуецца, варта расцэнываць не толькі для самазапалохвання беларусаў, але і як верагодны. Сапраўды, Беларусь расцэнываецца Масквой як жыццёва важная буферная зона, якая аддзяляе Расію ад НАТА і Захаду. Геаграфічнае размяшчэнне Беларусі, якая мяжуе з трыма членамі Паўночнаатлантычнага альянсу (Польшчай, Літвой і Латвіяй), надае краіне бяспрэчнае значэнне для Расіі, якое толькі вырасла з 2014 г. на фоне падзей ва Украіне.

Заўважым: і Захад, і Расія ўспрымаюць Беларусь як краіну, якая мае яўны геапалітычны патэнцыял, здольны ўплываць на еўрапейскія працэсы. Такую здольнасць палітыка-кан’юнктура не ўлоўлівае беларуская апазіцыя.

Геапалітычны працэс – гэта «броўнаўскі рух», здольны ў адзін момант скараціраваць, змяніць, нават перакуліць палітычную карту. Гэта ўласцівае назіраецца і зараз. Хісткасць сучаснага стану стабільнасці ў свеце вызначаецца канфрантацыяй паміж Расіяй і ЗША. У апошні час канфрантацыя стабілізавалася, стала «нормай» адносін; гэта добрая навіна. Дрэнная навіна: на фоне крызісу ва Украіне стан проціборства набыў рысы ваенна-палітычнага супрацьстаяння на ўсходзе Еўропы, спалучыўшыся там з нарошчваннем узбраенняў. Тым самым востра закранаюцца жыццёвыя інтарэсы Рэспублікі Беларусь. Пацвярджэннем прагучала заява расійскага міністра абароны С. Шойгу, зробленая ў ліпені 2018 г., аб бесперапынным удасканаленні баявога складу войск і сістэм іх базіравання на заходнім стратэгічным напрамку, што выклікана, паводле яго слоў, сітуацыяй, якая склалася. З 2016 г. войскі атрымалі каля 5 тыс. адзінак новага і мадэрнізаванага ўзбраення і тэхнікі. Асабліва ўвага надаецца супрацоўніцтву з беларускімі ваеннымі, адзначыў расійскі міністр.

У сітуацыі, якая ўзнікла, беларускае кіраўніцтва намагаецца весці палітыку «разумнай сілы». Яго пазіцыя па праблеме спынення агню на паўднёвым усходзе Украіны дазволіла пачаць працэс нармалізацыі адносін з Захадам, затое прывяла да прыкметнай незадаволенасці з Усходу. Паводле меркавання шматлікіх экспертаў, Мінск зараз падвяргаецца беспрэцэдэнтнаму ваенна-палітычнаму ціску з боку Крамля, які імкнецца ўцягнуць яго ў процістаянне з Захадам. Можа здацца, што Беларусь апынулася перад складаным геапалітычным выбарам: з Захадам адносіны няхай паволі, але наладжваюцца, затое галоўны саюзнік дэманструе скараціць субсідыі і рэальна пагражае дэстабілізацыяй. На справе выбару ў беларускага кіраўніцтва няма. Яно разумее: калі Масква націсне ўсур’ёз, то доўга супраціўляцца не атрымаецца. Да таго ж і непасрэдня суседзі Беларусі, краіны Балтыі, Польшча, Украіна, слаба вераць у гарантаную адсутнасць пагроз супраць яе тэрыторыі.

Палітыка «разумнай сілы» грунтуецца на прадуманай тактыцы кампрамісаў. Складанасць для беларускага боку атрымліваць ад яе плён выказана міністрам замежных спраў У.У. Макеем на сумесным пасяджэнні калегій МЗС Беларусі і Расіі ў лістападзе 2016 г. пры характарыстыцы стану сучасных міжнародных адносін. «Мы ва ўсё большай ступені сутыкаемся з дэфіцытам гатоўнасці да кампрамісаў. У гэтай сітуацыі ніхто не можа адчуваць сябе бяспечна, – адзначыў ён. – Мы жывём ва ўзаемазвязаным свеце. Новыя выклікі і пагрозы ў той ці іншай ступені закранаюць усе краіны незалежна ад іх памераў і стану» [4]. Словам, Беларусь аказалася ў сітуацыі геапалітычнага разрыву, калі, з аднаго боку, пачуццё самазахавання падказвае, што варта паціху знаходзіць агульную мову з Еўропай і Вашынгтонам, а з другога – стрымлівае залежнасць ад Масквы ў эканамічнай, палітычнай і ваеннай сферах. І пры тым апошняя раўніва сочыць, каб Беларусь не перасекла пэўнай «чырвонай лініі», рубеж якой зноў жа вызначае Крэмль. Ясна адно: носьбіту «разумнай сілы» ніяк не адпавядае сцвярджэнне ўкраінскіх экспертаў, што Расія намерана «прыплюсаваць» патэнцыял Беларусі да ўласнага патэнцыялу, да сваіх кіламетраў мяжы з Украінай – «беларускія кіламетры» і стварыць дадатковыя магчымасці для поўнамаштабнага нападу на Украіну. Такі сцэнарый сведчыў бы аб фактычнай акупацыі Беларусі, азначаючы, паводле Ф. Фукуямы, «канец гісторыі» – толькі навыварат.

Новыя рэаліі ўзніклі праз непрадказальную палітыку амерыканскага прэзідэнта Д. Трампа, якая зблытала карты НАТА адносна Беларусі і Украіны. Засяродзіўшыся на праблемах уласнай ціхаакіянскай палітыкі (небяспека, што на фоне дынамізацыі паўночнакарэйскай ядзернай праграмы Паўднёвая Карэя перастане верыць амерыканскім заявам і зоймецца стварэннем уласнай ядзернай зброі, да падобных высноў можа прыйсці і Японія), Трамп закіне еўрапейскія праекты НАТА. Узнікне новы сцэнарый: поўнае фіяска пацерпіць усходняя палітыка ЕС, а Расія, цалкам атрымаўшы ва ўласную сферу ўплыву Украіну і Беларусь, зоймецца там рэстаўрацыяй савецкіх (расійскіх) парадкаў. Паводле меркавання шэрагу заходніх аналітыкаў, якраз такога сцэнарыя асцерагаецца беларускі прэзідэнт А. Лукашэнка. Ускосным сведчаннем гэтага сцвярджэння з'яўляецца яго перыядычны зварот да праблемы захавання суверэнітэту Рэспублікі Беларусь, прадухілення небяспекі трапіць у лімітрофны стан і ператварыцца ў эксперыментальнае поле адраджэння расійскай імперыі.

Мяркуем, што міжнародны статус Рэспублікі Беларусь, яе курс на дасягненне нейтралітэту, роля на еўрапейскай геапалітычнай сцэне, пазіцыя беларускай нацыі (з пэўнай агаворкай) не даведучь да такой развязкі. Горшы варыянт абмяжуецца традыцыйнымі канфліктамі, калі Мінск і Масква, нягледзячы на агульную саюзніцкую рэторыку і знаходжанне дэ-юрэ ў адзінай эканамічнай прасторы, з перыядычнасцю, вартай лепшага прымянення, уваходзяць у жорсткі клінч. Гісторыя згаданых канфліктаў атрымала свае назвы: газавая, малочная, калійная і іншыя войны, а таксама павышэнне тарыфаў на транзіт расійскай нафты і газу. Пасля паспяховай развязкі чарговай вайны звычайна застаецца нядобры «смак».

Сама Саюзная дзяржава Беларусі і Расіі, падышоўшы да 20-гадовага юбілею ў красавіку 2017 г., набыла абрысы, далёкія ад ідэальных. Рознагалоссі ў яе межах выцякалі з-за коштаў на энерганосьбіты, парадку паставак прадуктаў харчавання, стварэння суседам памежных зон. Інтэграцыйныя праекты ў рамках ЕАЭС адносна Беларусі ў большасці таксама носяць калі не чыста палітычны змест, то палітычны падтэкст. Так, праз палітычны рознагалоссі Мытны кодэкс ЕАЭС уступіў у сілу з 1 студзеня 2018 г. (замест запланаванага 1 ліпеня 2017 г.), а беларускі прэзідэнт афіцыйна падпісаў яго са спазненнем – у красавіку 2017 г., хоць лідары астатніх членаў аб'яднання гэта зрабілі яшчэ ў канцы 2016 г.

Наколькі дапаможа беларускі нейтралітэт захаванню суверэннай дзяржавы? Ні «ястрабы», ні аптымісты, ні песімісты, ні рэалісты на Захадзе ўсур'ез не ўспрымаюць слоган пра беларускі нейтралітэт. Пануе меркаванне, што краіна, уваходзячы ў АДКБ, не можа гаварыць аб нейтралітэце. Аднак рэалісты (а такіх нямала) разумеюць, што гэты лозунг – спроба беларускага кіраўніцтва ва ўмовах нарастаючай напружанасці паміж Расіяй і Захадам, Расіяй і ЕС, Расіяй і Вялікабрытаніяй знайсці сваё месца на карце і пазбегнуць канфрантацыі.

Рубяжы росту геапалітычнай вагі Беларусі ў Еўропе

Крокаў афіцыйнага Мінска пакуль мала, каб павысіць еўрапейскую вагу дзяржавы, але дастаткова, каб захаваць што ёсць. Тут важна дадаць істотны момант: краіне патрэбны сапраўдны дыялог, а не яго ранейшая імітацыя, аднак беларускае кіраўніцтва пры яго выбудоўванні прыныцова вымушана ўлічваць пазіцыю саюзніка – Расійскай Федэрацыі – і грунтаваць дыялог не на процілегласцях Масквы і Захаду, а на супрацоўніцтве. Відавочна, беларускаму лідару ўдалося пераканаць Еўрапейскі саюз, што абвешчана шматвектарная палітыка Рэспублікі Беларусь – не толькі спосаб паменшыць залежнасць ад усходняга суседа, але і сапраўднае імкненне адстойваць пэўныя нацыянальныя інтарэсы на Захадзе, у прыватнасці ўмацоўваць дзяржаўны суверэннітэт і незалежнасць, бяспеку і стабільнасць краіны. Прынятае ў лютым 2016 г. рашэнне ЕС аб адмене большасці санкцый у адносінах да Беларусі адкрыла для гэтага новыя магчымасці. Асаблівасцю пачатку апошняга этапу беларускага-еўрасаюзных адносін стаў зрух акцэнтаў Бруселя ад негалоснай падтрымкі апазіцыі да актыўнага супрацоўніцтва на афіцыйным узроўні. Праяўленая гатоўнасць ЕС і яго краін-членаў актывізаваць супрацоўніцтва з Беларуссю цалкам адпавядае курсу афіцыйнага Мінска, які ўсё ж перманентна падкрэслівае важнасць не палітызацыі, а прагматызацыі пазіцыі. Сапраўды, дыпламатычны прарыў неабходна замацоўваць эканамічнымі механізмамі.

У гэтым сэнсе становіцца зразумелым агучваемае Мінскам жаданне бачыць моцны Еўрапейскі саюз. Ментальна яно выглядае дысанансам, таму што беларускае кіраўніцтва не падзяляе еўрапейскія каштоўнасці. Зноў жа, беларускі партнёр па Саюзнай дзяржаве Расія яўна не прыхільнік моцнага Еўрасаюза. Аднак перавышае класічная геапалітычная «фішка» – патрэба мець прастору для маневра. Сапраўды, любой невялікай краіне, асабліва на такім гарачым геапалітычным перасячэнні, дзе пануюць глабальныя актары, заўсёды выгадна мець некалькі партнёраў (можна і саюзнікаў) як падстраховачную падушку на выпадак крызісаў. Гэта дазваляе адчуваць сябе больш свабодна, дадае дадатковыя кропкі апоры для рэалізацыі ўласных інтарэсаў, захавання суверэннітэту, гарантуе не аказацца перад дамінуючым уздзеяннем адной вялікай дзяржавы.

Пэўнае пацяпленне з 2016 г. адносін на лініі Беларусь – ЕС адпавядае нацыянальным інтарэсам, а значыць, геапалітычна апраўданае. У лістападзе Мінск наведала дэлегацыя Камітэта па палітыцы і бяспецы Савета Еўрасаюза. Гэты візіт названы самым маштабным у гісторыі адносін двух актараў. Падчас перагавораў з прадстаўнікамі Камітэта прэзідэнт А. Лукашэнка прапанаваў Мінск як пляцоўку для ўрэгулявання адносін паміж Захадам і Усходам, заявіўшы, што з адменай санкцый з'явіўся шанс для ўзаемавыгоднага супрацоўніцтва. Беларусь зацікаўлена ў паглыбленні адносін, аднак не ставіла і не ставіць на мэце безаглядна бегчы ў Еўрасаюз, пры гэтым нават парушаючы дзеючыя абавязацельствы з трэцім бокам.

Для Захаду апошнім часам Беларусь працягвала працаваць над сваім іміджам як незалежнага паслядоўнага партнёра, донара рэгіянальнай бяспекі з перспектывымі ўмовамі для размяшчэння інвестыцый. Дактрынальна гэтыя намаганні названы будаўніцтвам «платформы супрацоўніцтва на аснове ўзаемапавагі і балансу інтарэсаў». Такі вобраз забяспечвае даволі паспяховыя пазіцыі краіны ў знешняй палітыцы, лепшыя,

чым ва ўнутранай. Там Запад па-ранейшаму крытычна ацэньвае сітуацыю ў галіне правоў чалавека і дэмакратыі. Індыкатарам крытычнасці аказалася прадаўжэнне мандата спецдакладчыка ААН па Беларусі.

Сустрэча ў Мінску кіраўнікоў МЗС Цэнтральна-Еўрапейскай ініцыятывы (пад старшынствам Беларусі), сесія ПА АБСЕ ў ліпені 2017 г., іншыя міжнародныя сустрэчы на беларускіх пляцоўках важныя хутчэй у якасці іміджавага мерапрыемства. Такія падзеі павялічваюць сімвалічны капітал знешняй палітыкі Беларусі, хоць і неістотна, але ўплываюць на вырашэнне актуальных практычных праблем краіны бягучага і перспектывага парадку.

У адносінах з усходнім суседам пераважаюць не іміджавыя дасягненні, а нявырашаныя праблемы. У пералік праблем беларуска-расійскага стратэгічнага саюзніцтва трапілі розныя рычагі ўзаемаўплыву бакоў на стан адносін, найбольш істотныя сярод якіх пастаўкі энергарэсурсаў, асаблівасці памежнага кантролю на ўзаемнай мяжы, ваенна-тэхнічнае супрацоўніцтва. Зразумела, іх паспяховае вырашэнне ў рэчышчы беларускіх чаканняў павялічыла б геапалітычную вагу краіны. Так, практычна перманентна вядуцца перагаворы аб умовах паставак расійскіх энергарэсурсаў у Беларусь: Мінск зацікаўлены ў захаванні льготнага рэжыму атрымання нафты і газу. Беларусь сапраўды ўжо больш за 20 гадоў атрымлівае нафту і газ па льготным тарыфе, аднак Масква стала абмяжоўваць памер сваіх датацый, патрабуючы ад прэзідэнта А. Лукашэнкі, каб той актыўней падтрымліваў яе на міжнароднай арэне і стварыў спрыяльныя ўмовы для расійскага бізнесу ў сваёй краіне. У адказ за кожны выгадны Маскве крок Мінск выстаўляе новы рахунак. У выніку ўзнікаюць гандлёвыя войны. Разам з тым неабходна ўлічваць, што сусветны дысбаланс, пры якім адны рэгіёны кантралююць энергетычныя рэсурсы, тады як іншыя маюць у іх вострую патрэбу, у будучым захавасць сваю значнасць пры размеркаванні эканамічнай і палітычнай улады, а таксама стратэгічнага ўплыву. Хоць вядомыя нам мадэлі спажывання і вытворчасці зведаюць істотныя змены, аднак на Беларусі яны рэальна не адаб'юцца.

Мінску не падабаецца, што з лютага 2017 г. на беларуска-расійскай мяжы Масква ўввела паўнаважны памежны кантроль. Не вырашана праблема ўзаемнага прызнання віз замежных дзяржаў. Расійскі бок патрабуе ажыццяўляць беларускі транзіт прадуктаў нафтаперапрацоўкі праз свае парты. Але з улікам транзітнага характару беларускай гандлёвай прасторы кіраўніцтву важна разумна іграць уласнымі козырамі дзеля захавання выгадных лагістычных калідораў. Пры гэтым не сапаваць адносіны з суседнімі краінамі – партнёрамі па эксплуатацыі згаданых калідораў. Тут галоўны нерв напружанасці – расійскія планы ўвязкі ў адзін пакет выдзяляемых аб'ёмаў пастаўкі нафты для Беларусі і транзіту нафтапрадуктаў праз свае парты з аднаго боку і непазбежныя праблемы ў адносінах з Літвой і Латвіяй з другога. Для беларускага кіраўніцтва застаюцца хвалюючай загадкай расійскія памежныя ініцыятывы. Некаторыя аналітыкі дапускаюць, што ўстаноўка памежных слупоў, набываючыя жорсткасць эканамічныя ўмовы і яўная антыбеларуская інфармацыйная кампанія сведчаць аб крызісе ў двухбаковых адносінах і пагрозе для беларускай незалежнасці і суверэнітэту, а як мінімум – аб эканамічным прэсінгу адносна Беларусі.

Яшчэ адной складанай тэмай застаецца ваенна-тэхнічнае супрацоўніцтва. Расія адмаўляе Беларусі ў пастаўках найноўшага ўзбраення (самалёты, ракетныя комплексы) нават за аплату. З усяго згаданага акрэсліваецца геапалітычная калізія: па-першае, Масква не вельмі давярае свайму саюзніку і імкнецца плаціць за саюзніцтва па мінімуму; па-другое, жадае выдавіць згоду Мінска на размяшчэнне сваіх ваенных баз на беларускай тэрыторыі; па-трэцяе, у 2020 г. заканчваецца тэрмін пагаднення аб знаходжанні ў Беларусі двух ваенных аб'ектаў пад Ганцавічамі і Вілейкай, і ўмовы новага пагаднення патэнцыяльна становяцца прадметам вострых дыскусій паміж саюзнікамі.

Пакуль ясна адно: у Крамлі яшчэ не прынята канчатковага рашэння, якая менавіта форма ціску найбольш падыходзіць адносна Беларусі сёння. Таму з усёй мазаікі праблем акрэсліваецца тое, што пакуль па-эзопаўску агучваецца беларускім кіраўніцтвам: неабходна пакончыць з моназалежнасцю ад Масквы шляхам захавання добрых адносін і з Расіяй, і з Еўрасаюзам. Стратэгіі «разумнай сілы» цалкам адпавядае выраз «У крызіснай сітуацыі мець падушку бяспекі», які ўсё часцей агучваецца ў апошні час. А дзеля гэтага неабходна спавядаць прынцып дыверсіфікацыі ў міжнародных адносінах і пазбягаць залежнасці ад адной крыніцы, напрамку супрацоўніцтва.

У гэтым сэнсе для Рэспублікі Беларусь надзвычай моцна ўзрастае геапалітычны кошт збліжэння з Кітаем. Шмат гаворыцца аб тым, што Беларусь становіцца плацдармам для выхаду Кітая на расійскі і еўрапейскі рынкі, што таваразварот паміж дзвюма краінамі імкліва расце. Аднак рэаліі больш сціплыя. Рыторыка СМІ Літвы, Польшчы, Латвіі, іншых сярэднееўрапейскіх краін па дадзенай тэме практычна супадае з беларускай: кожная з краін-суседак лічыць сябе тым самым плацдармам для выхаду кітайскай эканомікі на еўрапейскія рынкі. Эксперты ж лічаць, што геаграфічная блізкасць да ЕС – не самы важны фактар. Нашмат важнейшая інстытуцыянальная збліжанасць партнёра, у прыватнасці наяўнасць дагавора аб свабодным гандлі. У гэтым плане набліжаныя да Еўрасаюза Малдова і Украіна больш прывабныя для Кітая, чым Беларусь. Дынамічны рост расійска-кітайскага эканамічнага ўзаемадзеяння таксама сведчыць, што Беларусь перастала быць прывабнай для Кітая як пляцоўка для выхаду на рынак ЕАЭС.

У знешняй гандлёва-інвестыцыйнай сферы для Беларусі таксама застаецца больш праблем, чым рашэнняў. Беларускія ўлады трымаюцца за прыярытэтнае супрацоўніцтва з Кітаем, спадзеючыся прабіцца на агромністы рынак Паднябеснай. Але туды ўвесь свет імкнецца зайсці, і з улікам глабальнай канкурэнцыі шансаў у Беларусі няшмат. Зараз двухбаковыя эканамічныя адносіны – прадпрымальніцкія рызыкі для беларускага боку. Вялікія звязаныя крэдыты кітайскага боку заганыюць Беларусь у фінансавыя праблемы. Варта ствараць альтэрнатыву кітайскаму вектару ў асобе заходняга: яго інвестыцыйныя ўмовы больш выгадныя. Аднак тут маецца шэраг перашкод. У Беларусі толькі на паперы прывабны інвестыцыйны клімат, на справе часта змяняюцца правілы гульні, і гэта адштурхоўвае заходні бізнес. Агульны імідж эканомікі краіны пакуль слаба прэзентацыйны.

Яшчэ ў маі 2015 г., выступаючы на цырымоніі адкрыцця «Кітайска-Беларускага эканамічнага і гандлёвага форуму», старшыня КНР Сі Цзіньпін падкрэсліў унікальнасць геаграфічнага размяшчэння Беларусі і вызначыў яе важнасць менавіта як транспартна-лагістычнага хаба паміж Еўропай і Азіяй. Гэта азначае, што Беларусь бачыцца Пекіну не самадастатковым суб'ектам, а пераважна інструментам выхаду да Балтыйскага мора. Кітайскі бок не выказваецца адносна стварэння ў Беларусі сваіх тэхналагічных цэнтраў, аб чым з асалодай гавораць беларускія чыноўнікі. Ды і стварэнне названага хаба пакуль чакае свайго часу; а ў цэлым лагістыка Беларусі патрабуе неадкладнай дынамізацыі: у рэйтынгу 160 краін свету па яе эфектыўнасці краіна ў 2017 г. заняла толькі 103-е месца (праўда, годам раней яна была ўвогуле на 120-м месцы [5]). Уяўляецца, што ў геапалітычным сэнсе беларуска-кітайскае збліжэнне можа адыграць для Мінска лёсавызначальную ролю, стаўшы для яго трэцім стратэгічным актэрам. Ён будзе здольны «размыць» расійскую непрыхільнасць да існуючай альтэрнатывы: Беларусь з Расіяй ці з Захадам?

Інавацыйнасць, кансалідацыя нацыі як крыніцы павышэння геапалітычнага ўплыву Беларусі

Дзеля павышэння геапалітычнага ўплыву на еўрапейскія працэсы, росту рэгіянальнага аўтарытэту Рэспубліка Беларусь павінна прыкласці намаганні, накіраваныя на:

- 1) аздараўленне дэмаграфічнай сітуацыі, што павысіць геапалітычны патэнцыял Беларусі і яе прыцягальнасць для якаснай іміграцыі;
- 2) умацаванне энергетычнай бяспекі беларускай дзяржавы;
- 3) структурную, інтэлектуальную і тэхналагічную мадэрнізацыю нацыянальнай інфармацыйнай прасторы;
- 4) актуалізацыю здольнасцей інфармацыйнай бяспекі Рэспублікі Беларусь;
- 5) удасканаленне нацыянальнай сістэмы інтэлектуальнай уласнасці як шлях павышэння аўтарытэту краіны ў гуманітарнай сферы;
- 6) нацыянальна-палітычную кансалідацыю як сродак збліжэння ментальных арыентацый беларусаў, геапалітычнай устойлівасці дзяржавы і здольнасці паступовага руху да ўзроўню перадавых краін свету;
- 7) павышэнне ўплыву беларускай мовы як фактару нацыянальнай кансалідацыі і пераўтварэння ўнутранага свету беларускай нацыі;
- 8) гарманізацыю стану рэгіянальнай гістарычнай самасвядомасці беларусаў.

Крызісныя з’явы сацыяльна-эканамічнага, дэмаграфічнага, экалагічнага характару ў Беларусі, ахапіўшы 1990-я гг., цалкам не пераадолены і зараз. Між тым іх вырашэнне забяспечвае геапалітычную ўстойлівасць дзяржавы, не кажучы аб павышэнні яе здольнасці «падцягвацца» да ўзроўню перадавых краін свету. Дзеля гэтага робяцца пэўныя крокі. Так, афіцыйная дэлегацыя Беларусі ў ліпені 2018 г. прадставіла на абмеркаванне сесіі ПА АБСЕ прапанову аб развіцці лічбавай эканомікі, увязаную з пытаннямі эканамічнага росту ў рэгіёне АБСЕ, выдаленні розных перашкод і бар’ераў, гарманізацыі стандартаў. Зразумела, падобныя захады важна пашыраць.

Па-ранейшаму сацыяльнай сферы краіны ўласціва абвостраная дэмаграфічная сітуацыя. Смяротнасць сярод насельніцтва, перавысіўшы нараджальнасць, спарадзіла дэпапуляцыю, якая ахапіла гарадскую і сельскую мясцовасць. Дэстабілізацыя эканомікі, нізкі паказчык яе развіцця, дэградацыя сацыяльнай сферы, экалагічныя наступствы катастрофы на ЧАЭС, дэмаграфічны пераход краіны на новы тып узнаўлення насельніцтва, распаўсюджванне яго негатыўных самазахаваўчых паводзін – увесь комплекс згаданых праблем перашкодзіў нарошчванню тэмпаў структурных пераўтварэнняў, стварыўшы пагрозу нацыянальнай бяспецы. Негатыўныя дэмаграфічныя тэндэнцыі даюць падставы ацэньваць дэмаграфічную сітуацыю ў Беларусі як крызісную і небяспечную, якая перашкаджае развіццю грамадства не толькі на сучасным этапе, але і ў перспектыве. Іх спадарожны вынік – істотны ўдар па міжнародным іміджы краіны.

Заўвага: працэс дэпапуляцыі працягваецца з 1993 г. У выніку насельніцтва Рэспублікі Беларусь скарацілася з 10 243,5 тыс. чалавек (пачатак 1994 г.) да 9 492 тыс. (пачатак 2018 г.), г.зн. на 751,5 тыс. чалавек. Праўда, да 2014 г. у Беларусі налічвалася 9 468 тыс. чалавек, і тады ўпершыню за 20 гадоў колькасць насельніцтва нязначна ўзрасла, а з 2017 г. зноў пайшла на спад.

Дасягненне і ўтрыманне геапалітычнай раўнавагі Рэспублікі Беларусь у сваім рэгіёне шмат у чым залежыць ад энергетычнай бяспекі. Яе забеспячэнне з’яўляецца прэрагатывай дзяржавы і дасягаецца правядзеннем адзінай палітыкі, сістэмай мер заканадаўчага і іншага характару, адэкватных выяўленым пагрозам і дэстабілізуючым фактарам. Эфектыўнае выкарыстанне паліўна-энергетычных рэсурсаў аказвае істотны ўплыў на канкурэнтаздольнасць тавараў, стабільнасць эканомікі, садзейнічае паляпшэнню экалогіі і вырашэнню праблем змянення клімату. Нерацыянальнае выкарыстанне рэсурсаў прыводзіць да страт у эканоміцы, пагаршае экалагічную абстаноўку, уяўляе сабой пагрозу нацыянальнай бяспецы, вядзе да непажаданых хістанняў знешнеэканамічнага характару [6, с. 53].

Асноўны фактар энергетычнай рызыкі зводзіцца да залежнасці беларускай краіны ад імпарту энерганосьбітаў. Прыродны газ мы атрымліваем толькі ад расійскай кам-

паніі «Газпрам», якая не заўсёды карэктна выкарыстоўвае свой манопалізм на рынку. Знайсці пастаўшчыка – канкурэнта «Газпраму» магчымасці няма. Таму важна выкарыстоўваць іншы шлях – зніжаць энергаёмкасць ВУП. Эксперты лічаць: тыя крыніцы росту, якія краіна выкарыстоўвала з сярэдзіны 1990-х гг., зараз «высахлі». Беларусі неабходна выбудоваць новую энергетычную стратэгію і больш засяроджвацца на аднаўляемых крыніцах энергіі, чым на датацых суседняй краіны, бо яны не могуць быць вечнымі. За гады незалежнага развіцця краіна далёка адсталала ад развітых еўрапейскіх краін, зрабіла недазвольна мала, каб пазбавіцца ад нафтагазавага праклёну і стварыць паўнаватрасны рынак электраэнергіі.

Хоць энергазберажэнне і не падпадае пад крытэрыі энергетычнай бяспекі, але яно здольна прадэманстраваць на практыцы геаэканамічны патэнцыял краіны. Сапраўды, чым менш краіна імпартае і спажывае энергарэсурсаў пры вытворчасці ВУП, тым меншая яе залежнасць ад знешніх пастаўшчыкоў, тым вышэйшы яе «запас трываласці» ў надзвычайных сітуацыях. Тут вельмі дарэчы выкарыстанне сціпых, але ўсё ж рэальных рэзерваў, здольных генерыраваць «разумную сілу». У нашым выпадку гэта сплаў перадавых тэхналогій, інавацыйных рашэнняў, творчасці інжынерна-навуковых кадраў. Шлях павышэння геаэканамічнага патэнцыялу не новы, аднак эфектыўны. Алгарытм вядомы: працяг структурнай перабудовы прадпрыемстваў дзеля выпуску менш энергаёмкай, але канкурэнтаздольнай, экспертна арыентаванай прадукцыі. Патрэбна далейшая мадэрнізацыя і тэхнічнае пераўзбраенне вытворчасці на базе навукаёмкіх рэсурсных, энергазберагальных і экалагічна чыстых тэхналогій. Эканамісты і юрысты прапануюць распрацаваць і прыняць закон аб выкарыстанні нетрадыцыйных і аднаўляльных крыніц энергіі, удасканаліць нарматыўную прававую базу ў вытворчасці і выкарыстанні мясцовых відаў паліва. Сярод арганізацыйных момантаў вучоныя аддаюць пальму першынства развіццю рынкавых механізмаў фінансавання энергазберажэння ў дзяржсектары, удасканаленню дзяржаўнай экспертызы яго стану і эфектыўнасці, сертыфікацыі прадукцыі з улікам энергаёмкасці і энергазберажэння.

Усё названае дазволіць беларускай эканоміцы нарошчваць ВУП пры нязначным росце спажывання паліўна-энергетычных рэсурсаў. Тым самым дзякуючы ўзрастанню «разумнай сілы» будзе набываць належную раўнавагу геаэканамічны патэнцыял Беларусі. Праяўленне «разумнай сілы» ў энергетычнай сферы можна вызначыць наступнымі індэкарамі: распрацоўка новых высокаэфектыўных навукаёмкіх энергетычных тэхналогій і абсталявання, падрыхтоўка навукова-тэхнічнай базы, аналіз тэхніка-эканамічнага абгрунтавання аптымальных рашэнняў па развіцці паліўна-энергетычнага комплексу, яго мадэрнізацыі і забеспячэнні надзейнай і безаварыйнай працы.

Пэўным геапалітычным рэсурсам валодае мова. Мова – люстэрка нацыянальнай культуры і гісторыі, яе багацце, ідэнтычнасць. Менавіта мова фарміруе мадэль мыслення і, урэшце, паводзіны кожнага члена грамадства. Мова аб'ядноўвае нацыю і прыводзіць усіх яе носьбітаў да агульнай культуры мыслення. Сацыяльныя працэсы, што адбываюцца ў асобным грамадстве, фарміруюцца праз мову. Значыць, мова афармляе сярод сваіх носьбітаў стандартную мадэль мыслення і сацыяльных паводзін. Ужыванне роднай мовы кансалідуе нацыю на вырашэнне агульнадзяржаўных мэтай – запазычаная мова выступае ўсяго толькі інструментам іх рэалізацыі. У поўнай меры толькі гэтая другая роля праяўляецца ў асяроддзі беларускай нацыі.

Сённяшняя глабалізацыя мае на мэце збудаванне адзінага соцыуму, а мова выконвае ролю сувязнога зв'язна паміж працэсам глабалізацыі і суб'ектамі яго рэалізацыі. Гэта функцыя замацавалася за англійскай мовай. А ўдзел Беларусі ў працэсах глабалізацыі звязаны з пераадоленнем дадатковага зв'язна: менавіта беларускі соцыум далучаецца да сусветных працэсаў не праз беларускую мову, а праз рускую. Нельга катэгарычна сцвярджаць, што такі шлях адназначна заганны, відавочна іншае: прыгнечаны,

маргінальны стан беларускай мовы ў пэўнай меры нейтралізуе кансалідуючыя асновы нацыі. Узнікае калізія: з аднаго боку, масавае ўкараненне рускай мовы ў жыццё беларускай нацыі – страта нацыятворчых асноў; а з другога боку, руская мова – гэта зручны для беларусаў сродак камунікацыі паміж культурамі народаў свету. Што ж лепш? «Закрыцца» і не вывучаць блізкай нам мовы, якая мае статус сусветнай, ці бязмежна «адкрыцца» для пранікнення рускага стану мыслення? Абодва варыянты з’яўляюцца крайнасцямі, якіх нельга дапусціць. Неабходна ўзважыць усе станоўчыя і адмоўныя бакі ўплыву рускай мовы на беларускі лад жыцця, пры гэтым абмяжоўваць яе ўздзеянне на традыцыйную культуру і мову. Мова – з’ява пастаянна зменлівая, хоць і захоўвае сваю аснову, свой стрыжань. У большасці краін свету ўласная мова церпіць ад разнастайных негатыўных уздзеянняў. Зараз – гэта апашленне мовы, яе татальная варварызацыя і жарганізацыя. Не толькі лінгвістамі, а і грамадствам у цэлым прадпрымаюцца намаганні дзеля мінімізацыі згаданых тэндэнцый.

Усё выказанае сведчыць, што ў працэсе глабалізацыі, на жаль, беларуская мова перажывае нашмат больш складаны крызісны этап, чым мовы іншых нацый. Дзеля яго пераадолення найперш неабходна прымаць рашучыя меры для захавання нацыянальнай мовы, гісторыі і рэлігіі. Іншыя галіны жыццядзейнасці краіны: эканамічная сфера, навука, адукацыя – маюць падставы больш актыўна інтэгравацца ў глабалізацыйныя працэсы без страт для нацыянальных каштоўнасцей. Зараз стан беларускай мовы не выступае ўмовай росту рэгіянальнага аўтарытэту і геапалітычнага ўплыву Рэспублікі Беларусь. Таксама нацыянальна-палітычныя тэндэнцыі развіцця беларускага грамадства не спрыяюць прасоўванню палітыкі «разумнай сілы». Справа ў тым, што ў гады незалежнасці не сфарміралася кансалідаваная ў нацыянальна-палітычным сэнсе нацыя. Арыентацыі беларусаў ментальна адрозныя і захоўваюць выразны культурна-палітычны кантэкст звароту або ў бок Расіі, або ў бок Захаду. У асяроддзі беларускай палітыка-кіраўнічай эліты таксама адсутнічае адзіны погляд на вызначальны геапалітычны прыярытэт і напрамак цывілізацыйнага развіцця: адны прапануюць разглядаць Беларусь як самадастатковую дзяржаву, другія – як «мост» або «акно» паміж дзвюма цывілізацыямі, трэція сцвярджаюць, што Беларусь павінна «прыйсці ў Еўропу з Расіяй, бо мы надта ўзаемазалежныя, каб успрымацца асобна».

Не падлягае сумненню, што інфармацыйная бяспека здольная стаць механізмам умацавання нацыянальнай бяспекі і павышэння рэгіянальнага ўплыву Рэспублікі Беларусь. На сучасным этапе інфармацыйна-камунікацыйныя тэхналогіі з’яўляюцца бяспрэчным фактарам уплыву на развіццё грамадства і адэкватнасці дзяржавы на міжнародныя выклікі. Многія развітыя і ў стадыі развіцця краіны ў поўнай меры ўсвядомілі тыя каласальныя перавагі, якія нясе з сабою развіццё і распаўсюджванне інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогій. Ні ў кога не выклікае сумнення, што рух да інфармацыйнага грамадства – гэта рух у будучае чалавечай цывілізацыі. Але развіццё інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогій і паскораная сусветная глабалізацыя ў сферы інфармацыі і культуры ставяць перад дзяржавай шэраг праблем, датычных захавання гэтай інфармацыі і яе бяспечнага выкарыстання. Інфармацыя набыла статус стратэгічнага нацыянальнага рэсурсу – аднаго з асноўных багаццяў Беларусі, якая прэтэндуе на годнае месца ў міжнароднай супольнасці.

Актыўнае ўкараненне інфармацыйных тэхналогій у самых розных галінах жыццядзейнасці краіны нясе ў сабе пэўныя праблемы, адной з якіх з’яўляецца забеспячэнне рэжыму нацыянальнай бяспекі ў інфармацыйнай сферы. Транзітны стан Беларусі дазваляе ствараць і выкарыстоўваць у сваіх нацыянальных інтарэсах міжнародныя каналы камунікацыі. Інфармацыйная прастора краіны характарызуецца адкрытасцю для ўздзеяння замежных радыё- і тэлекамунікацыйных сродкаў, друкаваных выданняў, глабальнай камп’ютарнай сеткі Інтэрнэт. Але існуе надзвычай высокі ўзровень яе залежнасці

ад замежнага праграмнага забеспячэння і сродкаў інфарматызацыі. Таксама ва Указе Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 17.07.2001 № 390 «Аб зацвярджэнні канцэпцыі нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь» адзначана, што недасканаласць заканадаўства ў інфармацыйнай сферы стварае магчымасці для маніпулявання інфармацыяй, негатыўнага ўздзеяння на свядомасць людзей, культуру, маральныя і духоўныя падмуркі беларускага грамадства.

Па агульнай накіраванасці пагрозы інфармацыйнай бяспекцы падзяляюцца на:

- а) пагрозы канстытуцыйным правам і свабодам грамадзян;
- б) пагрозы сацыяльнай стабільнасці дзяржаўнага ладу;
- в) пагрозы дзяржаўнаму суверэнітэту і тэрытарыяльнай цэласнасці краіны.

Самымі істотнымі пагрозамі дзяржаўнаму ладу з'яўляюцца:

- 1) злонаўмыснае ўмяшальніцтва ў працэсы выпрацоўкі рашэнняў па кіраванні дзяржавай;
- 2) злонаўмыснае лагічнае або фізічнае ўздзеянне на інфармацыйныя рэсурсы і аб'екты інфраструктуры краіны;
- 3) уцечка стратэгічна важнай інфармацыі дзяржаўных органаў;
- 4) распаўсюджванне за мяжой ілжывай інфармацыі аб Рэспубліцы Беларусь;
- 5) шпіёнская дзейнасць спецслужбаў замежных дзяржаў;
- 6) выкарыстанне сродкаў знішчэння аўтаматызаваных сістэм апрацоўкі інфармацыі.

Між тым дзеючыя ў Беларусі арганізацыйныя структуры, прынятыя нацыянальныя заканадаўчыя акты, нарматыўная, метадалагічная і матэрыяльна-тэхнічная базы яшчэ не ў поўнай меры вырашаюць асноватворную задачу ў дадзенай галіне – гарантаваць бяспеку краіны ў інфармацыйнай сферы. У сувязі з пашырэннем сфер прымянення сістэм апрацоўкі і распаўсюджвання інфармацыі назіраецца рост выпадкаў несанкцыянаванага выкарыстання, мадыфікацыі і знішчэння інфармацыі. Пагрозы вылічальнаму і інфармацыйнаму рэсурсам не могуць быць выяўлены, лакалізаваны і ліквідаваны толькі сродкамі асобных апаратных, праграмных сістэм і арганізацыйных мерапрыемстваў. Дзяржаўная праграма «Электронная Беларусь» стварае адзіную інфармацыйную прастору краіны і патрабуе асаблівай увагі да захавання інфармацыі і апераджальных крокаў супраць злачынных дзеянняў па падрыве інфармацыйнай бяспекі.

Пашырэнне доступу і выкарыстання інфармацыі з боку асоб, грамадства, дзяржаў стварыла цэлы шэраг негатыўных наступстваў і ўмоў для парушэння правоў і свабод актараў інфармацыйных адносін. Таму інфармацыйная бяспека ўжо стала самастойным напрамкам міжнароднай бяспекі. Пры вырашэнні яе праблем асаблівым прыярытэтам выступае міжнароднае супрацоўніцтва і ўзаемадзеянне дзяржаўных органаў, юрыдычных і фізічных асоб. Тут варта выдзеліць такія напрамкі, як:

- 1) аказанне дапамогі ў падрыхтоўцы спецыялістаў па інфармацыйнай бяспекцы;
- 2) забеспячэнне інфармацыйнай бяспекі пры перасячэнні інфармацыйнымі патокамі нацыянальных межаў;
- 3) барацьба зацікаўленых бакоў з незаконным пранікненнем злачынных элементаў у карпаратыўныя камп'ютарныя сеткі, камерцыйным шпіянажам, спробамі парушэння працаздольнасці камп'ютарных сетак і сетак сувязі агульнага карыстання і негатыўнымі наступствамі ад гэтых дзеянняў.

Намаганні дзяржаўнага кіраўніцтва па ўдасканаленні інфармацыйнай бяспекі пакуль не гарантуюць дасягнення стандартаў сусветных аналагаў. Але ёсць разуменне, што інфармацыя і найноўшыя інфармацыйныя тэхналогіі становяцца сістэмаўтваральнымі фактарамі развіцця палітычнай сістэмы сучаснага беларускага грамадства. Інфармацыйныя рэсурсы і інфармацыйная інфраструктура ў час глабалізацыі выступаюць ужо не толькі ў ролі асноўных сродкаў камунікацыі, але і ў якасці важнага інструмента рэалізацыі дзяржаўнай улады, а таксама сродку ўладкавання краіны ў міжнародным

асяродзі. Бачыцца, што структурная, інтэлектуальная і тэхналагічная мадэрнізацыя нацыянальнай інфармацыйнай прасторы здольная ўзмацніць рэгіянальную стабільнасць Рэспублікі Беларусь.

У дадзеным ракурсе надзвычай важна пашыраць у міжнародным асяродзі права дзяржавы і яе суб'ектаў на вынікі творчай дзейнасці. Такое права замацоўвае інтэлектуальную ўласнасць, якая не толькі вызначае ўласніка, але і дазваляе азнаёміць міжнародную супольнасць з перавагамі творчых вынікаў, тым самым павышаючы аўтарытэт краіны ў сусветнай гуманітарнай сферы. Ці валодае Беларусь патэнцыялам інтэлектуальнай уласнасці? Так, але ў параўнанні з большасцю еўрапейскіх краін – сціпла. Аднак гэты патэнцыял неабходна і магчыма паўней уключаць у стратэгію «разумнай сілы».

Наспела пара вызваліць істотны рэзэрв уздыму еўрапейскай вагі Беларусі з занябанай гістарычнай самасвядомасці беларусаў. Сёння яна літаральна зруйнавана ўзаемавыключальнымі канцэпцыямі вывучэння беларускай мінуўшчыны. Асабліваю небяспеку нясуць як палярызаваныя гіпотэзы айчынных гісторыкаў, так і адпаведныя гістарычныя «тэорыі» суседзяў па рэгіёне ЦУЕ. Маргіналізацыя гісторыі беларусаў, ігнараванне яе беларускага кантэксту, імкненне даказаць нацыянальную другаснасць і этнічную залежнасць ад суседзяў дысгарманізуюць сучасны стан беларускага грамадства. Зразумела, кансалідацыя беларускай супольнасці на базе навукова абгрунтаваных, аб'ектыўных крытэрыяў і ацэнак гістарычнага мінулага павысіць маральны складнік геапалітычнага патэнцыялу Рэспублікі Беларусь.

Пэўную магчымасць для ўмацавання нацыянальнай самасвядомасці беларусаў здольна даць больш цеснае супрацоўніцтва Беларусі па гуманітарных пытаннях з міжнароднымі арганізацыямі, перадусім еўрапейскімі – Саветам Еўропы і АБСЕ. Узаемадзеянне з імі паспрыяе ўсведамленню беларусамі ўласнай еўрапейскай тоеснасці. Гэтай жа мэце будуць адпавядаць больш шчыльныя сувязі з Саветам па правах чалавека ААН, у прыватнасці выпрацоўка больш змястоўных мер па выкананні міжнародных абавязацельстваў у сферы правоў чалавека.

Заклучэнне

Беларусі зараз, як і раней, наканавана вагацца паміж двума геапалітычнымі палюсамі – Расіяй і ЕС, то набліжаючыся да аднаго з іх, то аддаляючыся, імкнучыся атрымаць ад гэтага палітычныя, а найперш эканамічныя дывідэнды. Але карысней прытрымлівацца класічнай геапалітычнай формулы для любой малой і сярэдняй краіны: мець больш за два моцныя партнёры, на якіх можна абаперціся, каб атрымаць большую прастору для знешнепалітычнага манеўру. Пажадана афармленне стратэгічнага партнёрства з КНР як з трэцім сусветным сілавым цэнтрам.

Робячы геапалітычны выбар, Беларусь будзе па-ранейшаму больш цягнуцца не да сістэмнай трансфармацыі пад эгідай ЕС (перабудова сацыяльных, эканамічных, палітычных падвалін на заходні лад), а да постсавецкай інтэграцыі ў межах Мытнага саюза і ЕАЭС (элементы свабоднага рынку і палітычнага партнёрства).

Зыходзячы з выкладзенага разумення геапалітычнай сітуацыі, разумна дапусціць, што пачаты дыялог Еўрасаюз – Беларусь будзе працягвацца, але вялікага прарыву не будзе. ЕС спрабуе інвеставаць, каб Беларусь уласнай культурнай спадчынай і некаторымі стандартамі замацоўвала сваю еўрапейскую самасвядомасць, аднак у Расіі ёсць усе рычагі для таго, каб трымаць Беларусь у сферы свайго ўплыву, не акупіруючы яе, а ўтрымліваючы ў сваёй арбіце праз агульныя дзеянні (удзел у ЕАЭС, ваенных вучэннях і да т.п.).

Рэзка пашырылася ў апошнія гады і месяцы мазаіка канфрантацыйных кропак сутыкнення паміж Расіяй і Захадам. Пераважная большасць такіх кропак не закранае нават з большага непасрэдных інтарэсаў Беларусі. Аднак кантэкст «саюзніцкіх абавяза-

цельстваў» перад Расіяй будзе ўсё больш ускладняць рэалізацыю ўласных знешнепалітычных амбіцый афіцыйнага Мінска. На Захадзе пераважае меркаванне, што такія вайсковыя вучэнні, як «Захад – 2017», дэманструюць не толькі палітычнае супрацоўніцтва, але і паказваюць, што Беларусь без цяжкасці можа стаць часткай мілітарысцкай сілы Расіі. Разам з тым варта адзначыць, што Беларусь вымушана прыміраць на сябе і паняцце агульных з Расіяй пагроз і ворагаў: прысутнасць НАТА побач з Беларуссю лічыцца пагрозай для абедзвюх краін.

Беларусь патэнцыяльна можа быць у рэгіёне ЦУЕ ці фактарам стабільнасці, ці знешнім раздражняльнікам. Першая роля дазваляе ёй быць саўдзельніцай выбудовання новай мадэлі адносін Захаду і Усходу. Абнаўленне наспела, і нядаўня (летам 2018 г.) сустрэча Трампа і Пуціна стала сведчаннем такой патрэбы. Як уяўляецца, гэта, бадай, адзіны пазітыўны вынік згаданай сустрэчы. Дзякуючы ёй патэнцыяльна крыху аслабляецца ціск «жорнаў», у якіх апошнім часам перамолваліся геапалітычныя інтарэсы Беларусі. Маецца на ўвазе новая рэчаіснасць, датычная прасторы Усходняй Еўропы як зоны інтарэсаў не толькі Расіі, але і Захаду. Менавіта так варта расцэнваць гатоўнасць Расіі і ЗША сумесна шукаць падыходы, каб дамаўляцца аб зніжэнні канфліктнасці ва Усходняй Еўропе, найперш ва Украіне. Гэта дае надзею, што Беларусь не стане полем саперніцтва за ўплыў, а ўдзельніцай стварэння мадэлі супрацоўніцтва на глабальным узроўні.

Такая роля па сілах Мінску і на рэгіянальным узроўні. Бясспрэчна, Беларусь – выключны прыклад краіны на постсавецкай прасторы, якая захавала дружалюбныя і партнёрскія адносіны з суседзямі. І тут услед за спадзяваным глабальным пацяпленнем яна мае падставы стаць у ЦУЕ актыўным актарам новай мадэлі адносін супрацоўніцтва замест цяперашняй канфрантацыі. Беларусь сапраўды можа іграць ролю сувязнага элемента, у чым будуць аб'ектыўна зацікаўлены ў новых геапалітычных абставінах і Расія, і Захад. Яны паспрыяюць пераадоленню існуючай у рэгіёне турбулентнасці, чаго няздольная зрабіць асобна ні адна краіна гэтай прасторы, нават жыццёва зацікаўленая, у тым ліку Беларусь.

Аднак беларускаму кіраўніцтву трэба ўсведамляць: калі сітуацыя зменіцца і Масква пазбавіцца ўпэўненасці, што яе інтарэсы ў Беларусі бяспечныя, то, ёсць верагоднасць, пачне рашучыя дзеянні, каб абараніць свае пазіцыі там. Таму, відаць, самым непажаданым варыянтам для краіны было б аказацца цэнтрам перакрываваемых геапалітычных інтарэсаў ЕС і Расіі. Беларускай дзяржаве нельга ставіць пад удар саюзніцкую аснову двухбаковых адносін. Праз такі дысбаланс ёй наканавана існаваць і развівацца ва ўмовах геапалітычнай нестабільнасці.

Падкрэслім: з пункту погляду геапалітычнай эфектыўнасці найбольшыя дывідэнды Рэспубліцы Беларусь прынясуць якраз актыўныя дзеянні ў знешняй палітыцы і пытаннях бяспекі. Нядаўні вопыт гэта пацвярджае: аўтарытэт падчас процістаяння Захаду і Усходу краіна заваявала менавіта такімі захадамі, а не эканамічнымі, ваеннымі ці палітычнымі мерамі. Заклікі кіраўніцтва будаваць і ўмацоўваць масты: палітычныя, эканамічныя, гуманітарныя – паміж краінамі і рознымі інтэграцыйнымі аб'яднаннямі Захаду і Усходу з адабрэннем успрымаюцца ў свеце. Гэта дае Беларусі дадатковыя бонусы для ўмацавання стрыжня сваёй міжнароднай вагі: размяшчэння на скрыжаванні гандлёва-эканамічных шляхоў і ўладкавання на стыку Еўропы і постсавецкай прасторы.

І, безумоўна, Беларусі карысна ўзмацніць сваю прысутнасць ва ўсіх міжнародных арганізацыях, уключаючы давядзенне да станоўчай развязкі працэсу ўступлення ў СГА, пашыраць эканамічнае і іншае супрацоўніцтва з партнёрамі і будаваць самадасятковую эканоміку.

Геапалітычны стан Беларусі, яе гістарычны вопыт, культурныя традыцыі, навукова-тэхнічны, эканамічны і інтэлектуальны патэнцыял – гэта спрыяльныя перадумовы

для развіцця ў якасці еўрапейскай дзяржавы, паўнаwartаснага ўдзельніка еўрапейскіх працэсаў. Для краіны ўваходжанне ў еўрапейскую цывілізацыйную прастору будзе азначаць адначасова паскарэнне інтэграцыі ў сусветную супольнасць.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. СБ. Беларусь сегодня. – 2017. – 16 нояб.
2. Шадурский, В. Принцип многовекторности во внешней политике Беларуси / В. Шадурский // Проблемы внешней политики и безопасности: Беларусь – Польша: история и перспективы сотрудничества / редкол.: А. В. Русакович (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2009. – С. 37–46.
3. Геапалітычнае месца Беларусі ў Эўропе і свеце / пад рэд. В. Булгакава. – Варшава : ELIPSA, 2006. – 242 с.
4. СБ. Беларусь сегодня. – 2016. – 22 нояб.
5. Белорусы и рынок. – 2018. – 29 июля.
6. Никитенков, В. И. Энергетическая безопасность – важнейшая составляющая национальной безопасности Республики Беларусь / В. И. Никитенков, Л. П. Никитенкова // Национальная безопасность. Правовые, социокультурные и экономические основы : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29 янв. – 4 февр. 2007 г. – М., 2007. – С. 53.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.01.2019

Chasnouski M.E. The European Aspect of Current Geopolitics of the Republic of Belarus

The study focuses on the European aspect of the geopolitics of Belarus. The starting point of the analysis is the following: given its geopolitical weight the country in present-day situation can function in the international arena only in a team. Its optimal geopolitical choice to achieve external goals in the European area is having two or more strong partners to rely on in order to ensure the possibility of political maneuvering, and the strategy to achieve a success should involve a policy of «smart power», non-confrontational relationship, dialogue and compromise. Maintaining the geopolitical balance of the country in the European processes should be supported by domestic capabilities: innovative capacity of the country, national and political consolidation of the society.

УДК 327(430:47+57)

V. V. Froltsov

*dr of historical sciences, doc.,
prof. at the department of international relations
of Belarusian State University
e-mail: vlad_froltsov@rambler.ru*

GERMANY'S FOREIGN POLICY IN THE CONTEXT OF THE MULTILATERALISM CRISIS IN THE 2010s: THE MAIN CHALLENGES AND RISKS

The main challenges and risks for the foreign policy strategy of Germany, based on the principle of multilateralism, are considered in the conditions of growing mutual distrust and intensification of contradictions in world politics and economics in the 2010s. The growth of Euroscepticism and the migration crisis in the EU, as well as the actions of the United States, Russia, Turkey, China, which, according to Germany, were one-sided and did not take into account the interests of other states, were identified among the most significant problems for the foreign policy of Germany. The measures taken by the government of Angela Merkel to improve the effectiveness of the activities of the German Foreign Ministry and the Federal Intelligence Service, as well as the modernization of the Bundeswehr are identified.

Introduction

The destabilization of the neighboring with the EU regions of Eastern Europe, Middle East and North Africa in the first half of the 2010s was not only one of the most significant threats to the implementation of the EU Common Foreign and Security Policy. It was also a very serious challenge for the further adherence of Germany as an indisputable flagship of the European integration to the principle of multilateralism in its foreign policy strategy, in conditions when such world and regional leaders as the USA, China, Russia, and the UK are increasingly gravitating toward unilateralism. Last time they preferred to make some crucial decisions based only on their own political or economic interests, regardless of the positions of their traditional allies and partners. The crisis of multilateralism affected also Germany's internal policy, which faced a huge wave of migrants in 2015–2016, but did not receive the expected support from many of its allies in the EU, which focused on protecting their own interests.

In turn the influx of migrants to Germany caused some tectonic changes in the party spectrum and started a rapid intensification of xenophobic and isolationist moods. As a result, in the Bundestag elections on September 24, 2017 thanks to anti-immigrant and anti-European slogans the populist «Alternative for Germany» gained 12, 6 % of votes and ranked third after the CDU/CSU and SPD. Moreover, this case was unprecedented for the entire history of the Federal Republic. Post-war Germany has never faced such influential extreme right-wing political force, which popularity continued to grow slowly in 2018 as well.

All these phenomena and processes led to a discussion in German society about the ability of the government of Angela Merkel to continue its foreign policy based on the principle of multilateralism, which is necessary to secure both the transatlantic partnership and further development of the European integration. Unlike the United States, Britain and even France, there was and there is a full consensus in the German political elite regarding the need to work closely with partners within the EU and NATO. This unity excluded traditionally international problems from a list of the most acute topics of the political competition between the leading German political parties. The close cooperation with the United States and the NATO membership allowed exactly the federal government to minimize military expenditures and other costs in the defense and security sectors for many decades. While the permanently expanding European Union guaranteed a securing and continued expansion of the Ger-

man exports of goods, services and investments within the largest in the world market with more than 500 million consumers.

The strict and successive adherence to the principle of multilateralism as a conceptual and value basis for the foreign policy was of particular importance to Chancellor Angela Merkel as a long-standing leader of the Christian Democratic Union (CDU). This party could unite Germany in 1990 on the most favorable terms with the support of the United States and the European NATO allies. Being at the head of the federal governments in 1990–1998 and since 2005 the leaders of the Christian Democrats positioned themselves as ideological architects and watchdogs of the Germany's foreign policy strategy. It allowed the Office of the Federal Chancellor – Das Bundeskanzleramt to play a more significant role in its formation and implementation than the German MFA – Das Auswärtige Amt led by the leaders of the CDU coalition partners, Social Democrats Frank-Walter Steinmeier, Sigmar Gabriel, Heiko Maas or Free Democrats Hans-Dietrich Genscher, Klaus Kinkel, Guido Westerwelle. It is characteristic, that even during the brief stay in power of the coalition of the SPD and the Greens in 1998–2005 the key role of the Chancellor's Office in the foreign policy was fully secured despite a personal significant political influence of the Greens Leader and Minister of Foreign Affairs Joschka Fischer.

The international phenomena and processes, which became the challenges for the foreign policy strategies not only in Germany, but also in other European countries, including the Republic of Belarus, in the 2010s, have served as an object of the detailed consideration by political analysts from Germany and many other countries. Among the Belarusian authors, who identified their prerequisites and determined their impact on German policy towards the European neighbors and partners as well as on the entire complex of international relations in Central and Eastern Europe, it should be named A.V. Rusakovich, V.G. Shadurski, A.V. Sharapo, A.V. Tsikhamirau [1–4].

It is necessary also to note that the representatives of the Belarusian school of International Relations Studies adhered mostly to a typical for the European academic and research tradition multi-lateral paradigm of a vision of the foreign policy goals and tasks of the Republic of Belarus and other European states. Increasingly interconnected and interdependent interests and intentions of different actors of international relations in the modern world predetermined such views. This circumstance brings together in fact theoretical and methodological approaches to the study of this topical issue by Belarusian and German authors.

The main challenges and risks for the German foreign policy in the 2010s

The further research of the changes in the foreign policy of Germany and a disclosure of new forms and tools to its implementation in the context of large-scale geo-political and geo-economic transformations in the world during the current decade could provide an objective and comprehensive forecast of the German foreign policy strategy in the future. It has to regard mandatory such challenges and risks to stability and security in Europe and globally as:

1. The crisis phenomena intensified in the 2010s within the process of European integration led to a growth of Euroscepticism as a reaction to the inability to solve quickly and effectively many acute issues. Among them, it should be named an economic inequality between the EU-members, a rising illegal migration, aggravated once again «historically conditioned» contradictions and mutual claims between some states in Eastern and South-Eastern Europe (Poland, Hungary, the Balkan states etc.). The result was not only the Brexit, which reasons were formed during all four decades of the UK participation in the process of European integration, but also a sharp increase of the populist moods in almost all European countries, including Germany. Despite a noticeable decrease of the influx of illegal migrants in 2017–2018, this issue remains highly topical, as they are exploring constantly new and new routes for penetration into the EU, and it continues to complicate social and political situa-

tion in European countries and in the entire Union. Therefore, a memorable and clear evaluation of the situation by Chancellor Angela Merkel speaking in the Bundestag on June 28, 2018 and persuading the representatives to support the financing of a number of urgent measures to solve it was very relevant. She stressed objectively migration could become a crucial issue for the EU. Either in Africa and other regions of the world they will believe that Germany and Europe are guided by values and rely on the principle of multilateralism, not unilateralism, or no one will believe in their value system that has made them so strong [5].

2. The shift of the significant part of the US political elite to the position of unilateralism in world politics and economics, which manifested itself most clearly after the election of Donald Trump as a president and securing of the Republican majority in Congress in November 2016 challenged the perennial foundations of German-US strategic partnership. A realization of the views of the most conservative part of the Republicans led to a tightening of the US demands to its allies in Europe, including Germany as a key ally, in the spring of 2018. The new US administration required to eliminate all tariff barriers in transatlantic trade and to increase a share of military expenditures in the national budgets of all NATO members to 2 % of the GDP according to the organization's requirements. These problems were relevant for relations within the triangle of the United States, Canada and the European allies for many decades, starting from the Cold War era, but only the current establishment of the Republicans, led ideologically by President Donald Trump, chose a path to sharp deterioration in the transatlantic relations to promote the American interests. Some significant problems for the German diplomacy were also created by the US refusal to comply with the terms of the «nuclear deal» with Iran. Its achievement was mentioned in many government documents of the Chancellor Angela Merkel's period as one of the most successful examples of cooperation between the US, the European allies and their most important international partners, and namely Russia and China, for the settlement of this acute and complicated issue of the global security [6, p. 119–120; 7, p. 81]. A criticism of this decision of President Donald Trump, which questioned more than ten-year efforts of the diplomacy of Germany and its European partners to ensure security in the Middle East, was clearly declared in the speech of Chancellor Angela Merkel in the Bundestag on May 16, 2018 [8, p. 3]. It was a clear evidence of the divergence between the US and German positions concerning one of the most important problems of international policy related to the preservation of the global nuclear non-proliferation regime.

3. The policy of Russia to strengthen geo-political and geo-economic positions not only within the territory of the former USSR, but also in other important regions of the world, and namely Southeast Europe, Middle East, North Africa, etc. continued despite the sanctions imposed by the European Union with the active support of the government of Angela Merkel. It led to different assessments by representatives of the German political elite concerning the effectiveness of such sanctions, especially when the additional supplies of Russian gas to Germany via the «Nord Stream 2» gas pipeline were evaluated as profitable increasingly in connection with the price policy of the Russian gas monopoly «Gazprom PJSC». The new gas pipeline should begin operating by the end of 2019 despite protests of some German allies in Baltic and Eastern Europe losing their revenues from the transit as well as pressure from the United States [9, p. 6]. The support for the «Nord Stream 2» was another controversial aspect of the current German – US relations regarding the obvious interest of Donald Trump's administration in supplying its own liquefied natural gas to the European ports. This conflict complicated more the transatlantic contradictions and increased the mistrust within the triangle Germany – the United States – Russia. At the same time, Germany together with France is exactly the guarantors of the implementation of the Minsk Agreements, which are directed to ensure a peaceful settlement in the east of Ukraine. The necessity for their unconditional

implementation was emphasized in every program statement by the fourth government of Angela Merkel since March 2018.

4. As in the case of Russia, the policy of pressure, various restrictions and sanctions could be evaluated as inconclusive for Turkey, whose foreign policy has undergone a significant evolution towards the strengthening of the status of an influential regional leader in the Middle East and the Black Sea region during the Presidency of Recep Tayyip Erdoğan. This shift reduced, although not completely ruled out the German possibilities to influence the Turkish policy. The continuing acute political struggle within Turkey is also reflected within Germany, where about 3 million people of Turkish origin live. They assess very differently the policy of President Recep Tayyip Erdoğan and take it definitely into account when they vote for different German political parties as the citizens of the Federal Republic. In addition, Angela Merkel's government, which faced the waves of illegal migrants, was also extremely interested in strict implementation of the agreement with Turkey. It provided for extensive European financial assistance in exchange for the deployment of refugees from Syria, as well as illegal immigrants expelled from the EU on the Turkish territory and entered into force March 20, 2016. Totally in Turkey in early 2018 there were already about 3 million Syrian refugees according to the German estimates [10, p. 3].

5. Unlike Russia and Turkey China did not represent a political challenge for Germany, but its active trade and investment penetration into the regional markets adjacent to the EU could not but worry the federal government. Due to the market structure of the Germany's economy, its authority could not provide the national exporters with the same powerful and constant support, as China does, especially in the case of state-owned corporations. A serious issue was an industrial espionage and copyright infringement, which were also relevant to the Germany's allies, but never brought the German-Chinese relations closer to a direct «trade war» which became a reality between the United States and China in June 2018.

The relevant foreign policy priorities of Germany in key government documents

These challenges and problems were reflected in the text of the first program document, which outlined the overall goals and objectives of the new federal government, and namely the CDU/CSU and SPD Coalition Agreement «A New Way for Europe. A New Dynamic for Germany. A New Unity for Our Country» («Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land»). It was presented in Berlin on February 7, 2018 and signed officially on March 12, 2018. The main message of this document was a need to strengthen the role of Europe in the International Relations and to assume more political responsibility facing the increasing global risks and threats [11, p. 6, 144]. At the same time, the content of the Coalition Agreement was mostly a result of the inter-party compromise between the two largest political forces in Germany, and namely the Christian Democrats and the Social Democrats. Therefore, this document reflected only the most common vision and general assessment by the representatives of the German political elite of their country's role in European and World politics in next years.

The most important and concrete short-and medium-term approaches of the fourth government of Angela Merkel to the solution of topical foreign policy problems and interaction with key international partners were presented in the first Government Statement of the Federal Chancellor (die Regierungserklärung von Bundeskanzlerin) for the Members of the Bundestag on March 21, 2018. Such statement is made traditionally in the first days of the new government work reflected a more detailed vision of the settlement of those problems which are the most topical and acute in the internal and foreign policies of Germany. It continues and develops the main points of the Coalition Agreement and correlates with the current changes in the relations between the Federal Republic and its leading foreign partners as well as with the dynamics of the most significant international phenomena and processes.

Recognizing at the beginning of her speech that Germany and its allies in the EU and NATO could not respond in a timely manner to the growing refugee wave and take the necessary measures, Chancellor Angela Merkel stated the following important steps to resolve this problem. Firstly, despite the skeptical attitude of many German politicians towards the agreement between the EU and Turkey about the deployment of refugees and illegal migrants on the Turkish territory, it must continue to be implemented by providing Turkey with a second planned tranche of 3 billion euros. It will prevent new deaths in the Aegean Sea and the criminal activities of the organizers of illegal migration to the European countries. Germany expected to conclude a similar agreement with the Libyan Government of National Unity. Among other measures the cessation of violent actions from some participants in the Syrian conflict, and namely the government of Bashar Assad, Russia and Turkey, the solution to the problem of underfunding of the UN assistance programs, and the promotion at the EU level of a plan for helping Africa comparable to the Marshall Plan, were named. The preservation of the free movement regime within the EU was linked with an ability of the Union to ensure the security of its external borders. To do this, it was necessary to create a Pan-European Border Agency and a unified register of persons entering and leaving the EU, which would reduce the terrorist threat to Germany. The federal government was still prepared to grant asylum to those who really needed it, and to make every effort to integrate them into the society [10, p. 2–7].

The Chancellor refrained from the direct accusing the current US administration in protectionism, confining herself to a statement in support of the principle of free trade. Angela Merkel focused her attention on the importance of further realization of the European integration idea towards unity and joint economic development which will overcome the current situation, when, despite the resumption of economic growth in the Euro area, many locomotives of the world digital economy are developing not in Europe but in the United States or Asia now. The Chancellor reminded that it is predicting already today, that in the future none of the European countries will have a population exceeding the share in 1 % of the world's number. It predetermines a need to strengthen the European unity and abandon the national egoism. Describing the future relations with Great Britain Angela Merkel stressed, that Germany stands for the best possible close and friendly relations with this country after the finishing of the Brexit, but they can no longer be as close as today, because of the UK striving to leave the EU internal market and the customs union [10, p. 18–20].

Responding again to criticism from Donald Trump, but not naming him directly, the Chancellor noted that Germany is a reliable partner of the NATO and is ready to follow its goals, including financial costs, but at the same time the defense spending will increase in a one-to-one ratio with the costs to help countries in need. Angela Merkel agreed with the necessity to modernize and develop the Bundeswehr, reminding the increase of the defense spending since 2014, but also called for a positive assessment of the fact, that there was none of the NATO or EU members believed that Germany was spending for its defense too much. According to the Chancellor, it testifies to the absence of fears in the world concerning the German possible militarization [10, p. 21].

The Head of the German government declared solidarity with Britain in the case of the use of a prohibited chemical substance on its territory in March 2018, in which Russia was accused. Angela Merkel stressed also that it is necessary to continue work on Minsk Agreements implementation, which will ensure the sovereignty of Ukraine and rebuild relations with Russia on a new basis. Among other conflicts, which require the urgent political settlement and stabilization, the situation in Iraq, Syria, and Libya was called. Germany together with Great Britain and France expressed a readiness to continue the work on preserving the nuclear agreement with Iran in spite of the tough position of the Donald Trump's administration. Angela Merkel focused particularly on the future relations with Turkey, which de-

spite a close cooperation with this country in the areas of economy, fighting terrorism, regulation of migration, were and still are difficult, primarily because of the situation in Turkey with the human rights [10, p. 21–22].

However, in the first statement of the new German government, there was not any mention about the future policy towards China, although the Coalition Agreement referred not only to the prospects of cooperation with China, whose economic growth could provide new opportunities for the German companies. The CDU/CSU and the SPD declared also in the agreement, that the free access of Chinese products to the markets of Germany and the entire EU should be accompanied by the same measures from China based on the principle of reciprocity. Some questions were also formulated concerning the project to create a continental Eurasian transport system, which was characterized in the agreement text as the «Chinese initiative of the Silk Road». The answer to it should be a unified European approach focused on protecting the EU interests with the assistance of an optimal combination of German and European financial instruments. The new government of Angela Merkel and the EU leadership had to define clearly these interests and identify the concrete measures to ensure them [11, p. 153]. Speaking for the Members of the Bundestag on February 22, 2018, Angela Merkel acknowledged again that the EU needs a more effective consolidated foreign policy towards Russia, China and resolution of different regional conflicts [12]. Based on this, it could be assumed that the absence of the topic about the German-Chinese relations in the first Government Statement of the new Angela Merkel's coalition indicated its unwillingness to declare and take any unilateral actions concerning China. The German aim was to shape a common EU vision on a further strategy of interaction with this growing pole of world politics. Such approach allowed a reliable involving in its long-term realization of those small and medium-sized European countries in Eastern Europe, the Baltic and the Balkans, which expressed their special interest in cooperation with China, counting on Chinese investments, financial and technical aid.

The foreign policy, defense and intelligence structures of Germany in adaptation to the new challenges

The adaptation of the German policy to new global challenges and risks required also to review and update the structures and directions of the activities of the foreign policy service, the Bundeswehr and the intelligence community. These changes testified to the final deliverance of Germany from the informal status of the «economic giant, but political and military dwarf», which corresponded in no way to its current leading and stabilizing role in the European and world politics.

For the German MFA, an important event was the appointment of new Minister Heiko Maas, who had not been involved previously in international activities and therefore could pursue a more flexible foreign policy without relying on previous informal arrangements or commitments. Until 2013, his political career was built in the state (Das Land) Saar in the far west of Germany, where he led the local Social Democrats and was a Member of the State's government. After the return of the SPD to the federal ruling coalition in 2013, Heiko Maas became Minister of Justice in the third government of Angela Merkel [13]. In March 2018, as the Minister of Foreign Affairs, he replaced the long-standing leaders of the SPD Frank-Walter Steinmeier and Sigmar Gabriel, who determined not only the foreign policy agenda of their party, but formed the German internal and international strategy together with the Chancellor in the early 21st century.

The modernization affected the entire diplomatic service, which began to use methods and forms of the modern «digital diplomacy» more intensively. It included the use of various information and communication technologies, as well as the activity in social media and regular interaction with users. One of the examples is the updated website of the Embassy of the

Federal Republic in Minsk, which has some direct links to the social media materials, including the profiles of the Auswärtiges Amt and the Embassy itself in the Facebook, and the information about the relevant educational and cultural German-Belarusian projects [14]. Such approach was correlated clearly with the increase in financing by the new government of Angela Merkel of the media concern «Deutsche Welle» focused on foreign audiences and providing the topical news and comments in 30 languages. All these measures were directed to increase the effectiveness of the Germany's «soft power» abroad in the frameworks of the growing transparency and interdependence of the information areas of different countries and regions, which continues to increase thanks to the use of the most advanced information and communication technologies and approaches.

The changes that are even more significant were required in the defense sphere, taking into account the increased responsibility of Germany for the security of its allies and partners, and especially against the background of the open criticism for the low share of defense expenditures in the German national budget from the administration of Donald Trump. In a Government Statement on February 22, 2018, timed to an informal meeting of the EU heads of state and government in Brussels, Angela Merkel reminded that Germany is the second largest NATO member after the United States in terms of the number of the troops given for the alliance, including its foreign missions. Nevertheless, she acknowledged some shortcomings of the Bundeswehr and recalled that her government had committed itself to increasing the defense spending to the recommended by the NATO (2 %), and this decision is not being questioned in Germany unlike other the members of this alliance [12].

In a Government Speech on May 16, 2018, devoted to the budget execution this year, the Chancellor detailed the necessity to strengthen the financing of the Bundeswehr, despite the high costs of its modernization. Angela Merkel noted that in the «White Paper 2006 on the German Security Policy and the Future of the Bundeswehr» («Weißbuch 2006 zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr»), which was approved by her first government, the focus was on foreign missions [15].

In this connection the Chancellor quoted the words of Minister of Defense Peter Struck (2002–2005) that «The Germany's security is also on the Hindu Kush» (a mountain range from central to northern Afghanistan) [8, p. 5]. The events after 2014, including the conflict in Syria, increased the importance of the defense of the territory of Germany and its allies. It was recorded both in the decisions of the NATO in 2014 and in the new edition of the «White Paper 2016 on the German Security Policy and the Future of the Bundeswehr» («Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr») [7]. According to the Chancellor, the Bundeswehr should be retrofitted to meet the pressing additional tasks. Namely a control over the airspace of the Baltic countries, security guarantees for Poland and three Baltic states (for Lithuania Germany acts as a main guarantor), a strengthening of the multinational corps in Szczecin, a fulfillment of obligations to Romania and Bulgaria [8, p. 5–6].

Based on this, Angela Merkel defined the priority task of increasing mobility and re-equipping of the Bundeswehr, including improving the quality of the military training. The next task was the creation of a cyber-commando in the Bundeswehr to repel threats in the digital environment, while Angela Merkel referred to the new military doctrine of Russia adopted in 2014, part of which was to conduct «hybrid» operations. She recognized the Russian successes in this sphere, which should be answered and confronted effectively by the German armed forces. The Chancellor called for strengthening of the EU defense component. As «good news», she described the starting of a ten-year plan for the creation of the European Defense Union, which is directed to structure the cooperation between its members in this area. Germany will be also responsible for some projects. Angela Merkel said that the EU produces 178 weapons systems, while the US only 30, that predetermines the need for closer coordination in this area, including training of military personnel. At the same time, the Chan-

cellor reminded that the United States spends about 3,5 % of its gross domestic product on defense, but this share is less than 2 % within the EU [8, p. 6–7].

To solve the acute migration problem, she called for support of the activity and widening of the functions of the European Border and Coast Guard Agency (Frontex), which should include more than 1,400 police officers since such their current number cannot effectively protect the EU external borders. This agency needed also the modern equipment, and Germany was ready to make every effort to realize this task [8, p. 7].

Angela Merkel returned to the defense issue in a Government Statement on June 28, 2018, which was presented on the eve of the coming NATO summit in Brussels on July 11–12, 2018. The Chancellor called once again for strengthening of the alliance on the backdrop of growing threats to security, and namely for increasing its defensive capabilities and mobility, security guarantees for allies in Central and Eastern Europe, while maintaining the readiness to conduct a dialogue with Russia, the fulfillment by all NATO members of their obligations to finance the defense spending. She reminded the decision to create two new alliance headquarters, including one in Ulm (Bavaria), which should be assessed as an important German contribution to the NATO reinforcement. The federal government has also committed to increase the defense spending to 1,5 % of gross domestic product until 2024 [5]. However, such tempo of realizations by Germany and other NATO members of their financial obligations did not suit the US administration that led to an open conflict between President Donald Trump and the European leaders at the Brussels NATO Summit in July 2018.

Moreover, the modernization of the Bundeswehr encountered some difficulties with its staffing. The withdrawal of the compulsory conscription from July 1, 2011 led to a shortage of military personnel, as the prestige of military service in modern Germany is extremely low. The public opinion is very skeptical about raising of the defense spending to 2 %, which is planned to be achieved until 2030. This decision is approved by only about 15 % of the population [16]. To solve this problem in 2018 it was proposed to invite the citizens of other EU states to serve in the Bundeswehr. Both ruling parties supported this idea, but the SPD insisted on granting to such soldiers the German citizenship to avoid a creation of the army of mercenaries [17].

The structures and tasks of the German intelligence community have also undergone a transformation, which reflected some new challenges comparable to the Cold War period. As the German weekly magazine «Der Spiegel» claimed in March 2018, the Federal Intelligence Service – Der Bundesnachrichtendienst (BND) reconstituted a counter-intelligence unit, which strength should exceed 50 officers. The reasons for this decision were the need to monitor the situation in and around Russia, China, Iran and North Korea, the growing intensity of the Russian and Chinese special services working within the German territory, as well as counteracting their activities abroad or at least collecting additional information about their goals and methods [18].

Conclusion

Finally, it must be emphasized that all these measures are directed undoubtedly to intensifying and enhancement of the most important aspects of the German foreign and defense policy. During the last two years the Federal Republic has not only strengthened its indisputable role as the leader of the united Europe, but has become one of the key guarantors for the preservation of the current international order, based on the principles of multilateralism, free trade, and close interaction within different international and regional organizations. The more active participation of Germany in maintaining of global security and stability, which could be evaluated as inevitable due to the increasing challenges and risks, opens up the new prospects and opportunities for further cooperation with the Republic of Belarus. Our both coun-

tries situated in the heartland of Europe are interested particularly in the peaceful and sustainable development and cooperation.

LIST OF REFERENCES

1. Rusakovich, A. V. Belarus – Germany: main trends and stages of the development of intergovernmental relations in the 1990s – first half of the 2010s / A. V. Rusakovich // Journal of the Belarusian State University. International Relations. – 2018. – № 1. – P. 10–17.
2. Shadurski, V. G. Evolution of Belarusian-Polish Relations at the Present Stage: Balance of Interests / V. G. Shadurski // Journal of the Belarusian State University. International Relations. – 2017. – № 1. – P. 46–52.
3. Шарапо, А. В. ФРГ после выборов в Бундестаг 2017 г. в поиске новой модели развития / А. В. Шарапо // Историческая германистика: актуальные проблемы современных исследований : сб. науч. ст. и материалов / сост.: А. В. Касович [и др.]. – Псков : ЛОГОС, 2018. – С. 238–245.
4. Tsikhamirau, A. V. The significance of Eurasian and European integrations in the foreign policy of the Republic of Belarus (1991–2017) / A. V. Tsikhamirau // Journal of the Belarusian State University. International Relations. – 2018. – № 1. – P. 18–29.
5. Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Merkel vor dem Deutschen Bundestag am 28. Juni 2018 in Berlin (Protokoll des Deutschen Bundestages) [Electronic Ressource] // Die Bundeskanzlerin. Aktuelles. – Mode of access: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkinde/aktuelles/regierungserklaerung-von-bundeskanzlerin-merkel-1140170>. – Date of access: 30.12.2018.
6. Wachstum. Bildung. Zusammenhalt. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und FDP. 17. Legislaturperiode. – Berlin, 2009. – 132 s.
7. Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. – Berlin : Bundesministerium der Verteidigung, 2016. – 143 s.
8. Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel zum Haushaltsgesetz 2018 vor dem Deutschen Bundestag am 16. Mai 2018 in Berlin // Bulletin der Bundesregierung. – № 51-1 vom 16. Mai 2018. – 18 s.
9. Nord Stream 2. Committed. Reliable. Safe. Project Background. – Nord Stream 2 AG, April 2018. – 7 p.
10. Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel vor dem Deutschen Bundestag am 21. März 2018 in Berlin // Bulletin der Bundesregierung. – № 32-2 vom 21. März 2018. – 23 s.
11. Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. – Berlin, 2018. – 179 s.
12. Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Merkel vor dem Deutschen Bundestag am 22. Februar 2018 in Berlin (Protokoll des Deutschen Bundestages) [Electronic Ressource] // Die Bundeskanzlerin. Aktuelles. – Mode of access: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkinde/aktuelles/regierungserklaerung-von-bundeskanzlerin-merkel-782454>. – Date of access: 30.12.2018.
13. Heiko Maas, MdB. Bundesminister des Auswärtigen [Electronic Resource]. – Mode of access: <https://www.heiko-maas.de/>. – Date of access: 30.12.2018.
14. Deutsche Botschaft Minsk – Auswärtiges Amt. 1995–2018 [Electronic Resource]. – Mode of access: <https://minsk.diplo.de/by-de>. – Date of access: 30.12.2018.
15. Weißbuch 2006 zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr. – Berlin : Bundesministerium der Verteidigung, 2006. – 149 s.

16. Why Germany's army is in a bad state. A false sense of geopolitical security has left the Bundeswehr poorly equipped [Electronic Resource] // The Economist. – 2018. – 9 August. – Mode of access: <https://www.economist.com/the-economist-explains/2018/08/09/why-germanys-army-is-in-a-bad-state>. – Date of access: 30.12.2018.

17. German army mulls recruiting foreign EU nationals to boost recruitment [Electronic Resource] // Deutsche Welle. – 2018. – 21 July. – Mode of access: <https://www.dw.com/en/ger-man-army-mulls-recruiting-foreign-eu-nationals-to-boost-recruitment/a-44775125>. – Date of access: 30.12.2018.

18. Sorge vor Russland. BND baut Gegenspionage-Einheit auf [Electronic Resource] // Spiegel Online. – 2018. – 16 March. – Mode of access: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/bnd-baut-gegenspionage-einheit-auf-auch-aus-sorge-vor-russland-a-1198457.html>. – Date of access: 30.12.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.01.2019

Фрольцов В.В. Внешняя политика Германии в условиях кризиса мультилатерализма в 2010-е гг.: основные вызовы и риски

Рассмотрены основные вызовы и риски для внешнеполитической стратегии Германии, основанной на принципе мультилатерализма, в условиях нарастания взаимного недоверия и усиления противоречий в мировой политике и экономике в 2010-е гг. Среди наиболее значимых проблем для внешней политики ФРГ определены рост евроскептицизма и миграционный кризис в ЕС, а также действия США, России, Турции, Китая, которые, по оценке Германии, носили односторонний характер и не учитывали интересов других государств. Выявлены меры, предпринятые правительством Ангелы Меркель для повышения эффективности деятельности МИД ФРГ и Федеральной разведывательной службы, а также модернизации бундесвера.

УДК 930.(476)

А.А. Савіч

канд. гіст. навук, дац., дац. каф. гісторыі славянскіх народаў
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
e-mail: uleks@tut.by

ГЕНДАРНЫЯ АСПЕКТЫ АЙЧЫННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ ГІСТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ 1921–1939 гг.

Даследаванне накіравана на асэнсаванне гендарных паказчыкаў айчыннай гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. у другой палове 1950-х – 1980-я гг. Складанасцю асэнсавання тэмы з’яўляецца недастатковая колькасць эга-дакументальных крыніц навукова-гістарычнай супольнасці даследчыкаў гісторыі Заходняй Беларусі, нязначная прэзентацыя гендарнай праблематыкі ў архіўных фондах. Нягледзячы на гэта, на падставе разнастайных крыніц (апублікаваных навуковых прац, аўтарэфератаў, рукапісаў дысертацый, архіўных матэрыялаў) выяўлена значэнне прафесійнага ўдзелу жанчын-гісторыкаў у развіцці заходнебеларускай гістарыяграфіі. Адзначана дастаткова высокая ступень прысутнасці жанчын у навуковай супольнасці даследчыкаў заходнебеларускай гісторыі, іх высокая навуковая паспяховасць і публікатарская выніковасць. Аднак ва ўмовах савецкай уніфікацыі гістарычных даследаванняў у гісторыкаў-жанчын не было магчымасцей стварэння «жаночай» версіі вывучэння адпаведных праблем.

Уводзіны

Вядома, што савецкая гістарычная навука, за нязначным выключэннем, характарызувалася дамінантным становішчам мужчын у ёй. У цэлым гэта тычылася і беларускай савецкай гістарыяграфіі, у тым ліку корпуса даследчыкаў, якія ў савецкі час займаліся вывучэннем гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. У айчыннай гістарычнай навуцы адсутнічаюць публікацыі, прадметна прысвечаныя асэнсаванню гендарных асаблівасцей развіцця гістарыяграфіі праблемы, аднак іх выяўленне і даследаванне забяспечыць стварэнне больш поўнай і аб’ектыўнай карціны станаўлення і развіцця навуковых ведаў па праблематыцы гісторыі Заходняй Беларусі ў складзе міжваеннай Польшчы.

Мэтаю артыкула з’яўляецца выяўленне прысутнасці ў агульнай кадровай структуры беларускіх савецкіх даследчыкаў гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. гісторыкаў-жанчын, устанаўленне іх навукова-тэматычных прыярытэтаў, эфектыўнасці, выніковасці і спецыфікі навукова-даследчыцкіх падыходаў, абумоўленых гендарна-палавымі асаблівасцямі.

Удзел гісторыкаў-жанчын у распрацоўцы пытанняў гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг.

У распрацоўцы заходнебеларускай праблематыкі прысутнасць жанчын стала бачнай ужо з пачатку 1930-х гг. Гэта можна патлумачыць як наступствам савецкай эмансіпацыі, калі жанчыны актыўна ўключыліся ў разнастайныя грамадска-палітычныя працэсы, у тым ліку ў рэвалюцыйную дзейнасць, так і тым, што падарваныя рэпрэсіямі пачатку 1930-х гг. кадры заходнебеларускай гістарыяграфіі трэба было тэрмінова ўзмацняць надзейнымі асобамі. Так, у гэты час назіраем у складзе Камісіі па вывучэнні Заходняй Беларусі пры Беларускай акадэміі навук у якасці выконваючай абавязкі К.С. Матулайціс (1933–1934 гг.) і старшыні камісіі Л.М. Янкоўскую (1934–1935 гг.), а таксама супрацоўнікаў названай установы Р.С. Віленскую, Я.М. Крымскую, Л.М. Майскую [1, с. 173, 181, 184, 192], у якіх уласных навуковых прац не выяўлена.

Значная прысутнасць гісторыкаў-жанчын з неабходнымі навуковымі атрыбутамі ў выглядзе навуковых публікацый, званняў і ступеняў стала характэрнай асаблівасцю айчыннай гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. у другой палове

1950-х – 1980-я гг. Так, сваё слова ў даследаванні заходнебеларускай праблематыкі пакінулі І.В. Царук, Т.Ю. Глінская, С.І. Наркевіч, С.В. Талапіна і Т.А. Гойдзь. Зыходзячы з інфармацыі У.М. Міхнюка адносна таго, што да 1988 г. па заходнебеларускай праблематыцы было абаронена 28 кандыдацкіх дысертацый [2, с. 19], «жаночы атрад» у суполцы вучоных – спецыялістаў па гісторыі Заходняй Беларусі склаўся 18 % ад агульнай колькасці гісторыкаў, што для таго часу з’яўляецца дастаткова высокім паказчыкам.

Амаль усе жанчыны-гісторыкі займаліся распрацоўкай характэрных для таго часу навуковых тэм. У прыватнасці, найбольш паспяховая з названых вучоных І.В. Царук у 1965 г. абараніла кандыдацкую, а ў 1975 г. доктарскую дысертацыю па актуальнай у той час гісторыка-партыйнай тэматыцы, стала аўтарам шматлікіх навуковых публікацый, у тым ліку манаграфій [3–7]. Т.Ю. Глінская прадметна займалася галоўным на той час накірункам гісторыі Заходняй Беларусі – гісторыяй Кампартыі Заходняй Беларусі, абараніла кандыдацкую дысертацыю ў 1963 г., стала аўтарам шэрагу артыкулаў і дзвюх манаграфій [8–10]. Сярод гісторыкаў-жанчын неабходна адзначыць вучонага-эканаміста С.І. Наркевіч, якая адзіная ў Беларусі даследавала эканамічную гісторыю Заходняй Беларусі на ўзроўні кандыдацкай дысертацыі, абараніўшы яе ў 1965 г. Трэба канстатаваць высокі навукова-тэарэтычны ўзровень і грунтоўнае факталагічнае забеспячэнне дадзенага даследавання, якое, на жаль, не было апублікавана ў выглядзе асобнай манаграфіі; рукапіс жа дысертацыі ўяўляе і сёння навуковую каштоўнасць [11; 12]. Выдзяляецца сваёй прадметнай скіраванасцю на жаночую гісторыю кандыдацкае даследаванне і манаграфія С.В. Талапінай, прысвечаная грамадска-палітычнай і публіцыстычнай дзейнасці В.З. Харужай, знакамітай рэвалюцыянеркі і падпольшчыцы, якой у 1960 г. было прысвоена званне Героя Савецкага Саюза [13; 14]. Т.А. Гойдзь (Лугачова) у якасці прадмета дысертацыйнага даследавання абрала дзейнасць на тэрыторыі Заходняй Беларусі Міжнароднай арганізацыі дапамогі барацьбітам рэвалюцыі (МОПР), абараніла кандыдацкую дысертацыю, апублікавала вялікую колькасць навуковых прац, у тым ліку манаграфію [15; 16].

Эга-дакументальная спадчына айчынных гісторыкаў, якая дазваляе дастаткова пераканаўча выявіць гісторыка-антрапалагічныя акалічнасці функцыянавання гістарычнай навукі, і гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі ў прыватнасці, за малым выключэннем, амаль адсутнічае. Гэта тычыцца і абставін навуковай дзейнасці названых гісторыкаў-жанчын, за выключэннем І.В. Царук, мемуарныя выданні якой закранаюць некаторыя гістарычна-навуковыя аспекты яе асабістага жыцця, у тым ліку разам з сямейна-бытавымі цяжкасцямі, наяўнасцю істотнай падтрымкі роднага брата, аўтарытэтнага дзяржаўнага дзеяча БССР С.В. Прытыцкага, адлюстроўваюць спагадліва-добразачлівыя адносіны калег-мужчын [17; 18].

У гэтай сітуацыі прэтэндаваць на стварэнне дастаткова поўнай карціны гендарных асаблівасцей гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі не даводзіцца. Сітуацыя ўскладняецца і адсутнасцю архіўных дакументаў, якія раскрываюць гісторыка-антрапалагічныя, у тым ліку і гендарныя, паказчыкі гістарыяграфічнай сітуацыі. Таму вялікае значэнне маюць выяўленыя сярод іншых архіўных дакументы, якія дазваляюць раскрыць пэўныя навукова-гендарныя паказчыкі, прыцягваюць увагу па прычыне несумненнай іх навуковай каштоўнасці. Гэта тычыцца звестак аб навуковадаследчыцкай дзейнасці выкладчыка БДУ Т.Ю. Глінскай, узаемаадносіны якой з калегамі характарызуюцца як неадназначныя. Асабліва гэта тычыцца яе прафесійных стасункаў з М.С. Арэхвам – былым членам цэнтральнага кіраўніцтва КПЗБ, аўтарытэтным знаўцам гісторыі і гістарыяграфіі Заходняй Беларусі.

Складаны генезіс іх навуковых кантактаў выяўляецца на падставе ліста дырэктара Інстытута гісторыі партыі (ІГП) Н.В. Каменскай у ідэалагічны аддзел ЦК КПБ. Туды раней са скаргай звярнулася Т.Ю. Глінская ў адказ на беспадстаўнае, як яна сцвярджа-

ла, выключэнне яе са складу аўтарскага калектыву па напісанні гісторыі КПЗБ пад кіраўніцтвам М.С. Арэховы. Праца над названай тэмай у ІПП пачалася ў 1960 г. З гэтага часу ў складзе калектыву ў якасці пазаштатнага аўтара адной з глаў кафедрай гісторыі КПСС БДУ была рэкамендавана аспірантка Т.Ю. Глінская, якая ў 1963 г. абараніла кандыдацкую дысертацыю па гісторыі КПЗБ. Па плане ІПП, рукапіс главы Глінская павінна была прадставіць да снежня 1963 г., аднак за гэты час «она не напісала ні адной строчки по числившейся за ней II главе названной коллективной монографии». У сярэдзіне снежня 1963 г. кіраўнік аўтарскага калектыву М.С. Арэхва азнаёміўся з тэкстам кандыдацкай дысертацыі, якую Т.Ю. Глінская разлічвала прадставіць як свой тэкст у калектывнае выданне, выказаў шэраг заўваг, выпраўленне якіх дало б магчымасць уключыць тэкст у запланаванае выданне. У выстаўлены тэрмін (люты 1964 г.) тэкст не быў прадстаўлены. Па просьбе аўтара Інстытут працягнуў тэрмін да 1 красавіка; у канцы красавіка Т.Ю. Глінская прадставіла стары варыянт дысертацыі. Даследчыца, даючы тлумачэнні адносна невыканання ёй патрабаванняў навуковага кіраўніка тэмы, звяртала ўвагу на тое, што яна «загружена преподавательской и общественной работой, летом едет в отпуск, приступить к написанию главы сможет только в конце 1964 г.». 7 мая 1964 г. сектар гісторыі навукі ІПП у прысутнасці Т.Ю. Глінскай абмеркаваў прадстаўлены матэрыял, прызнаўшы, што ён не можа быць асновай для II главы манаграфіі, і няма ніякай гарантыі, што Глінская зможа «доброкачественно написать главу в срок, чем ставится под угрозу срыва предусмотренный планом срок издания книги». У сувязі з гэтым 8 мая 1964 г. Т.Ю. Глінская была вызвалена ад работы ў складзе аўтарскага калектыву [19, арк. 158–159].

Што да заўваг М.С. Арэховы, то яны ў асноўным былі абумоўлены даверам Т.Ю. Глінскай да выяўленых крыніц. Яны неадназначна адлюстроўвалі асаблівасці функцыянавання камуністычнага руху ў Заходняй Беларусі, у якім праяўляліся разнастайныя плыні, што стала асновай для актыўнай фракцыйнай барацьбы ў КПЗБ.

Асаблівую цікавасць дадзенай гістарыяграфічнай сітуацыі надае тое, што станоўчую рэцэнзію на кандыдацкую дысертацыю Т.Ю. Глінскай (па прычыне гендарнай салідарнасці ці, верагодна, па просьбе нявыяўленых зацікаўленых асоб) падпісала Н.В. Каменская, дырэктар ІПП, дзе працаваў М.С. Арэхва. Як адзначае рэцэнзент, дысертацыя «является серьезным научным исследованием по истории КПЗБ середины 20-х годов». Пры гэтым на копіі рэцэнзіі чарніламі рукой М.С. Арэховы зроблена прыпіска: «Эта рецензия по поручению директора института писана мною» [19, арк. 151–155]. Дваістасць пазіцыі М.С. Арэховы выяўляецца ў лісце да загадчыка аддзела сацыяльна-эканамічнай літаратуры выдавецтва «Беларусь» Садоўскага ад 22 кастрычніка 1964 г., у якім дысертацыя ацэнена як «весьма посредственная, недоработанная и содержит много неправильных положений и даже ошибочных формулировок», ён жа, «не желая задержки научного роста и думая, что она честно пойдет в науку, сделал снисхождение и дал в общем положительный отзыв на ее диссертацию» [19, арк. 160–162].

М. Арэхва сам паставіў сябе ў неадназначнае становішча, а Т.Ю. Глінская, нягледзячы на адпаведныя захады з боку «нядобразычліўцаў», працягвала весці справу да выдання сваёй манаграфіі, таму 3 снежня 1964 г. М.С. Арэхва звярнуўся да першага сакратара ЦК КПБ К.Ц. Мазурава. Вучоны паведамляў пра тое, што ў выдавецтве «Беларусь» у 1965 г. прадугледжана выданне кнігі Т.Ю. Глінскай, павярхоўнай і недапрацаванай, з памылковымі палажэннямі і фармулёўкамі, «могутими внести лишь путаницу в правдивое освещение истории КПЗБ». Але найбольш уразіла М.С. Арэхву тое, што «издание кандидатской диссертации т. Глинской в качестве самостоятельной монографии нашло поддержку в идеологическом отделе ЦК КПБ» [19, арк. 164–165].

Аднак, нягледзячы на свой аўтарытэт у партыйных колах, які М.С. Арэхва ўзмацняў прыпіскай у лістах пра сябе як пра «бывшего члена центрального руководст-

ва КПЗБ», яго звароты не атрымлівалі жаданай рэакцыі, а, наадварот, сталі ўспрымацца як надуманыя прэтэнзіі. Красамоўнай ілюстрацыяй гэтага з'яўляецца разбіральніцтва па пытанні выхаду манаграфіі Т.Ю. Глінскай на ўзроўні ЦК КПБ. У канцы лютага 1965 г. у адказ на зварот М.С. Арэхвы да К.Ц. Мазурава была праведзена нарада з за-прашэннем зацікаўленых асоб. Супрацоўнік апарату ЦК КПБ Матузаў адхіліў М.С. Арэхву ад удзелу ў нарадзе, на якой заўвагі ў дачыненні да працы Т.Ю. Глінскай былі прызнаны неістотнымі, і кніга пайшла ў друк [10].

Відавочна, што пашыраць крытычны фон навокал Т.Ю. Глінскай, якая мела кандыдацкую ступень і навуковыя публікацыі ў партыйным друку, азначала ставіць пад сумнеў сістэму арганізацыі савецкай гістарычнай навукі. У сярэдзіне 1960-х гг. у навукавай і партыйна-ідэалагічнай сферы аўтарытэт і статус М.С. Арэхвы і гісторыі КПЗБ як недатактыкальных быў больш сціплым, чым на хвалі рэабілітацыі КПЗБ у другой палове 1950-х гг.: з цягам часу актуальнасць гісторыка-партыйнай тэматыкі КПЗБ паступова стала губляць прывабнасць у асяродку партыйна-дзяржаўных структур. У сувязі з відавочным ігнараваннем меркаванняў М.С. Арэхвы, выказаных ім у рэцэнзіях, лістах і зваротах у высокія інстанцыі, адносна выяўленых ім недахопаў у асвятленні гісторыі КПЗБ, ім разам з ветэранамі КПЗБ І.Ф. Сяменікавым і Л.Д. Шайкоўскім быў выданы артыкул «За правільнае асвятленне гісторыі КПЗБ», у якім на прыкладзе кнігі Т.Ю. Глінскай былі праілюстраваны недахопы ў вывучэнні дзейнасці кампартыі [20].

Крытычна адрэагавала на кнігу Т.Ю. Глінскай і польская даследчыца А.Р. Бергман, ветэран КПЗБ, аўтарытэтны даследчык гісторыі Заходняй Беларусі [21]. М.С. Арэхва настойліва звяртаўся і да В.П. Ласковіча, ветэрана КПЗБ, з тым, каб той размясціў крытычную рэцэнзію на кнігу Т.Ю. Глінскай у брэсцкіх газетах [22, арк. 41, 49, 66]. Відавочна, пад уплывам М.С. Арэхвы адмоўныя адносіны да Т.Ю. Глінскай сфарміраваліся і ў Б.С. Клейна, які атрымліваў ад яго парады і падтрымку [23, арк. 42–44]. Б.С. Клейн у лісце дзяліўся з М.С. Арэхвам сваімі крытычнымі заўвагамі да манаграфіі Т.Ю. Глінскай, канстатаваў рэгрэс прафесійнага ўзроўню аўтара выдання, выказаў здзіўленне асабістай смеласцю Т.Ю. Глінскай, якая, нягледзячы на катэгарычнае супрацьдзеянне М.С. Арэхвы, усё ж выдала сваю манаграфію: «Кстати, кто она такая, где работает и почему имеет “зеленую улицу” в издательстве?» [19, арк. 196–198].

Звяртаючы ўвагу на настойлівасць Т.Ю. Глінскай у рэалізацыі сваіх навуковых памкненняў, на падтрымку яе з боку ідэалагічных структур ЦК КПБ, адзначым слабае выяўленне ў навукова-гістарычным асяродку таго часу гендарнай салідарнасці. Названыя вышэй А.Р. Бергман, даючы адмоўную рэцэнзію, і Н.В. Каменская, выдаляючы Т.Ю. Глінскую з аўтарскага калектыву, палічылі патрэбным дбаць пра навукова-вытворчыя патрэбы, ігнаруючы пры гэтым гендарныя асаблівасці адпаведнай гістарыяграфічнай сітуацыі. З другога боку, адзначым, што ўзгаданая нябачная падтрымка Т.Ю. Глінскай і «ззялёная вуліца» зусім верагодна магла стаць вынікам рэалізацыі яе паказчыкаў гендарнага характару як жанчыны, маці, сяброўкі і г.д.

На жаль, ва ўмовах адсутнасці крыніц, якія маглі б праілюстраваць гендарнае значэнне, паказчыкі ўзаемаадносін у навукова-гістарычнай супольнасці даследчыкаў гісторыі Заходняй Беларусі міжваеннага часу, такога характару інфармацыя адносна прафесійна-асабістых узаемаадносін з'яўляецца толькі падставай для тэарэтычнага мадэлявання, якое патрабуе пацвярджэння дакументальнымі крыніцамі.

Заклучэнне

Такім чынам, прысутнасць жанчын у дысцыплінарнай навукавай супольнасці даследчыкаў гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг., якая стала вынікам іх паспяховай навукавай самарэалізацыі, была істотнай, аднак далёка не парытэтнай у параўнанні з мужчынскай часткай дадзенай групы. У змястоўна-канцэптэуальным плане дасле-

даванні гісторыкаў-жанчын не змаглі аформіць «жаночай» версіі адпаведных пытанняў гісторыі Заходняй Беларусі ва ўмовах жорсткага кантролю за навуковымі даследаваннямі з мэтай забеспячэння аднастайнасці і тоеснасці выпрацаваным партыйна-дзяржаўнымі інстанцыямі схемам. У сваім прафесійным станаўленні жанчыны мелі як цяжкасці, абумоўленыя іх традыцыйнымі сацыяльнымі ролямі, так і спагадлівае стаўленне з боку калег і кіраўніцтва. Аднак для стварэння больш дасканалай сістэмнай карціны навукова-гендарных аспектаў гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі патрабуецца далейшая актывізацыя архіўна-пошукавай дзейнасці, падрыхтоўка і апублікаванне эгадакументальных крыніц айчынных гісторыкаў, у якіх атрымаюць істотнае адлюстраванне і гендарныя паказчыкі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Астрога, В. А. Даследаванне новай і навейшай гісторыі замежных краін на Беларусі ў міжваенны перыяд (1921–1941 гг.) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02, 07.00.03 / В. А. Астрога. – Мінск, 1996. – 208 арк.
2. Докторские и кандидатские диссертации по историческим наукам БССР. 1944–1987 гг. : библиогр. указ. / сост.: В. Н. Михнюк, Л. Н. Новицкая. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск, 1988. – 126 с.
3. Царюк, И. О. Деятельность Компартии Белоруссии по осуществлению культурной революции в западных областях республики (1939–1953 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. О. Царюк ; Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск, 1965. – 22 с.
4. Царюк, И. О. Деятельность КПБ по осуществлению преобразований и организации социалистического строительства в западных областях Белоруссии (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.01 / И. О. Царюк ; Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск, 1975. – 49 с.
5. Царюк, И. О. В семье единой: к 30-летию со дня воссоединения Западной Белоруссии и БССР / И. О. Царюк. – Минск : Беларусь, 1969. – 110 с.
6. Царюк, И. О. КПБ – организатор культурного строительства в западных областях Белоруссии: 1939–1955 гг. / И. О. Царюк. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1969. – 198 с.
7. Царюк, И. О. В братском союзе: социалистические преобразования экономики в западных областях БССР, сентябрь 1939 – июнь 1941 гг. / И. О. Царюк. – Минск : Изд-во БГУ, 1976. – 103 с.
8. Глинская, Т. Ю. КПЗБ во главе революционно освободительной борьбы трудящихся Западной Белоруссии в период частичной относительной стабилизации капитализма (1924–1928 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Т. Ю. Глинская ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1963. – 19 с.
9. Глинская, Т. Ю. КПЗБ в борьбе за завоевание трудящихся масс (1924–1928 гг.) / Т. Ю. Глинская. – Минск, 1962. – 65 с.
10. Глинская, Т. Ю. КПЗБ – руководитель освободительной борьбы трудящихся Западной Белоруссии. 1924–1928 гг. / Т. Ю. Глинская. – Минск : Беларусь, 1965. – 200 с.
11. Наркевич, С. И. Промышленность Западной Белоруссии в период белопольской оккупации (1920–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. экон. наук / С. И. Наркевич ; Акад. наук БССР. – Минск, 1965. – 20 с.
12. Наркевич, С. И. Промышленность Западной Белоруссии в период белопольской оккупации (1920–1939 гг.) : дис. ... канд. экон. наук / С. И. Наркевич. – Минск, 1965. – 209 л.

13. Талапина, С. В. Вера Хоружая – революционер-публицист : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.10 / С. В. Талапина ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1975. – 27 с.
14. Талапина, С. В. Вера Хоружая – революционер, публицист / С. В. Талапина. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1973. – 95 с.
15. Гойдь, Т. А. Деятельность КПЗБ по руководству МОПРом (Международной организацией помощи борцам революции) в Западной Белоруссии в 1923–1939 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Т. А. Гойдь ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1981. – 22 с.
16. Лугачева, Т. А. Международная организация помощи революционерам (МОПР) в Западной Беларуси (1923–1939 гг.) / Т. А. Лугачева. – Гродно : ГрГУ, 2001. – 114 с.
17. Царюк, И. От родного порога / И. Царюк. – Минск, 2011. – 167 с.
18. Царюк, И. О. Крутые дороги : Сергею Притыцкому посвящается / И. О. Царюк. – Минск : Рифтур, 2012. – 255 с.
19. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 1100.
20. Орехво, Н. Недостатки одного издания / Н. Орехво, И. Семеников, Л. Шайковский // Коммунист Белоруссии. – 1966. – № 6. – С. 74–75.
21. Bergman, A. Глинская, Т. Ю. КПЗБ – руководитель освободительной борьбы трудящихся Западной Белоруссии. 1924–1928 гг. / A. Bergman // Z Pola Walki. – 1966. – № 4 (36). – S. 174–177.
22. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. – Ф. 500. Воп. 1. Спр. 79.
23. НАРБ. – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 1103.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.11.2018

Savich A.A. Gender Aspects of the Domestic Historiography of the History of Western Belarus 1921–1939

The study is aimed at understanding the gender indicators of the national historiography of the history of Western Belarus in 1921–1939 in the second half of the 1950s–1980s. The complexity of understanding the topic is a small number of ego-documentary sources of the scientific and historical society of researchers in the history of Western Belarus, a small presentation of gender issues in archival collections. Despite this, on the basis of various sources, both published scientific works, abstracts, and manuscripts of dissertations, as well as archival materials, the author has revealed the importance of the professional participation of women historians in the development of Western Belarusian historiography. There is a rather high degree of presence of women in the scientific community of researchers of Western Belarusian history, their high scientific success and publishing effectiveness. However, in the context of the Soviet unification of historical research, female historians did not have the opportunity to create a «feminine» line of relevant problems.

УДК 340; 930

А.С. Середка

*магістр ист. наук, аспірант трэцяга года обучения
каф. историко-культурного наследия Беларуси
Республиканского института высшей школы
e-mail: MarcellinuS@tut.by*

СЛОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТМЕНЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ

Определены трудности в применении законодательства об отмене крепостных отношений в условиях сложной социальной структуры белорусской деревни второй половины XIX в. Рассмотрены проблемы закрепления новых отношений между государством, помещиками и крестьянством с учетом традиционных норм обычного права. Определено, что осуществление аграрной реформы потребовало серьезных юридических доработок в связи с взаимодействием норм официального и обычного права. Сделан вывод о сложности приспособления населения к новым правовым нормам, а также о болезненных последствиях реформы как для крестьянства, так и для помещиков.

Введение

В научно-популярной и академической исторической литературе часто утверждается тезис о существовании отдельной «крестьянской цивилизации» в Российской империи параллельно с официальным государственным строем. Приводящийся огромный фактологический материал на основе экономических, общественно-политических, юридических, морально-психологических, этнорелигиозных и прочих данных подтверждает это. Достижения западноевропейских историков и целых исторических школ (к примеру, таких как небезызвестная Школа Анналов) свидетельствуют об актуальности данного тезиса применительно к Западной Европе. На протяжении XIX века фактически сосуществовали две системы общественного устройства: 1) официальная модель, прямо декларирующая и насаждающая необходимый порядок вещей, и 2) простонародная, носящая традиционный, консервативный, полускрытый, полуавтономный характер. Неудивительно, что широкомасштабные, зачастую резкие исторические процессы, затрагивающие все слои общества, приводят к причудливому смешению систем, обнажая скрытые, но важные структуры социального устройства народов, стран и отдельных регионов.

Крестьянская реформа 1861 г. в Российской империи является примером «перестройки» общества, хотя была весьма непростым и трудоемким процессом. Доказательством этого является сам закон о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, состоявший из 17 крупных «Положений» и дополнительных правил, касавшихся различных категорий крестьянства Российской империи, объединенных по социальным, территориально-географическим, экономическим причинам [1, с. 135–136]. Однако данные правила, распространявшиеся среди наиболее крупных категорий крестьянства, имели ряд недостатков, поскольку не учитывали хозяйственно-бытовых особенностей традиционного крестьянского общества, а также не затрагивали некоторых малочисленных полускрытых для официальных органов власти представителей «крестьянской цивилизации», не подпадавших под действие официального законодательства. Цель работы – анализ проблем правоприменения законодательства об отмене крепостного права в белорусских губерниях.

Научный руководитель – А.А. Загорнов, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Задачи работы: 1) изучение проблемных ситуаций в среде крестьянства, возникших в процессе проведения реформы 1861 г. в белорусских губерниях по причине недоработок закона, не учитывавшего местных условий; 2) анализ решений выявленных проблем институтом мировых посредников и правительством Российской империи.

Проведением реформы занимался институт мировых посредников, созданный в Российской империи в 1861 г. для улаживания поземельных отношений между крестьянами и помещиками. Документом, закреплявшим имущественные отношения сторон, являлась уставная грамота, регулировавшая отношения помещика и крестьян, вышедших из крепостной зависимости. Для этого в каждом имении нужно было подсчитать количество действительно проживающих в нем крестьян, выявить количество душ мужского пола, которые должны были получить землю, узнать экономический потенциал имения (площади пахотных земель, сенокосов, пастбищ, лесов, количество колодезцев и т.д.). Документ в большинстве случаев составлял помещик либо его доверенное лицо, в особых случаях – мировой посредник. Он же проверял условия уставной грамоты на практике и вводил документ в действие.

Все работы по составлению и введению уставных грамот, согласно плану, должны были пройти в двухгодичный срок, т.е. в период с 1861 по 1863 г. [1, с. 344]. Весь комплекс мероприятий, связанных с введением в действие документов, был для института мировых посредников главной задачей. О масштабах деятельности посредников в Российской империи говорит уже тот факт, что в архивных фондах Министерства финансов России сохранилось свыше 100 тыс. копий уставных грамот [2, с. 77].

Начав работу по составлению уставных грамот, посредники столкнулись с рядом юридических проблем и трудностей, которые можно условно разделить на несколько групп. К первой группе можно отнести проблемы, связанные с буквальным истолкованием и пониманием условий составления уставных грамот и аспектов деятельности мировых посредников вообще. Обнаруживается немалое количество документов, связанных с теми или иными сторонами вопросов введения и утверждения уставных грамот. При этом множество проблем можно было решить на месте, имея на руках копию местных положений о поземельном устройстве крестьян, силами самих мировых посредников. Это позволяет говорить о том, что: 1) ряд посредников, возможно, не изучили должным образом законодательную базу и не имели полного представления о своей деятельности; 2) в спорных ситуациях мировые посредники не решались проявлять инициативы, предпочитая обращаться за советом к непосредственному начальству (уездному и губернскому).

Ко второй группе можно отнести проблемы, связанные с прямым несоблюдением предшествующего законодательства, нарушениями и мошенничеством, которое, однако, воспринималось местным населением как обыденное, известное, повседневное, в какой-то степени само собой разумеющееся явление. К примеру, согласно местному положению, за крестьянами закреплялись дореформенные наделы, записанные в инвентарях – описях помещичьих владений, включающих в себя описания всех помещичьих угодий, материальных ресурсов поместья, фиксированных норм повинностей и платежей крестьян помещику. Разработка и проведение инвентарной реформы были результатом деятельности министра государственных имуществ П.Д. Киселева. Наличие инвентарей придало реформе, к примеру, в Виленском генерал-губернаторстве, специфический характер: правительство решило наделить крестьян и помещиков по возможности теми землями, которыми они реально владели согласно инвентарным спискам. На практике оказалось, что во многих имениях нормы инвентарей не соблюдались: вскрылись многочисленные факты неисполнения предыдущего законодательства, свя-

занные с утаиванием помещиками истинной информации о земельных площадях, количестве ревизских душ и т.д.

С началом реформы обнаружилось многочисленное факты, связанные с подтасовкой данных о размерах угодий, завышением норм повинностей и т.д.; уже летом 1861 г. возникли первые признаки данной проблемы [3, л. 85–87]. Однако вскоре подобные сигналы стали частыми и привычными, оголив общественно-экономическую язву: инвентари в большинстве своем не соблюдались. В качестве показательного примера можно привести случай из практики одного из мировых посредников Бобруйского уезда. 31 августа 1861 г. посреднику 5-го участка поступила жалоба крестьян имения Думиновщины на то, «что они вообще не имеют того надела земли, который определен инвентарем, а некоторые хозяева вообще пользуются только огородами» [3, л. 114]. Владельцы имения, помещики Закржевские, требовали исполнять полную барщину и заявили, «что крестьяне все имеют по инвентарю и сами уклоняются от аккуратного исполнения лежащих на них обязанностей» [3, л. 114]. Посредник, решив на месте разобраться с проблемой и назначив осмотр местности в определенный день, затребовал инвентарь, но в нужный день не получил документа: оба помещика не явились для разбора ситуации [3, л. 114]. Самостоятельно отправившись на проверку, посредник обнаружил, что «в силу хорошего географического расположения очень легко и верно получается квадратное измерение данного пространства». На месте выяснилось, что крестьяне в целом говорят правду: «столь мало и бедственное положение крестьян вышепрописанных имений» [3, л. 115].

Большое количество таких случаев потребовало специального постановления Министерства внутренних дел, определившего несение крестьянами барщины на той же основе, которую они отрабатывали до 19 февраля 1861 г., но с условием уменьшения, описанным в ст. 150 местного положения [4, л. 89]. Данная статья предусматривала снижение дней барщины на 10 % [1, с. 362]. Чистый денежный оброк оставался без изменений, если не превышал 3 руб. с десятины [4, л. 89]. Остальные нормы повинностей и отработок изменялись на основании условий местного положения, изложенных в статьях 150–200 [5, с. 362–368], и по Постановлению Сената от 27 сентября 1862 г., отменявшего многие второстепенные повинности и отработки [4, л. 89].

К третьей группе можно отнести проблемы, касавшиеся различных категорий крестьянского населения, которые при предыдущей системе взаимоотношений не являлись с точки зрения крестьянского мировоззрения полноценными крестьянами либо же в силу обстоятельств были связаны особыми традиционными связями или круговой порукой с крестьянской общиной или помещичьим двором.

Известно, что между панским двором и деревней существовали стойкие экономические связи, которое долгое время сохранялись и в пореформенный период. Поместье оставалось хозяйственным и де-факто судебно-административным центром для локального крестьянского сообщества [6, с. 115]. Панский двор служил также местом обучения для части крестьянской молодежи [6, с. 166], которая занималась при школе, созданной помещиком, либо направлялась им для получения образования или изучения ремесленного дела в города и местечки. Важно отметить, что помещик нередко тратил собственные ресурсы для содержания учеников. Отмена крепостного права поставила вопрос о том, как быть с подростками, которых помещик отдал на обучение ремеслам и наукам за свои деньги: «не надлежит ученикам ли выплатить или отработать потраченные помещиком издержки» [3, л. 136]. Согласно положениям, контракты об отдаче помещиком дворовых или крестьян в обучение сохраняли свою силу до истечения срока. В случае оплаты помещиком обучения закон настоятельно требовал от крестьян «войти в соглашение» (договориться) с помещиком [1, с. 170–171], иначе помещик пе-

рестал бы снабжать учащихся ресурсами, что, естественно, вызывало бы большие затруднения у части учеников.

Особую категорию крестьянского населения, прочно зависевшего от помещика как экономически, так и в силу многих неформальных отношений, составляли дворовые люди: дворецкие, лакеи, экономы и экономки, камердинеры, охранники (гайдуки), горничные, кухарки, кучера, кормилицы, няни, дядьки (воспитатели господских сыновей), дворовые кузнецы, плотники, дворники, пастухи и т.д. Обустройство дворовых представляло собой существенную проблему как для них самих, так и для помещика: от ряда слуг-специалистов помещик был очень зависим и не мог обойтись, в то время как от некоторых из бывшей дворни помещику ради экономии средств в процессе перестройки имения на новый экономический лад пришлось бы отказаться. Неудивительно, что многие дворовые люди, привыкшие исполнять волю помещика, зачастую пассивные и инфантильные, испытывали бы трудности, а то и вовсе лишились бы средств к существованию.

Специальное положение об устройстве дворовых людей оставляло в полной собственности все их движимое имущество [1, с. 170]. Правом на участие полевым наделом наравне с крестьянами пользовались те, кто до 2 марта 1858 г. лично пользовался полевым наделом или, «по поступлению помещику в услужение либо в хозяйственную должность», не переставали пользоваться наделом или нести барщину при обработке земли [1, с. 170]. Если дворовые хотели получить землю, им нужно было стать членом крестьянской общины, при этом помещик был «не обязан обзаводить их ни домами, ни другими принадлежностями крестьянского хозяйства» [1, с. 170]. На протяжении двух лет (до 1863 г.) дворовые люди обязаны были платить владельцам оброк или отбывать службу, «оставаясь в полном, на основании закона, повиновении владельцев». Оброк не должен был превышать 30 руб. в год с мужчины и 10 руб. с женщины. Проживающие на стороне и находящиеся на заработках не могли отказаться от оброка, однако и помещик не мог произвольно требовать их возвращения в имение и произвольно повышать плату. Также на протяжении двух лет дворовые люди получали от владельца прежнее содержание либо не ниже записанного по инвентарю [1, с. 171]. Помещик мог уволить слугу до истечения двухлетнего срока как по согласию сторон, так и в одностороннем порядке, однако в последнем случае помещик обязан был выплатить слуге определенную сумму денег [1, с. 173]. Уволенные без земли по истечении двух лет бывшие дворовые приписывались по месту реального проживания, но при этом за ними сохранялось право на протяжении двух лет выбрать окончательное место приписки [1, с. 174]. Дворня, уволенная ранее двухлетнего срока и приписанная к сельским обществам, освобождалась на шесть лет от уплаты налогов и от несения повинностей, в том числе рекрутской, прописанные в городах получали прибавку к отсрочке еще на два года (итого – на восемь лет). Для бывших слуг сохранялась возможность найма в рекруты вместо других людей [1, с. 174].

Заслужившему хорошую репутацию эконому, кузнецу, конюху или иному ремесленнику, который был необходим помещику, в большинстве случаев не стоило особо беспокоиться за свое будущее. Это относилось также к особо верным и преданным помещику слугам (такой тип слуги хорошо описан А.П. Чеховым в пьесе «Вишневый сад» на примере старого преданного лакея Фирса). Прочие освободившиеся члены дворни, согласно документам, нередко приписывались в близлежащих сельских обществах (как правило, это были семейные люди [7, л. 3]). Неженатые, согласно документам, нередко не указывали места намеченного жительства [7, л. 5–6] (очевидно, пользовались предоставленными льготами) и покидали поместье в поисках лучшей доли. Однако, согласно источникам, помещики нередко наделяли бывших слуг участками земли, которые брались из земель, отдававшихся во владение крестьянской общине.

Зачастую такой процесс происходил и по отношению к безземельным крестьянам – еще одной пестрой части крестьянского населения. Безземельные крестьяне (батраки, бобыли, кутники, халупники) не имели полевой земли, а нередко и огорода. Их имущество состояло чаще всего из хаты или халупы (очень примитивного жилища) и многочисленной живности. Такие крестьяне жили во многом за счет случайных заработков, сезонных работ и отхожих промыслов, нищенствованием или под присмотром общины. Наделение помещиками таких людей земель из части общинных угодий стало вызывать недовольство и протесты части крестьянства, требовавших исключения последних из общины. В целях решения проблемы 21 июля 1862 г. был издан общий циркуляр Министерства внутренних дел «Об истребовании от безземельных крестьян отзывов при проверке уставных грамот» [8, л. 28]. Правительство напоминало о праве безземельных крестьян на выход из общины, но, несмотря на протесты общинников, безапелляционно сохраняло за ними право на земельный надел. Таким образом, безземельное крестьянство само решало, как поступить: покинуть общину или остаться в ее составе, получив землю за счет других крестьян. В итоге крестьянская община различными способами старалась исключить представителей безземельного крестьянства (особенно это касалось криминальных элементов и прочих «порочных членов») [3, л. 104].

К четвертой группе проблем можно отнести те, которые были связаны с региональными особенностями областей, не учтенными при рассмотрении закона на стадии проекта. Многие спорные вопросы, касавшиеся крестьянского землепользования, землевладения и налогообложения, имевшие четкий и стройный вид согласно официальному делопроизводству, в реальной жизни, как уже отмечалось, строились на основе местных традиций и порядков. Поскольку правовой обычай в Российской империи также являлся источником права, мировые посредники вынуждены были в складывающихся условиях находить компромисс, который находили либо при рассмотрении вопроса уездными и губернскими властями (уездные и губернские по крестьянским делам присутствия), либо после обращения неспособных решить проблему губернских властей в Сенат.

Так, большой проблемой при осуществлении реформы стало наделение земель жителей местечек. Необходимо напомнить, что местечком называлось поселение, исторически сложившееся на землях бывшей Речи Посполитой, жители которых занимались как сельскохозяйственной, так и торгово-промышленной деятельностью. Дело в том, что жители местечек считались мещанами, однако среди них было много крестьян, в силу обстоятельств переселившихся в местечки, но входивших в близлежащие крестьянские общества. Специальный циркуляр правительства вводил уставные грамоты среди таковых крестьян на общем основании. Однако в случаях, если местечковые крестьяне, имевшие «пляцы» (небольшие по размерам участки земли) желали отделиться от крестьянского общества, решено было образовывать из них отдельные общества. Тогда плата за землю для каждого хозяина определялась отдельно, «такая, как для прочих свободных жителей местечка, с тем, чтобы плата эта для каждого хозяина не превышала той, которую он платил прежде, или отбывал повинности» [9, л. 73].

Много трудностей при осуществлении реформы создавала простонародная традиция совместного держания одного участка земли родственными семьями («семейные разделы»). Мировому посреднику, к примеру, сложно было разобрать противоречивую официальному законодательству, но вполне обычную для населения ситуацию, при которой «два родных брата, взрослых и семейных, держали вместе один участок земли, который обрабатывали вместе, вместе платили налоги, вместе отбывали повинности – кого из них следовало назвать хозяином участка, поскольку исходя из местного обычного права главным в хозяйстве считался старший брат» [10, л. 4]. В таких ситуациях требовалось буквальное исполнение официального закона: главой земли объявляли то-

го, на ком юридически числился участок [10, л. 22]. Традиционный уклад жизни поставил в ряде случаев вопрос: следует ли называть батраками взрослых сыновей крестьянина-хозяина в случае, если бы сыновья на самом деле держали хозяйство совместно с отцом либо при «престарелых летах и дряхлости сего последнего на деле управляли бы им» [10, л. 4]? Рассмотрение вопроса пришло к выводу, что, несмотря на дряхлость и немощность, домохозяином признавался тот, кто реально владел хозяйством, однако батраками никоим образом не нужно было записывать всех тех крестьян, которые не вошли в первый список (особенно сыновей домохозяина) [10, л. 4].

Еще одна проблема коренилась в народном обычае, согласно которому в имениях, не имеющих свободных земель для новых крестьянских семей, в случае увеличения семьи домохозяина участок, как правило, делился на два полуучастка: большая семья разделялась на две малые. Такие полуучастки в отличие от самовольных «семейных разделов» официально числились в инвентарях. Владевшие ими хозяева назывались «rolgruntowemi», а их семейства отбывали половинную барщину. Встал вопрос о том, как обозначать в уставной грамоте такое положение. В итоге постановили считать каждый полуучасток отдельным хозяйством с последующим исправлением информации, взятой из инвентаря [10, л. 25].

Особой проблемой для мировых посредников был вопрос о положении крестьян-коморников. Коморники – беднейшие крестьяне, существовавшие на землях бывшей Речи Посполитой. Они не имели ни своего двора, ни земли: за предоставленное жилье-коморку отбывали барщину и иные работы, платили оброк, занимались ремеслом, мелкой торговлей; за добровольно-условную плату находились в услужении помещиков или отдельных крестьян. Не будучи ни безземельными, ни дворовыми крестьянами, коморники выпадали из поля действия закона. В местном положении не содержалось никаких инструкций по их обустройству. Проблема происходила из следующего: нередко помещики в своих имениях строили двойные дома для двух семей, комнаты которых не пересекались и даже входы которых были отдельными. В одной части дома жила полноценная крестьянская семья, владевшая наделом земли, в другой части жил с семьей безземельный коморник [11, л. 179]. После отмены крепостного права временнообязанные крестьяне, ставшие собственниками жилья, стали выгонять коморников из домов, стремясь присвоить остальную часть дома, ссылаясь на принадлежность всех строений на крестьянской усадьбе домохозяину, а также отбывание повинностей за дома коморников. Выходом из ситуации крестьяне видели установление платы коморникам за пользование помещениями дома [11, л. 179]. Изначально посредники пытались записывать коморников батраками либо огородниками. Сложность ситуации обострялась тем, что в таком случае безземельные коморники «по законам собственности» вынуждены были бы платить за отсутствующую у них землю «самомалейший чинш, даже в несколько копеек в год, что едва бы соответствовало нравственным понятиям народа». Поэтому звучали предложения рекомендовать помещикам выделить коморникам земли хотя бы в размере от 400 до 800 саженой. Однако летом 1861 г. Гродненское губернское по крестьянским делам присутствие постановило не принимать ничего и не облагать их каким-либо чиншем [10, л. 22]. Когда проблема вновь заявила о себе, грозя более тяжелыми последствиями, мировые посредники не смогли чем-либо помочь. После непростого разбирательства губернские чиновники пришли к заключению: помещения коморников предоставлялись в полное пользование крестьян, владеющих усадьбой. Ни помещик, ни крестьяне-коморники не могли чего-либо требовать от крестьян-домохозяев. Однако домохозяин, пожелавший выдворить коморников против их воли, обязан был выставить вопрос на обсуждение сельского схода, который бы разбирал данную проблему на основе п. 8 ст. 51 Общего положения об общественных нуждах, бла-

гоустройстве и призрени [1, с. 148]. Именно сельский сход должен был решать судьбу представителей этой категории крестьянства.

Неписанные правила и устои традиционного общества нередко приводили к острым конфликтам в ситуациях, требовавших четкого законного оформления. Примером тому можно считать случай с мировым посредником 3-го участка Пинского уезда, произошедший в 1864 г. Коллежский ассессор Казимир Климович, владелец имения Стайки, выдал бывшему дворовому человеку Игнатию Харитонову документ, согласно которому отпускал последнего на волю и предоставлял безвозмездно усадьбу со строениями в деревне Коморы в полную собственность. Позже коллежский ассессор продал свое имение помещику Орде, «не принимая в уважение означенного документа, объясняя, что купил то имение безо всяких исключений» [12, л. 104]. По уставной же грамоте при выкупе крестьянами деревни усадеб «он не обязан никаким платежом; но пространства оно участка не означено» [12, л. 102]. В уставной грамоте участок также не был показан, а при покупке имения Климович не сообщил Орде ничего о том участке. Помимо этого, документ «не был обличен в законную форму» [12, л. 102] и на основании ст. 993 XVII Т. Ч. I свода Законов Гражданских не имел силы. Имея в виду эти обстоятельства, помещик должен был исключить подаренную усадьбу из числа продаваемых земель [12, л. 102], чего он не совершил. В итоге крестьянин, «веря безотчетно действиям своего бывшего помещика, и притом, как неграмотный, мог не знать о существовании для дарственных актов особых форм» [12, л. 103], оказался заложником ситуации, когда последствия традиций и обычаев вступали в противоречия с юридическими тонкостями. После рассмотрения данного дела Минское губернское по крестьянским делам присутствие постановило: «Уведомить мирового посредника 3-го участка Пинского уезда, что права Харитонova на участок быть не могут до тех пор, пока г. Орда лично и добровольно не признает их, и потому Харитонов не может владеть данной землей» [12, л. 103]. Вместе с тем бывшему помещику было предложено войти в добровольное сношение с крестьянином Харитоновым, ибо крестьянин по ошибке Климовича потерял на землю права, или же уговорить помещика Орду признать права собственности Харитонova на усадьбу [12, л. 103].

Неизвестно, чем окончилась эта тяжба, однако нужно заметить, что крестьянство, привыкшее во взаимоотношениях с помещиками опираться на неписаную, устоявшуюся традицию, действительно оказалось в сложном положении, вынуждавшем болезненно приспособляться к новым условиям существования.

В докладе министра внутренних дел Ланского императору от 31 марта 1861 г. имеется следующая информация, относящаяся к осуществлению аграрной реформы: «Местами управляющие и эконоы, принадлежащие к грубому и необразованному классу людей, раздражают крестьян, говоря им: “Вот вы выпросили себе вольность – что же вам из этого? Пригон будете отправлять по-прежнему, слушать нас должны по-прежнему, а уже дров и леса мы вам теперь даром не дадим, а пособия и семян подавно”» [13, с. 9]. Необходимо признать, что, несмотря на эксплуатацию крестьянства, помещики обязаны были обеспечивать крестьян необходимыми ресурсами как в счет повинностей, так и за символическую плату, а зачастую вовсе даром. «Взаимоотношения землевладельца с его арендаторами или работниками сильно отличаются от тех, что связывают промышленника с его наемной рабочей силой. В первом случае физическое соседство и общая зависимость от капризов природы создают единение наподобие политического. Складываются личные связи, унаследованные порой от прежних поколений. Все это приводит к тому, что имущественные различия воспринимаются как “естественные” и оказываются “не столь раздражающими”» [5, с. 68].

В связи с проведением реформы ресурсы, полученные крестьянством от помещика в счет будущих отработок и платежей, превращались в долги и недоимки, кото-

рые могли пропасть. Примечательно, что в докладе управляющего Минской палатой государственных имуществ в декабре 1861 г. по этому поводу отмечается следующее: «Поскольку до отмены крепостного права запрещено было принимать жалобы крестьян на помещиков..., отношения между крестьянами и помещиками были почти вне всякого контроля, трудно доказать существование сколько-нибудь значительных долгов крестьян помещикам... неудивительно отсутствие закона, обеспечивающего претензии помещиков к крестьянам, в то время когда последние были в бесконечном распоряжении своих кредиторов... Облечь в законную форму и определить способы взыскания долгов крестьян помещику едва ли возможно при чрезвычайной неопределенности фактов, могущих служить доказательствами» [3, л. 159].

В итоге помещичье хозяйство, вынужденное приспособляться к новым условиям хозяйствования, также понесло немалые убытки в силу ломки старых традиций. Однако, обладая большим количеством ресурсов, помещик, в отличие от крестьянина, мог менее болезненно пережить трансформацию общественно-экономической системы.

Заключение

Подводя итоги, можно говорить о следующем: на территории белорусских губерний Российской империи в рамках официально регламентируемой крепостнической системы существовало множество элементов традиционного хозяйственного уклада, носящего многообразный характер, нередко несовместимый с утилитарными понятиями. Данные элементы уклада существовали как на основании прямого нарушения предыдущего законодательства, так и в силу неписаных, неформальных, народных, межсословных и внутрисословных норм, правил и традиций, выполнявших много функций на местном уровне.

Осуществляя масштабную крестьянскую реформу, власти столкнулись со сложностями совмещения официального законодательства с обычным правом, что привело к существенной корректировке как официального законодательства, так и народных обычаев. Также сохранялась широкая возможность полюбовного урегулирования противоречий. Корректировка законодательства происходила на всех уровнях: от сельского схода и мирового участка до Правительствующего сената, что занимало нередко длительное время. Это растягивало процесс реального осуществления крестьянской реформы. Также важно отметить: несмотря на сосуществование официального и «обычного» права, все большее предпочтение при рассмотрении вопросов отдавалось нормам официального права. Такие трансформации общества болезненно сказывались как на крестьянском, так и на дворянском сословии, однако дворяне в силу обладания большим количеством ресурсов способны были преодолеть трудности с меньшими потерями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : в 55 т. – СПб., 1863. – Т. XVI, отд. 1 : 1861. – № 36490–7190.
2. Рыбков, А. Г. Мировые посредники в крестьянской реформе 1861 года (на материалах Саратовской губернии) / А. Г. Рыбков, М. М. Зинина. – Балаково : Балак. ин-т экономики и бизнеса, 2010. – 171 с.
3. Журнал заседаний Минского губернского по крестьянским делам присутствия. 1861 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 242. Оп. 1. Д. 1.
4. Кобринский уездный съезд мировых посредников. Дело о введении уставных грамот в имениях // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 393. Оп. 1. Д. 4.

5. Пайпс, Р. Собственность и свобода / Р. Пайпс. – М. : Моск. шк. полит. исслед., 2000. – 415 с.

6. Токць, С. М. Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст. : манаграфія / С. М. Токць. – Мінск, 2016. – 328 с.

7. Дело об освобождении от крепостной зависимости дворовых людей имения Илоск помещика Шемиота Бруно // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 381. Оп. 1. Д. 30.

8. О бумагах, принятых к сведению руководству и исполнению (1862–1863 гг.) // НИАБ. – Ф. 2219. Оп. 1. Д. 6.

9. Циркуляры и распоряжения правительства, бумаги к руководству по крестьянскому делу (1861, 1862, 1863 гг.) // НИАБ. – Ф. 2219. Оп. 1. Д. 1.

10. Дело о составлении уставных грамот в имениях Кобринского уезда // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 382. Оп. 1. Д. 5.

11. Мировой посредник Брестского уезда 4-го участка. Дело о ходе проведения реформы 1861 г. // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 391. Оп. 1. Д. 2.

12. Журнал заседаний Минского губернского по крестьянским делам присутствия. 1864–1865 гг. // НИАБ. – Ф. 242. Оп. 1. Д. 4.

13. Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861–1862 гг. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.03.2018

Sereda A.S. Difficulties in Implementing Legislation on the Abolition of Serfdom in the Belarusian Provinces

The article discusses the problems of implementing legislation on the abolition of serfdom in the Belarusian provinces. The difficult moments in the application of the legislation on the abolition of serfdom in the complex social structure of the Belarusian village of the second half of the XIX century are determined. The problems of consolidating new relations with the state, landowners and peasants are considered with regard to traditional customary laws. It was determined that the implementation of the agrarian reform required serious legal improvements in connection with the interaction of the norms of official and customary law. The conclusion is made about the complexity of adaptation of the population to the new legal norms, as well as the painful consequences of the reform for the peasantry and for the landlords.

УДК 406.16

А.В. Билевич¹, М.В. Стрелец²

¹директор филиала ГУО «Институт повышения квалификации и переподготовки в области технологий информатизации и управления»

Белорусского государственного университета в г. Бресте

²д-р ист. наук, проф., проф. каф. гуманитарных наук

Брестского государственного технического университета

e-mail: ¹olga.bilevich@mail.ru; ²mstrelez@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В 1926–1939 гг. НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА ПОЛЬШИ

Советская историография, подавляющее большинство современных белорусских историков придерживаются того мнения, что, во-первых, политика польских властей была однозначно антибелорусской, во-вторых, в своем подходе к западнобелорусскому региону официальная Варшава полностью игнорировала общечеловеческие ценности, и, в-третьих, в условиях санационного режима (1926–1939 гг.) отсутствовали демократические начала, гражданское общество не функционировало, и западным белорусам была уготована роль винтиков тоталитарного политического режима. На основе эксклюзивных документов и материалов, выявленных во время работы в Государственном архиве Брестской области, проведен анализ деятельности общественных организаций в 1926–1939 гг. на территории Полесского воеводства Польши. Институты гражданского общества, поставив во главу угла общечеловеческие ценности, сыграли важную роль в оказании помощи населению данного региона в решении экономических, социальных, культурно-просветительских задач.

Введение

В 2019 г. исполнится 80 лет, как территория Западной Беларуси была включена в состав СССР. До этого она в течение 18 лет находилась в составе Польши, которую в польской исторической науке называют Второй Речью Посполитой. В связи с приближением этого события в белорусском обществе активизируется дискуссия о реальном положении Западной Беларуси в составе Польши в 1921–1939 гг.

Важно подчеркнуть, что деятельность общественных организаций в 1926–1939 гг. на территории Полесского воеводства отечественной исторической наукой исследована недостаточно: можно назвать лишь нескольких ученых, которые анализировали ее отдельные аспекты (А.Н. Вабищевич, Е.П. Дмитрук, Е.И. Пашкович) [1–3].

Самой массовой из общественных организаций был находившийся под патронажем президента страны Польский Красный крест, осуществлявший активную деятельность на территории Полесского воеводства. Главное правление польского Красного креста обращалось с письмами к окружным правлениям. В этих письмах говорилось, что руководство общества должно помогать тем, кто пострадал от голода, болезней. Особо подчеркивалось, что с появлением холодов возникает угроза пожаров. Обращалось также внимание на то, что руководство Красного креста должно оказывать помощь населению в случае эпидемии и падежа животных. Руководство Польского Красного креста пропагандировало свои идеи и в военной среде. Каждый офицер мог популяризировать его идеи среди гражданского общества, а также в армии, поэтому Главное правление, окружное и отделы поддерживали тесный контакт с командованием армии и особенно с офицерами санитарного корпуса [4, с. 3].

Руководство Польского Красного креста оказало помощь жителям Столинского повета, в котором с февраля по апрель 1934 г. бушевала эпидемия сыпного тифа, распространившаяся на территорию Волыни и Полесья. Эпидемия охватила Сарненский, Пинский, Лунинецкий поветы, распространилась быстро среди населения Столинского

повіта, пачаўся голод. Борьба с эпідеміяй па тэрыторыі повіта была затрудна в значительной степени тем, что при исполнении своих обязанностей заболели поветовый врач и санитарный контролер повіта. Руководство Польского Красного креста выслало на тэрыторыю Столинского повіта дезинфекационно-водную группу под руководством П. Зброха. Отряд прибыл на тэрыторыю повіта в феврале 1934 г. и начал работу в деревнях Людень, Рудня, Пужня. Работа отряда состояла в изоляции жителей, заболевших тифом, через обеззараживание расчетов, первую помощь оказывал фельдшер, прикрепленный к отряду. В деревне Рудня работа отряда заключалась в следующем: пострижено – 232 человека, помыто: мужчин – 393, женщин – 120, детей – 139, обезвшивлено – 62. Такие же работы были проделаны и в других деревнях Столинского повіта. Необходимо отметить влияние отряда на местное население. Руководитель отряда Зброх работал без выходных. Полностью отдавался своим обязательствам практикант Ежи Бароч [5, с. 18–49].

В Полесском воеводстве одной из наиболее массовых и активных организаций являлся Полесский воеводский Союз сельской молодежи (ПВССМ). Организационно он был воеводским подразделением общепольского Союза сельской молодежи «Сев». Устав Полесского воеводского союза сельской молодежи был утвержден в июне 1930 г. Согласно уставу, Союз был организацией сельской молодежи, созданной с целью поднятия моральных, материальных, гражданских чувств своих членов и повышения культуры сельского населения Польши. Союз развернул работу по следующим направлениям:

- 1) организовывал и проводил вечеринки, чтения, дискуссионные собрания, песенные хоры, земледельческие опыты, молодежные конкурсы;
- 2) строил народные дома, театральные, спортивные залы, классы, устраивал спортивные соревнования, кинематографические показы, радиопередачи;
- 3) создавал условия для малоимущих членов общества, стремящихся получить польское гражданство и профессию, через деятельность стипендиального Полесского воеводского союза сельской молодежи;
- 4) организовывал братские кассы взаимопомощи.

Резиденция союза находилась в городе Брест-над-Бугом, и он осуществлял свою работу на тэрыторыи следующих повітов Полесского воеводства: Брестского, Кобринского, Коссовского, Пружанского, Дрогичинского, Камень-Каширского, Пинского, Лунинецкого, Столинского, Сарненского. Членом Союза мог быть гражданин Польши, достигший 16-летнего возраста. Каждый член Союза был обязан принимать посильное участие в организационной работе, поддерживать все пункты устава Союза и свободных съездов. Член Союза мог быть исключен из него, если совершал поступки, не соответствующие уставу и не выполнял принятых обязательств.

Есть смысл сказать о любопытном документе – отчете Союза сельской молодежи Полесского воеводства. В нем дается характеристика экономического положения воеводства, излагаются проблемы, которые имелись в сельском хозяйстве, социальном секторе, показано бедственное положение полесской деревни. В отчете указывается, что откладывание решения назревших проблем может привести к нежелательным последствиям. Такая полная характеристика состояния экономики Полесья представлена в документе на имя пана Руга, входившего в группу парламентариев от Полесского воеводства в сейме в 1936 г. [6, с. 2–3].

В начале 30-х гг. XX в. на тэрыторыи Полесского воеводства начали создаваться мужские и женские курсы, на которых изучались проблемы, связанные с ведением сельского хозяйства. Приказ повітовым союзам сельской молодежи определял сроки обучения на мужских курсах при сельскохозяйственных университетах. Количество мест для жителей Полесья было незначительным. Места выделялись для сыновей колонистов, мазуров, прошедших воинскую службу. Кандидаты присылали в воеводский

Союз сельской молодежи прошение с изложением биографии, справкой с работы, обязательством организации оплатить проживание на период обучения. Частично стипендию назначал Главный Союз сельской молодежи. Стипендия зависела от старания претендентов. При отборе кандидатов земледельческие школы проводили большую работу, учитывали летнюю практику учеников 4–7 классов. Общая стипендия не должна была быть выше 100 злотых, остальное доплачивал ученик [7, с. 11].

Сельские девушки также имели возможность обучаться на курсах. При государственной женской земледельческой школе в Плянте (Кобринский повет) проводились 11-месячные курсы обучения. Школа готовила девушек рациональному ведению собственного хозяйства, приспособлявала к труду, несла просвещение в деревню. Программа обучения предполагала изучение всех вопросов, связанных с сельским хозяйством: приготовление здоровых и вкусных блюд, выпечку хлеба и кондитерских изделий, приготовление мясных блюд, консервация овощей и фруктов, обучение кройке и шитью женской и мужской одежды и ткачеству. В деле огородничества и земледелия обучали рациональному использованию почвы и растений, подготовке садов и цветов. Все практические задания выполнялись под руководством опытных учителей. Кроме того, курсы давали навыки по воспитанию детей, обучали основам религии, польскому языку, рассматривали вопросы социального развития Польши, ведение домашнего бюджета, общей гигиены, физкультуры и спорта [8, с. 34].

Правительство Польши уделяло большое внимание решению социальных проблем в сельской местности. Одним из мероприятий, проводимых правительством, стали конкурсы чистоты сельских домов. В связи с проведением данного мероприятия руководитель Полесского воеводского Союза сельской молодежи Гроховский изложил условия проведения конкурса поветовому руководству Союза сельской молодежи. Конкурс мог быть проведен при соблюдении следующих условий:

1. Наличие людей, которые могли бы провести инспектирование: врача-гигиениста, учителя, инструктора.

2. Конкурс состоит из трех частей:

- а) содержание помещения;
- б) состояние вокруг дома;
- в) личная гигиена конкурсантов.

3. Член Союза сельской молодежи, который проводит конкурс, должен организовать для его участников трехдневные курсы по следующим темам:

- а) личная гигиена человека;
- б) личная гигиена женщин;
- в) личная гигиена кровати, кухни;
- г) личная гигиена одежды;
- д) рациональное и эстетическое убранство дома;
- е) внешний вид сельского подворья;
- ж) социальное значение конкурса чистоты домов.

Конкурс необходимо было проводить под руководством врача повета. В связи с проведением конкурса каждый его участник должен быть обеспечен брошюрой «Здоровье в сельском доме» [9, с. 76].

Руководство Польши проводило просветительские курсы, направленные на повышение общеобразовательного уровня населения. В 1930 г. перед руководством Полесского воеводского Союза сельской молодежи была поставлена задача провести в девяти поветах 7–10-дневные социально-просветительские и сельскохозяйственные курсы для членов Союза. На занятиях изучались вопросы социального, организационно-идеологического направления, были открыты практические классы по ознакомлению

с крестьянскими орудиями труда. Проводились турниры знатоков и конкурсы выразительного чтения. Финансировало проведение курсов их руководство [10, с. 111].

После завершения полевых работ во второй половине сентября в г. Пинске проводилась Полесская ярмарка. В программу ее входили поветовые дожинки, рассчитанные на 250–300 человек. Руководителем дожинок обычно был вице-воевода или поветовый староста, чтобы наряду со зрелищностью дожинки имели важный официальный характер. Место для проведения ярмарки выбиралось на границе парка и площади, удобное для выставок. Участники получали все необходимое на время проживания с учетом проезда.

В 1936 г. Полесская ярмарка проходила в г. Пинске 15–31 сентября. Были организованы конкурсы, шествия, проходили мероприятия экономического и культурно-социального характера. На ярмарке была организована торговая, сельскохозяйственная выставка и проводились спортивные состязания. Туристическая Лига организовала массовый приезд гостей по железной дороге [11, с. 23].

Под эгидой Союза сельской молодежи проводились конкурсы выразительного чтения. После проведения конкурса необходимо было отправить отчет по образцу [12, с. 30]:

1. Какие книги чаще всего использовали конкурсанты?
2. Какие разделы из книг чаще всего использовали участники конкурса и почему?
3. Какие главные трудности испытывали участники в обработке выбранных книг и какие трудности можно преодолеть?
4. Достаточная ли помощь со стороны учителей?

О широком спектре деятельности Полесского союза сельской молодежи можно судить по плану его работы на 1936/37 г. План делился на разделы:

1. Работа с крестьянами:
 - 1) организовать курсы для представителей полесского крестьянства совместно с социально-просветительскими курсами;
 - 2) посадить сады (доставить деревья организованно и посадить);
 - 3) собрать и выслать заявки кандидатов, направленных через Союз сельской молодежи на учебу в сельскохозяйственную школу.
2. Организационная работа: осуществить реорганизацию некоторых ячеек, создать новые ячейки в некоторых деревнях, организовать в каждой ячейке секции молодых членов.
3. Культурно-просветительская работа:
 - 1) организовать сбор книг в г. Пинске и на территории гмин;
 - 2) доставить необходимые материалы для выразительного чтения книг;
 - 3) организовать 10-дневные социально-просветительские курсы;
 - 4) организовать и провести силами учителей вечерние курсы для неграмотных.
4. Социальная работа: доставить в те ячейки, где будут проводиться конкурсы чистоты домов, соответствующие материалы.

Одаренная сельская молодежь могла получить высшее образование. Для её адаптации в городской среде при Главном Союзе сельской молодежи в Варшаве была организована Академическая ячейка сельской молодежи. В ней состояли молодые люди сельского происхождения, обучающиеся в высших учебных заведениях, или их выпускники. Главными целями ячейки являлись:

- 1) углубление работы во всех отделениях Союза;
- 2) объединение вокруг Главного союза сельской молодежи ее представителей, обучающихся в высших и средних учебных заведениях;
- 3) обучение высококвалифицированных кадров из среды сельской молодежи;
- 4) опека над сельской молодежью, оказавшейся в сложных условиях [13, с. 17].

В межвоенный период в Польше действовала также Организация рабочей молодежи. Согласно уставу, утвержденному в 1933 г., это была не политическая организация, а юридическая, и целью её было воспитание молодежи в духе польской гражданственности через проведение учебных курсов, просвещение, создание спортивных клубов. Члены организации были поделены на четыре группы: реальные, участники, поддерживающие и сеньоры. Реальным членом организации мог быть любой совершеннолетний молодой человек, который был принят руководством организации. Участниками организации могли быть юноши и девушки, достигшие 14 лет, которые принимали участие в её работе, однако не имел права голоса. Членом поддержки организации мог быть молодой человек (лицо физическое или юридическое), который уплатил одноразовый взнос или двухлетний взнос общегородского члена и был принят руководством организации. Членом-сеньором мог стать каждый реальный член организации, который пять лет добросовестно выполнял свои обязанности. Общегосударственный съезд представителей руководства организации мог присвоить звание сеньора за особые заслуги перед организацией.

Реальные члены имели следующие права:

- 1) принимать полноправное участие в собраниях отделов, к которым принадлежали, участвовать в голосовании;
- 2) выбирать руководство организации;
- 3) бесплатно или льготно пользоваться всем тем, чем пользовалось руководство организации.

Члены-сеньоры имели права, прописанные в пунктах 1–3. Члены-участники и поддерживающие не имели прав, прописанных в пунктах 1, 3.

Члены общества были обязаны:

- 1) уважительно относиться к уставу и правилам организации;
- 2) участвовать в работе организации, поддерживать инициативы ее членов;
- 3) регулярно уплачивать все установленные платежи и взносы.

В уставе были прописаны полномочия Главного руководства, Главной ревизионной комиссии, Окружного правления власти, Главного суда, процедура выхода и исключения членов, ликвидация организации [14, с. 1–2].

В 1938 г. был принят новый устав Организации рабочей молодежи, в котором более подробно были изложены права и обязанности ее членов, а также структура организации. Члены Организации рабочей молодежи принимали активное участие во всех важных мероприятиях, проводимых в стране. Например, 12 мая 1935 г., когда умер Ю. Пилсудский и в Польше был объявлен траур, Главное правление организации рабочей молодежи обратилось к отделу исполнений организации в Варшаве с воззванием. В нем говорилось, что рабочая молодежь, на которую Ю. Пилсудский возлагал много надежд, должна помнить о нем. Прокламация призывала молодежь собраться во Дворце республики, надеть траурные эмблемы и установить почетный караул [15, с. 1].

В работе Организации рабочей молодежи существенное место занимал вопрос о пионерах. Детально было отработано обучение пионеров. Условия допущения к испытаниям были таковы: возраст от 16 до 19 лет; год работы в структурах молодежного движения; прохождение организационного лагеря; знание работы организации; выполнение необходимой работы.

Испытание пионера состояло из выполнения следующих условий:

1. Знать историю получения независимости Польши.
2. Знать развитие общественных отношений в стране и назвать личности, которые выступили в защиту польского народа в прошлом.
3. Выступить с рефератом.
4. Понимать проблемы просвещения, высказаться о посещаемой библиотеке.

5. Знать особенности кооперативного движения.
6. Знать цели и задачи профессиональных союзов, названия важнейших из них.
7. Знать концепции разных работников: неквалифицированных, ремесленников, слуг, свободных профессий, крестьян, предпринимателей; знать права и обязанности взрослых работников: время работы, оплата за труд в часах начисленных, знание условий труда, инструкции об охране и безопасности труда.
8. Знать условия отчислений доходов по старости, инвалидности, полученной во время работы.
9. На собрании ячейки изложить свой проект.
10. Знать структуру организации рабочей молодежи [16, с. 10].

Девушки также допускались к испытаниям. Были составлены программы обучения в женских группах и условия допуска к добровольным испытаниям. Главными критериями при допуске к испытаниям были ответственность и пунктуальность, а также хорошее поведение в обществе. Испытуемая должна была знать основы религии, руководство страны, государственные праздники, государственную символику. Необходимо было понимать ценность домашнего очага, знать навыки ведения домашнего хозяйства, уметь найти общий язык с другими членами организации. Необходимо было также знать наизусть идеалы организации, ее структуру, фамилии руководителей низовых и высших звеньев организации. Только после того, как было пройдено испытание, претендента зачисляли в организацию.

На звание пионера также проходили испытания. Составлялся протокол, результаты ответов заносились в таблицу. В графе «оценка» по каждому пункту (всего 15) ставились оценки «очень хорошо», «хорошо», «достаточно», «недостаточно». Результат необходимо было обозначить как успешный или неуспешный [17, с. 11].

В организации существовала должность инструктора. Звание инструктора присваивало Главное правление после рассмотрения вопроса Окружным правлением, которое подтверждало отличную работу при как минимум двухлетнем стаже в звании проводника. Звание инструктора пионеров мог признать Союз руководителей организации при рассмотрении Главного правления за выдающиеся заслуги перед организацией. Претенденту на должность инструктора надо было пройти испытание. Кандидат должен был знать основные вехи современной польской истории, принимать активное участие в общественно-политической и культурной жизни страны.

Концепция «государственного воспитания», осуществляемая в Польше, была направлена на формирование гражданина-государственника, бойца и работника. В связи с этим особое внимание уделялось такому направлению молодежной политики, как военная подготовка молодого поколения. Данное направление заняло значительное место в молодежной политике правящих кругов практически всех государств межвоенной Европы. Дело в том, что опыт Первой мировой войны привел к ревизии существовавшей до этого системы подготовки государства и общества к войне. Было признано, что война перестала быть делом только узкой военной элиты и армии. Процесс сближения армии с польским обществом посредством производства военного оборудования и штандартов для нужд армии отражен в материалах журнала «Друзья армии». Редакцию журнала интересовала любая информация о деятельности общественных организаций по оказанию посильной помощи армии. Редакция просила высылать разную информацию: отчеты об оказанных армии пожертвованиях, описание поступков, осуществленных молодыми людьми из общественных организаций, фотографии благородных дел [18, с. 13].

Военную подготовку в Польше проводили общественные организации и школа. К общественным организациям можно отнести Стрелецкий союз, который уже имел опыт в этой сфере еще до Первой мировой войны. Кроме того, право проводить воен-

ную подготовку получили Союз польского харцерства, Союз сельской молодежи, гимнастическое товарищество «Сокол» и некоторые другие объединения.

Брестское окружное, Дрогичинское, Лунинецкое и Пинское поветовые правления Союза стрелцов были созданы в 1921 г. на основании распоряжения главного коменданта Союза стрелцов. Основной целью организации являлось воспитание молодежи в духе патриотизма. Программа предусматривала изучение теории военного дела, строевой подготовки, занятия спортом. В рядах Союза стрелцов были и женщины, которые осваивали основы медицинской помощи. Союз стрелцов имел густую сеть своих организаций по всей Польше. Организация получала большую помощь со стороны государства. Программа обучения в Союзе стрелцов предусматривала стрельбу из ружья и лука, теорию военного дела, строевую подготовку, занятия спортом, обучение сельскому хозяйству (большинство членов Союза были из крестьян). Женщины осваивали также противохимическую оборону, канцелярскую работу, в то же время обращалось внимание на воспитание женщины как матери, жены, хозяйки.

О том, какова была практическая работа Союза стрелцов в Полесском воеводстве, можно узнать, проанализировав отчеты поветовых комендантов Союза о проделанной работе. В частности, работа в стрелецких отделах в 1932–1934 гг. велась по следующим направлениям:

1. Обсуждение планов, рефератов, отчетов директорами школ и членами стрелецких отделов.

2. Идеология стрелецкого движения. Выступления с докладами об истории стрелецкого движения (каким должен быть стрелец, чтобы заслужить почет среди товарищей). В выступлениях давались рекомендации о том, что необходимо сделать, чтобы иметь удовлетворение от работы в организации. Необходимо брать пример в работе с первого стрельца в стране – Ю. Пилсудского.

3. Выступления о значении патриотизма и способах выработки его в себе через глубокую заинтересованность в труде. Выступления о ноябрьском восстании 1831 г. и январском 1863 г. как о примерах борьбы за независимость.

4. Лекции о вреде алкоголизма для представителей обоих полов.

5. Демонстрация инсценировки, хоровое пение на четыре голоса. На празднике Рождества раздавали платки членам стрелецких отделов [19, с. 11].

Члены Союза стрелцов занимались таким благородным делом, как розыск и установка памятников участникам восстания 1863 г. в Коссовском повете. Произошло освящение надгробия, созданного на средства добровольных пожертвований. Памятник был создан к десятилетию со дня провозглашения независимости Польши и посвящен польским участникам восстания 1863 г. Красинскому, Лукашевичу и неизвестным героям. Затем местный ксендз Дроздовский отслужил молебен. В Коссовском повете произошло освящение памятника, на котором была надпись: «Прах 40 польских восставших, погибших в 1863 г. в боях с захватчиками». Событие произошло 26 мая 1926 г. в 2 км от усадьбы Щитно (гмина Ружаны) в присутствии представителей польских государственных, гражданских, военных структур [20, с. 4–7].

Противникам Польши не нравилось, что организация готовит будущих защитников на случай войны. Руководство окружного Союза стрелцов в секретном донесении сообщало своему руководству, что Коммунистический союз молодежи Западной Беларуси на своей конференции поставил задачу победить Союз стрелцов как наиболее серьезного и организованного противника на территории воеводства. Комсомольцы поставили задачу внедрить в ряды организации своих агентов, чтобы дезорганизовать работу и чтобы члены массово покидали Союз. Однако руководство Союза стрелцов и поветовое руководство организовали опеку над отделами Союза и парализовали их деятельность, используя при этом не только государственную помощь, но и содействие

общественных организаций, с которыми поддерживали тесную связь. Защита существования самого польского государства в первую очередь лежала на Союзе стрелцов и его членах [21, с. 4].

Руководство организации в Варшаве в ноябре 1937 г. издало приказ о том, какие мероприятия необходимо провести 11 ноября в День независимости Польши. Округа и ячейки организации рабочей молодежи должны были принять участие в локальных торжествах, организованных под девизом «Молодежь с армией». В этот день необходимо было продемонстрировать стране и миру, что польская армия сильна, готова встать на защиту единства и целостности страны и поддерживается молодежью [22, с. 4]. В конце 1930-х гг. мир находился накануне страшной мировой войны, и польское руководство понимало ее приближение.

Интересы местного населения учитывались также такими общепольскими организациями, как Польска матеж школьна, Союз осадников, Союз женщин гражданского труда, Морская лига, Товарищество развития восточных земель.

Заклучение

Мы не можем утверждать, что расставили все точки над «і». Дело в том, что доступные для исследовательского сообщества архивные документы и материалы не позволяют определить реальное количество членов и поветовых отделов всех организаций, показать, в какой степени и за счет каких ресурсов реализовывалась их деятельность, фундаментально проанализировать отношение к деятельности молодежных организаций местного населения.

Таким образом, анализ деятельности общественных организаций в 1926–1939 гг. на территории Полесского воеводства в Польше опровергает постулаты советской историографии. Институты гражданского общества, поставив во главу угла общечеловеческие ценности, сыграли важную роль в оказании помощи населению данного региона в решении экономических, социальных и культурно-просветительских задач.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : манаграфія / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст : Выд-ва БрДУ, 2008. – 319 с.
2. Дмитрук, Е. П. Механизм полонизации сельского населения Полесского воеводства в проектах польских партий правительственной ориентации в 1928–1939 гг. [Электронный ресурс] / Е. П. Дмитрук // Літэратура та культура Полісся. – 2012. – Вип. 69. – С. 210–219. – Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Ltkp_2012_69_23.
3. Пашкович, Е. И. Благотворительность в полиэтничном обществе (на примере Полесского воеводства 1920–1930-х гг.) / Е. И. Пашкович // Традиции духовной и материальной культуры пограничья : материалы Междунар. науч. конф., Брест, 15–16 нояб. 2016 г. – Брест, 2016. – С. 191–195.
4. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 2156. Оп. 1. Д. 192. Л. 3.
5. ГАБр. – Ф. 2156. Оп. 1. Д. 195. Л. 18–49.
6. ГАБр. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–3.
7. ГАБр. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.
8. ГАБр. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 13. Л. 34.
9. ГАБр. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 8. Л. 76.
10. ГАБр. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 8. Л. 111.
11. ГАБр. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 13. Л. 23.
12. ГАБр. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 8. Л. 30.
13. ГАБр. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 13. Л. 17.

14. ГАБр. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–2.
15. ГАБр. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
16. ГАБр. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.
17. ГАБр. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.
18. ГАБр. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.
19. ГАБр. – Ф. 364. Оп. 1. Д. 38. Л. 11.
20. ГАБр. – Ф. 364. Оп. 1. Д. 22. Л. 4–7.
21. ГАБр. – Ф. 364. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.
22. ГАБр. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.
23. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. / НАН Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2014. – Кн. 1. – 593 с.
24. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. / НАН Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2014. – Кн. 2. – 335 с.
25. Савіч, А. А. Сацыяльна-эканамічнае і грамадска-палітычнае становішча ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гадах : вучэб.-метад. комплекс / А. А. Савіч. – Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2017. – 152 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 09.01.2019

Bilevich A.V., Strelez M.V. The Activities of Public Organizations in 1926–1939 on the Territory of the Polesie Voivodship of the Poland

Soviet historiography, the vast majority of modern Belarusian historians are of the opinion that, firstly, the policy of the Polish authorities was clearly anti-Belarusian, and secondly, in its approach to the West Belarusian region, the official Warsaw completely ignored universal values and, thirdly, in the conditions of the rehabilitation regime (1926–1939) there were no democratic principles, civil society did not function, and Western Belarusians were intended to be the cogs of the totalitarian political regime. On the basis of exclusive documents and materials identified during the work in the State archive of the Brest region, the analysis of the activities of public organizations in 1926–1939 on the territory of the Polesie Voivodship of the Poland is carried out. The institutions of civil society, putting universal human values at the forefront, played an important role in providing assistance to the population of the region in the solution of economic, social, cultural and educational tasks.

УДК 497.6

В.Р. Карнялюк

канд. гіст. навук, дац., дац. каф. турызму і культурнай спадчыны
Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы
e-mail: zrumljowa@mail.ru

**АКАЛІЧНАСЦІ ВЫМУШАНАЙ МІГРАЦЫІ НАСЕЛЬНІЦТВА
НА ПАЛЕСКАЙ ЧЫГУНЦЫ ў 1915 г.**

Разглядаецца працэс вымушанай масавай міграцыі насельніцтва Беларусі, выкліканай падзеямі Першай сусветнай вайны. Эвакуяванае насельніцтва і бежанцы з губерняў, якія апынуліся пад пагрозай ваенных дзеянняў або ўжо ахопленых імі, летам – восенню 1915 г. масава, пры актыўным уздзеянні дзяржаўных і ваенных уладаў на месцах, накіроўвалася на ўсход. Тэрыторыя Палескай чыгункі апынулася ў гэты перыяд у эпіцэнтры масавага руху людзей самых розных са слоўяў і маёмаснага становішча.

Уводзіны

Бежанства Першай сусветнай вайны становіцца тэмай, якая апошнія дзесяцігоддзі прыцягвае ўвагу як акадэмічных даследчыкаў, так і аматараў-краязнаўцаў, блогераў, адмыслоўцаў асветы і сродкаў масавай інфармацыі. Такі інтарэс абумоўлены насычаным зместам гэтай старонкі гісторыі пачатку ХХ ст. Яна ўключае супярэчлівыя працэсы адміністрацыйнага дзяржаўнага кіравання, развіцця санітарнага і медыцынскага забеспячэння ў час вайны, росквіту міласэрнага і дабрачыннага руху, складанай трансфармацыі ментальнасці масавых груп насельніцтва, у тым ліку іх нацыянальнай самасвядомасці, фарміравання і захавання гістарычнай памяці ў некалькіх пакаленняў людзей ХХ і ХХІ стагоддзяў.

Польскі даследчык бежанства Анэта Прымака-Онішк, прыводзячы вялікую колькасць фактаў з успамінаў былых бежанцаў, мяркуе, што бежанства Першай сусветнай вайны – гэта «найвялікшая і надзвычайная гісторыя ва ўсім ХХ стагоддзі. Нават больш дэструктыўная і трагічная, чым Другая сусветная вайна» [1, с. 12]. Памеры і ўздзеянне гэтай вымушанай міграцыі, якія выцякаюць з ведаў найноўшай гістарыяграфіі, прымушаюць прызнаць неабсяжны маштаб гэтага дэмаграфічнага руху.

Адзначым, што гістарыяграфія бежанства ўжо мае і вызначаную праблематыку, і пэўныя адказы на шматлікія пытанні, народжаныя гэтым масавым гісторыка-дэмаграфічным рухам. Найбуйнейшыя сучасныя даследаванні І. Бяловай, Л. Жванко, П. Гатрэла, В. Утгаф, Д. Цавяна, І. Шчарова, Д. Фіёніка, Н. Ліхаравай, С. Лапановіча па гісторыі бежанства [2–10] дазваляюць фармуляваць далейшыя праблемы даследавання. Гэта, у сваю чаргу, паглыбляе ўвагу да такіх аспектаў бежанства, як арганізацыя дапамогі розным групам і катэгорыям вымушаных мігрантаў, змены ў светапоглядзе гэтай сфарміраванай вайной сацыяльнай групы, роля і памеры ўдзелу бежанцаў і эвакуяваных у падзеях беларускага дзяржаўнага будаўніцтва.

На падставе крыніц фондаў Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі ў Маскве, Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў Гродне, тагачаснага перыядычнага друку мы вызначылі некаторыя акалічнасці перамяшчэння вымушаных мігрантаў па тэрыторыі Беларускага Палесся, дзе актыўную ролю адыгрывалі магчымасці палескіх чыгунак. Вынікі аналізу дазваляюць нам наблізіцца да ацэнкі бежанства як не бачанай і не прагназаванай раней з'явы, выкліканай сусветнай вайной, а таксама пра драматычныя абставіны, у якіх рабіліся першыя крокі па стварэнні дзяржаўнай і грамадскай сістэмы арганізацыі і падтрымкі вымушаных мігрантаў.

У 1915 г. Беларускае Палессе, прасякнутае на працягу 1882–1907 гг. сеткаю чыгунак, ператварылася ў адзін з лакальных участкаў масавага бежанства. У перадавен-

ным 1913 г. асноўная частка чыгуначных шляхоў складала 2 029 км і ахоплівала такія гарады і мястэчкі, як Вільня, Гродна, Лунінец, Гомель, Пінск, Брэст, Жабінка, Бранск, Масты [11, с. 16].

Зразумела, што стратэгічна важны ўчастак чыгункі на заходніх межах Расійскай імперыі быў усім сваім патэнцыялам уключаны ў ваенныя перамяшчэнні дзеючай арміі, у тым ліку яе тылавых часцей. Вядома, што Палеская чыгунка з пачаткам вайны трапіла пад камандаванне Ваенна-палявога кіравання Заходняга раёна; адным з цэнтраў гэтага кіравання быў Гомель [11, с. 17]. Інтэнсіўнасць ваеннай эксплуатацыі чыгункі дэманструюць словы Галоўнага начальніка забеспячэння арміі Заходняга фронту генерала Н.А. Данілава, які адзначаў: «штодзень для падвозу харчавання патрабуецца 800 вагонаў ці 20 цягнікоў 45-тоннага цягніковага саставу» [12, с. 49]. На 4 красавіка 1915 г. у карпусах Заходняга фронту не хапала 38 вагонаў хлеба, 456 вагонаў сухога, 17 вагонаў солі, 228 вагонаў аўса [12, с. 55].

Лета 1915 г. дадало да ваенных перамяшчэнняў яшчэ адзін аб'ект перавозкі. Гэта эвакуяванае і бежанскае насельніцтва, якое масава пад уплывам шэрага абставін рушыла на ўсход. Са складзенымі лістамі вопісаў страчанай маёмасці ці квітанцыямі аб рэквізіцыі маёмасці, а часам (і нярэдка) без усялякіх дакументаў, са скарбам і без яго, тысячы жыхароў беларускіх, польскіх і літоўскіх гарадоў, мястэчак і вёсак сем'ямі рушылі на ўсход. Паколькі ліпень – кастрычнік 1915 г. быў ужо трэцім этапам бежанскага руху, то ўладавыя ўстановы ўжо былі больш падрыхтаваныя да гэтага руху, хаця, як паказаў бліжэйшы час, усіх памераў і тэмпу ўявіць сабе ўсё роўна не здолелі. Агульную карціну руху бежанцаў можна ўсвядоміць дзякуючы падрабязнаму дакладу кіраўніка дзяржаўнай арганізацыі «Поўначдапамога» С. Зубчанінава, які ён падрыхтаваў для імператара Мікалая II [13]. Далучаная да тэксту даклада карта ўстаноў «Поўначдапамогі» для бежанцаў на 5 кастрычніка 1915 г. дэманструе шляхі руху бежанцаў, вузлавыя станцыі пасадкі бежанцаў на цягнікі і перасадак, а таксама вялікі пералік аб'ектаў, створаных для дапамогі бежанцам у час іх руху, для ўсталявання хоць якіх прыдатных умоў на іх гаротным шляху. Варта ўлічваць, што «парадны» даклад кіраўніка «Поўначдапамогі» не паказваў усёй праўды бежанскага жыцця і бежанскага пытання. Згаданыя дадзеныя ўвесь час змяняліся ў ходзе самога бежанства і яго рэгулявання, падчас якога структуры «Поўначдапамогі» атрымлівалі распараджэнні асобых нарадаў пад кіраўніцтвам губернатараў. Згодна з гэтымі рашэннямі ішла інтэнсіўная праца па падрыхтоўцы бежанскага насельніцтва да далейшага перамяшчэння цягнікамі, а для гэтага – рэквізавання ў яго коней і канцэнтрацыя людзей ля станцый пагрузкі. Паколькі такія дзеянні тычыліся бежанскіх груп колькасцю некалькі дзясяткаў тысяч чалавек адначасова, то выкананне гэтых мерапрыемстваў патрабавала супольнай працы як удзельнікаў грамадскіх арганізацый, так і розных прадстаўнікоў мясцовай адміністрацыі і вайскоўцаў, часцей мясцовай дыслакацыі [14].

Аднак і тое, што дэманстравалася чыноўнікамі самадзержцу, дазваляе ў пэўнай ступені скласці агульную карціну геаграфіі бежанства на ўчастку, абмежаваным такімі крайнімі ўсходнімі кропкамі, як Ноўгарад, Старая Руса, Ліхаслаўль (каля Таржка), Масква, Тула, Арол і Елец. Зыходнымі кропкамі на захадзе, што вызначаюць геаграфію руху бежанцаў, на карце С. Зубчанінава паказаны Рыга, Дзвінск, Шаркаўшчызна, Глыбокае, Маладзечна, Коласава, далей Мінск, Слуцк, Лунінец. Згаданыя населеныя пункты вызначаны былі як месцы, дзе ішла арганізацыя дапамогі бежанцам пад кантролем «Поўначдапамогі» [13]. Напрыклад, у Лунінцы пункт харчавання бежанцаў быў разлічаны на 300 чалавек, таксама дзейнічалі дзве крамы для продажу насельніцтву прадуктаў і фуражу па сабекошце і школа для дзяцей бежанцаў [15, с. 2].

Гэтая ж карта згадвае таксама тыя населеныя пункты, у якіх, паводле С. Зубчанінава, установы «Поўначдапамогі» ўжо былі зачынены, але функцыянавалі раней.

Агульная колькасць населеных пунктаў, дзе знаходзіліся харчовыя, медыцынскія, гаспадарчыя аб'екты і ўстановы, аб'екты гасціннасці, накіраваныя на бежанцаў у акрэсленых межах, складала, напрыклад, у Гродзенскай губерні тры населеныя пункты, у Мінскай – 37 [13]. Разам па ўсіх пяці беларускіх губернях не менш як у 130 гарадах, мястэчках і вёсках знаходзіліся спецыяльна арганізаваныя розныя выгоды для бежанцаў. Большасць дадзеных населеных пунктаў былі чыгуначнымі станцыямі двух-ці аднакаляёвых чыгунак або знаходзіліся на шасэйных дарогах. 44 (33 %) населеныя пункты з адпаведнымі бежанскімі аб'ектамі мелі камунікацыямі толькі гужавыя дарогі.

Аналізуючы карту С. Зубчанінава, можна вызначыць асноўныя кірункі запланаванага руху бежанцаў у гэты час. На Палессі бежанцы ішлі ад Пінска ў напрамку Лунінца, Лахвы, Мікашэвічаў, Жыткавічаў, Брэнёва, Петрыкава, Скрыгалава, Мазыра, Калінкавічаў, Васілевічаў, Каравацічаў, Рэчыцы, Прыбора, Гомеля. Асобныя пункты былі ў гэтай масцовасці ў Давыд-Гарадку, Тураве, Гарыні і Нова-Беліцы [13]. Менавіта гэты шлях згадваецца ва ўспамінах бежанцаў з нагоды нямецкіх бамбёжак, пад якімі бежанцы рушылі на ўсход. У верасні і кастрычніку 1915 г. тут адбываліся баі лакальнага значэння: каля вёскі Мінічы (Ляхавіцкі павет), пад мястэчкам Лагішын (Пінскі павет), ля Выганашчаў, Вулькі і Целяханаў [16, с. 22, 35]. Часам бежанцы пад ціскам немцаў вымушаны былі вяртацца назад [17, с. 259, 297].

На пунктах руху бежанцаў былі вывешаны плакаты з указаннем накірункаў руху бежанцаў і месцаў пунктаў сілкавання, а таксама папярэджанні, каб бежанцы не гандлявалі коньмі і іншай маёмасцю і арганізавана ажыццяўлялі пасадку ў вагоны цягнікоў [18]. Але яўрэі і перакупшчыкі, як згадваюць у сваіх рапартах мясцовыя чыноўнікі, скуплялі на станцыях за бясплату коней і вупраж па 5–10 руб. і здавалі іх у пункты рэквізіцыі за ўстаноўлены кошт, атрымліваючы такім чынам вялікія прыбыткі [19, с. 33].

Непадрыхтаванасць уладаў да працы з масаю бежанцаў ва ўмовах суцэльнай эвакуацыі вяла да таго, што грошай, выдаткаваных казначэйствам, не хапала, не хапала таксама рабочых, фурманак, а мясцовыя сяляне не імкнуліся даваць свой гужавы транспарт, бо няясна самі разумелі, што адбывалася, і не мелі ніякай упэўненасці, што заўтра самі не рушаць у бежанства разам з тымі, хто цягнуўся штодзень праз іх палеткі. Непадрыхтаванасць можна ўбачыць і ў словах В. Шыбекі, тагачаснага гродзенскага губернатара, калі галоўны губернскі чыноўнік прапануе перад пасадкаю на цягнікі праводзіць медыцынскі агляд бежанцаў. Тое, што пазней стане абавязковым элементам арганізацыі бежанцаў, а германскія ўлады будуць у 1918 г. ультыматыўна патрабаваць ад усіх, хто будзе імкнуцца перасячы мяжу лініі фронту, на канец ліпеня 1915 г. толькі прапануецца як варыянт магчымай карыснай справы [20]. Чыгуначныя заторы, выкліканыя неспакойнаванасцю руху ваенных і грамадзянскіх эшалонаў, перыядычна прыпынялі рух тысяч чалавек адначасова. Такі затор на пераезде Васілевічы – Рэчыца складаў 58 цягнікоў. Яшчэ шэсць цягнікоў у гэты ж час не маглі рушыць далей у самой Рэчыцы. Калі мець на ўвазе, што кожны цягнік умяшчаў каля тысячы пасажыраў, толькі па гэтай прычыне адначасова на адрэзку 54 км знаходзілася 64 тыс. бежанцаў, прыпыненых у «цяплюшках» на няпэўны час [21, арк. 68, 85]. Усяго, па звестках М. Цубы, эвакуаванымі было занята каля 25 % таварных вагонаў, якія меліся ў парку Палескай чыгункі [11, с. 19].

Вядома, што на месцах, робячы высновы з уласных памылак, грамадзянскія ўлады шукалі варыянты шляхоў эвакуацыі бежанцаў, рыхтуючыся да самых розных акалічнасцей [21, арк. 60]. Падзеі абганялі інструкцыі, і на свае страх і рызыку, напрыклад, начальнік станцыі Замір'е прапанаваў вагоны бежанцам, што не дачакаліся распараджэння ваеннага кіраўніцтва. Дзякуючы такой рашучасці, з 23 кастрычніка па 5 лістапада 1915 г. са станцыі было адпраўлена 5 708 бежанцаў (гэта 6 цягнікоў!) і арганізавана рэквізіцыя дзвюх тысяч коней [22]. Тут неабходна ўлічваць тое, што бежанская хва-

ля жніўня – верасня 1915 г. была ўжо не першай і папярэдняй выезды скончыліся вяртаннем дадому. І цяпер таксама частка бежанцаў знаходзілася ў стане чакання, не імкнулася далёка ад'язджаць ад родных мясцін, спрабавала асесці ў гарадах і мястэчках і нікуды не рушыць далей. Ніхто не мог уявіць памераў ваенных дзеянняў, і хуткае вяртанне назад бачылася цалкам верагодным [21, арк. 123].

Для большай шматпланавасці карціны тагачаснага бежанскага руху і акалічнасцей умоў дапамогі бежанцам адзначым, што ў гэты самы час ішоў яшчэ і працэс тэрміновай эвакуацыі ліній і кіравання самой чыгункі, якая ўваходзіла ў раён Паўночна-Заходняга фронту. Напрыклад, да 10 верасня 1915 г. поўная эвакуацыя станцый Палескай чыгункі закранула лініі Вільня – Ляхавічы, Баранавічы – Беласток, Жабінка – Лунінец, ст. Баграціёнаўская – Маладзечна, Масты – Гродна агульнай працягласцю 912 вёрст (49 % усёй Палескай чыгункі) [23], эвакуацыя чыгуначнікаў несла свае аспекты праблемы бежанства: функцыянаванне чыгуначных станцый і саміх адрэзкаў чыгункі прыпынялася, а імклівы характар самой эвакуацыі ў хуткім часе ператвараў быццам бы арганізаваную частку эвакуяваных чыгуначнікаў у тых жа бежанцаў, абцяжараных жыццёвымі праблемамі і турботамі. Апошняя выцякае з таго, што, па падліках начальніка палескіх дарог, на 8 кастрычніка 1915 г. 78 % маёмасці служачых немагчыма было эвакуяваць, і яна была страчана без дакументальнага вызначэння кошту [23, арк. 2 адв.]. І гэта пры тым, што для перавозу маёмасці чыгуначнае кіраўніцтва атрымала дазвол на значнае павелічэнне нормы вывазу маёмасці на сям'ю з 4 да 100 пудоў. На практыцы, калі за адной хваляй эвакуацыі ішла другая, а наймаць памяшканні ў месцах часовага высялення было цяжка з-за вельмі высокіх коштаў на жыллё, большасць служачых чыгункі не мела магчымасці вывезці сваю маёмасць [23, арк. 3]. Штодзённасць раптоўнай эвакуацыі нараджала свае дробязі, якія ў пэўных умовах бежанства становіліся вырашальнымі для таго, каб сям'я эвакуяванага ці бежанца ішла ў бежанства амаль ні з чым: «У канцы ліпеня – пачатку жніўня ў Вільні кошт звычайнай рагожы меў 9 руб. за штуку, за фурманку да вакзала бралі 30 руб.» [23, арк. 3]. Такія кошты былі далёка не для ўсіх. Да гэтага неабходна дадаць такую акалічнасць, як фізічную немагчымасць забраць буйнагабарытную маёмасць. Існавала поўная неразбярыха ў руху цягнікоў і блытаніна ў дакументах і грузах, пры якой грузы траплялі куды заўгодна, а не па прызначэнні. На пачатак кастрычніка 1915 г. на розных станцыях чыгункі было 40 тыс. вагонаў з грузамі, з якіх каля 50 % адносіліся да ліку «нявысветленых» [24]. Існавала таксама неабходнасць выканання службовых абавязкаў мужчынамі і немагчымасць суправяджэння грузаў да пункта прызначэння. Такім чынам, мы маем хоць і няпоўную, але відавочную сукупнасць умоў і абставін, якія даводзілі да галечы тых, хто эвакуяваўся нават арганізаваным чынам. Што казаць пра масу сялянства, якая ўцякала ад вайны, страціўшы амаль усё.

Нягледзячы на такія неспланаваны, перагружаны характар функцыянавання перавозак, ускладнены ўнутранымі чыгуначнымі эвакуацыйнымі мерапрыемствамі, па Палескай чыгункі было перавезена не менш за 200 тыс. чалавек [11, с. 19]. І перавозкі гэтыя ішлі ў большасці на ўсход, у бок расійскай правінцыі. З верасня да канца 1915 г. на працягу першых двух месяцаў для перавозкі вымушаных мігрантаў было выкарыстана 115 тыс. вагонаў [2, с. 104], у тым ліку гэта былі цягнікі Палескай чыгункі. І такое інтэнсіўнае бесперапыннае функцыянаванне было магчымым толькі пры абсалютнай адданасці большасці работнікаў як самой чыгункі, так і цэлай арміі служачых ніжняга і сярэдняга звёнаў, якія і выконвалі свае звычайныя службовыя абавязкі ў надзвычайных умовах вайны. І тыя ж служачыя чыгункі пасля адпраўкі ў эвакуацыю сем'яў і маёмасці заставаліся на баявым чыгуначным пасту, спрыяючы перамяшчэнню бясконцай гаротнай хвалі беларусаў, палякаў, яўрэяў і іншых жыхароў заходніх зямель імперыі.

Каб больш поўна ўявіць сабе высілкі, якія супольна прыкладаліся ў справе арганізацыі перамяшчэння бежанцаў, адзначым намаганні прадстаўнікоў мясцовай адміністрацыі для выпраўлення становішча і паляпшэння ўмоў як для бежанцаў, так і мясцовага насельніцтва. Дакументы справаводства сведчаць, што спатрэбіліся сапраўдныя звышнамаганні падчас бежанства ад усіх і вынік гэтых высілкаў сапраўды быў. Сярод тых, хто іх выконваў даволі якасна, былі земскія начальнікі. Гэтая катэгорыя служачых мела шырокі спектр адміністрацыйных паўнамоцтваў, якія дазвалялі ім добра валодаць самымі рознымі пытаннямі сялянскага самакіравання, судовых цяжбаў, дзейнасці мясцовага гандлю і вытворчасці. Ваенны час пашырыў кола іх паўнамоцтваў, сярод якіх значнае месца заняла дапамога бежанцам. Руплівая тлумачальная работа сярод насельніцтва, правядзенне мерапрыемстваў па папярэджанні распаўсюджвання эпідэміі (якія былі частай з'явай сярод бежанцаў), захаванне спакою сярод насельніцтва – гэта былі тыя накірункі новых абавязкаў земскіх начальнікаў, з якімі яны пераважна паспяхова спраўляліся [25–27].

Немалы цяжар абавязкаў мелі таксама прыставы, ураднікі, стражнікі, якія не толькі сачылі за парадкам у месцах знаходжання бежанцаў, кіравалі працэсам пахавання памерлых бежанцаў і паўшых жывёл, суправаджалі бежанцаў па прычыне кантролю за агульным рухам з мінімумам прыпынкаў, але выконвалі заданні па мабілізацыі сотень людзей для прагону свойскай жывёлы па загадзе вайсковых уладаў, высылцы тысяч жыхароў на акупныя работы, рамонт дарог, мастоў, арганізацыі пастоя войскаў і пастаўцы фурманак па патрабаванні [28].

Вялікая праца легла на плечы медыцынскіх работнікаў. Уявім сабе маштаб камплектацыі санітарна-медыцынскіх аб'ектаў: урачэбна-сілкавальны пункт у в. Селішча Пінскага павета, разлічаны на 550 чалавек (!) у дзень, меў сем чалавек персаналу і пяць прыслугі. Дэзынфекцыйны атрад пад кіраўніцтвам фельчара складаўся з чатырох санітараў [29]. Менавіта гэтыя людзі прыкладалі намаганні, каб хаця нейкім чынам зменшыць выпрабаванні бежанцаў.

Дапамогу бежанцам у якасці дзяжурных на чыгуначных станцыях, куды бесперапынна прыбывалі новыя партыі мігрантаў, ажыццяўляла немалая колькасць царкоўных служачых. Праз тое, што нярэдка бежанцам даводзілася чакаць свайго ўладкавання і раскватаравання даволі доўга і часта пад адкрытым небам на прывакзальных плошчах, сярод чакаючых, як адзначалася ў прэсе, «магчыма было заўважыць і простага селяніна, і яўрэя, і заможнага паляка, і вясковага настаўніка», акрамя практычнай падтрымкі, патрэбны былі і словы надзеі і супакаення, што ў службыцеляў царквы атрымлівалася няблага і ператваралася ў своеасаблівую псіхатэрапеўтычную дапамогу [30, с. 2].

Заклучэнне

Акалічнасці вымушанай міграцыі па палескіх чыгунках, такім чынам, неабходна ацэньваць комплексна, спалучаючы як выпрабаванні, так і тыя намаганні, што былі накіраваны на ліквідацыю альбо хаця б змяншэнне тых праблем, якімі была напоўнена вымушаная міграцыя. Перадваенная папярэдняя неарганізаванасць і непадрыхтаванасць уладаў да такога міграцыйнага руху насельніцтва, якім стала бежанства, у значнай ступені кампенсаваліся сумленнай адданасцю цэлай арміі тых, хто на сваім рабочым месцы ствараў магчымасці гэтага руху. Менавіта гэтыя дзеянні і ўчынкi і сталі істотным фактарам у стварэнні магчымасці перамяшчэння тысяч і тысяч людзей на ўсход імперыі ва ўмовах кампаніі 1915 г., а значыць, сапраўднага выратавання людзей, ахопленых такім міграцыйным рухам. Менавіта чалавечы фактар стаў вырашальным у забеспячэнні пэўнага парадку і бяспекі ў гэтым руху.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Prymaka-Oniszk, A. Bieżeństwo 1915. Zapomniani uchodźcy / A. Prymaka-Oniszk. – Wołowiec : Czarne, 2016. – 367 s.
2. Белова, И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России 1914–1925 гг. / И. Б. Белова. – М. : АИРО-XXI, 2014. – 432 с.
3. Жванко, Л. Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 pp.) / Л. Жванко. – Харків : Апостроф, 2012. – 568 с.
4. Gatrell, P. A whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I / P. Gatrell. – Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 1999. – 318 p.
5. Цовян, Д. Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы первой мировой войны. 1914–1917 : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. Г. Цовян. – М., 2005. – 216 л.
6. Утгоф, В. С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. С. Утгоф. – СПб., 2003. – 183 л.
7. Щеров, И. П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. / И. П. Щеров. – Смоленск : СГПУ, 2000. – 316 с.
8. Лахарева, Н. В. Реввакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.) / Н. В. Лахарева. – Курск, 2001. – 204 с.
9. Фіонік, Д. Беженство. Дорога і повороты 1915–1922 / Д. Фіонік. – Бельск Подляскі : Музей Малэі Батькувшчыны в Студзіводах, 2015. – 224 с.
10. Лапановіч, С. Ф. Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 г.) / С. Ф. Лапановіч. – Мінск : Акад. МУС, 2010. – 126 с.
11. Цуба, М. В. Палеская чыгунка ў гады Першай сусветнай вайны / М. В. Цуба // Вестн. Полес. гос. ун-та. Сер. обществ. и гуманитар. наук. – 2013. – № 2. – С. 16–21.
12. Павлов, Л. Ю. Порядок эшелонирования и содержания войсковых запасов продовольствия войсками Северо-Западного (Западного) фронта российской армии в годы Первой мировой войны / Л. Ю. Павлов // Весн. ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2012. – № 1 (122). – С. 48–58.
13. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі ў Маскве. – Ф. 601. Воп. 1. Адз. зах. 2444. Арк. 5.
14. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску (НГАБ у Мінску). – Ф. 295. Воп. 1. Адз. зах. 8639. Арк. 40–40адв.
15. Северный беженец. – 1916. – № 1–29, 34.
16. Демянчик, В. Т. Выгонощи в Великой войне / В. Т. Демянчик. – Брест : Альтернатива, 2014. – 200 с.
17. Беженство 1915 года. – Беласток : Ніва, 2015. – 576 с.
18. НГАБ у Мінску. – Ф. 295. Воп. 1. Адз. зах. 9033. Арк. 38.
19. Карнялюк, В. Гістарычная дэмаграфія I сусветнай вайны: бежанства з заходніх губерняў Расійскай імперыі (1914–1917 гг.) / В. Карнялюк // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 1999. – № 12. – S. 22–44.
20. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродне (НГАБ у Гродне). – Ф. 109. Воп. 1. Адз. зах. 2828. Арк. 35.
21. НГАБ у Мінску. – Ф. 295. Воп. 1. Адз. зах. 8982.
22. НГАБ у Мінску. – Ф. 295. Воп. 1. Адз. зах. 8986. Арк. 151, 154.
23. НГАБ у Мінску. – Ф. 2415. Воп. 1. Адз. зах. 236. Л. 2–7адв.
24. Беженец. – 1915. – № 1.
25. НГАБ у Мінску. – Ф. 700. Воп. 1. Адз. зах. 243.
26. НГАБ у Мінску. – Ф. 700. Воп. 1. Адз. зах. 244.

27. НГАБ у Мінску. – Ф. 700. Воп. 1. Адз. зах. 245.
28. НГАБ у Мінску. – Ф. 295. Воп. 1. Адз. зах. 9033. Арк. 39.
29. Расійскі дзяржаўны ваенна-гістарычны архіў у Маскве. – Ф. 13273. Воп. 1. Адз. зах. 185.
30. Записки беженца // Сев. беженец. – 1916. – 22 апр. – С. 2.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.09.2018

Karnyalyuk V.R. Circumstances of Forced Migration of the Population on the Polesskaya Railway in 1915

The article is devoted to the history of the mass forced migration of the Belarusian population caused by the events of the First World War. The evacuated population and refugees of provinces, under the threat of military action or already tearing them up in the summer and autumn of 1915, being actively influenced by the state and local military authorities, headed for the East. The territory of Polissya railways was at this period of the war in the midst of a mass movement of people of different classes and economic status.

УДК 94(476)

К.И. Козлова

*аспирант первого года обучения каф. истории Беларуси нового и новейшего времени
Белорусского государственного университета
e-mail: xristina.kazlova@gmail.com*

ПОЛОЦКИЕ ЕПИСКОПЫ XII – НАЧАЛА XVI в.

На основании имеющегося материала воссоздается важнейшая часть процесса становления Полоцкой епархии – поставление и деятельность полоцких епископов в XII – начале XVI в., прослеживается их роль в церковной и политической жизни.

Введение

Полоцкая епархия считается одной из самых древних епархий на Руси. По мнению большинства историков, она была основана еще при жизни великого князя Владимира. К этой мысли склонялись польско-литовские историки XVIII в. К. Несецкий и С. Стебельский [1, с. 9], русские (Е.Е. Голубинский [2], митрополит Макарий (Булгаков) [3], П.В. Знаменский [4], А.П. Сапунов [1, с. 9]), а также современные исследователи Л.В. Алексеев [5, с. 227] и А. Поппэ, а вслед за ними О.В. Рапов [6, с. 344]. Все они примерной датой основания Полоцкой епархии называют 992 год. С начала существования Полоцкой епархии возглавлявшие ее епископы занимали высокое положение и имели важное политическое значение. Они были необходимыми членами общественного управления, их имена ставились первыми в полоцких актах. Даже в сравнительно позднее время, при Гедиминовой династии, имя полоцкого епископа стояло первым в общественных полоцких актах и зачастую только от его имени составлялись документы политического характера [1, с. 24].

Цель данной статьи – на основании сведений летописей, исторических актов и документов, касающихся деятельности полоцких епископов XII–XVI вв., воссоздать важнейшую часть истории становления Полоцкой епархии данного периода – поставление и служения полоцких епископов.

Первое летописное упоминание о полоцком епископе относится к 1105 г. Ипатьевская летопись сообщает: «В том же лете (6613 г., или 1105 г. – К. К.) постави (митрополит – К. К.) Мину Полотьске, месяца декабря, в 13-й день» [7, с. 257]. Епископ происходил из монахов Киево-Печерского монастыря и, как пишет М.Д. Приселков, «в этом поставлении нужно видеть решение церковного вопроса для Полоцка» [8, с. 315]. В 1115 г. епископ Мина вместе с другими епископами древнерусских кафедр участвовал в освящении храма в Вышгороде и перенесении туда мощей князей-страстотерпцев Бориса и Глеба [8, с. 328]. Судя по Никоновской летописи, умер он 20 июля 1116 г. [9, с. 150].

Хотя летописи и умалчивают о епископах до Мины, нет оснований сомневаться в существовании его предшественников. Так, В.Н. Татищев, использовавший ряд не дошедших до нас источников, утверждает, что митрополит Никифор I, посвящавший в епископа Полоцкого Мину, сам был посвящен в митрополита Киевского из полоцких епископов. В сведениях под 1096 г. он пишет: «Преставися Ефрем, митрополит русский. На его место князь великий избрал Никифора, епископа Полоцкого и повелел его поставить епископам русским» [10, с. 118]. Под 1105 г. Татищев указывает, что митро-

Научный руководитель – В.А. Федосик, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Белорусского государственного университета

полит Никифор «декабря 21 дня пришел в Русь из Цареграда... и 27 августа поставил Амфилофия епископом во Владимир, ноября 12 – Лазаря в Переяславль, декабря 18 – Мину в Полоцк» [10, с. 138]. Возможно, в 1096 г. он был поставлен собором русских владык, а в 1104–1105 гг. его признала и Византия [11, с. 598]. Хотя интересно и мнение Е.Е. Голубинского, который считал, что Никифор пришел на Русь из Греции в 1104 г., при этом исследователь ссылается на Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи [2]. Однако ни в одной из них не говорится ни о прибытии митрополита из Византии, ни о том, что он грек.

Кроме того, автор Степенной книги, повествуя о житии преподобной Евфросинии Полоцкой, говорит, что следующий после Мины полоцкий епископ Илия, отдавая ей место для монастыря, Сельцо, принадлежавшее архиерейскому дому, упоминал о похороненных на том месте епископах: «Есть церкви Святого Спаса в Сельцы, идеже братия наша лежа, преже нас бывшии епископи. Негли Бог поспешит ти молитвами их и твоим трудом и возградится место велико» [12, с. 210]. Сам Илия был правящим епископом Полоцка с 1120 по 1128 г. [13, с. 111]. Именно с его благословения преподобная Евфросиния переселилась на то место, где со временем возник один из самых крупных монастырей Беларуси – нынешний Спасо-Евфросиниевский женский монастырь.

Следующий полоцкий епископ, согласно Ипатьевской летописи, был поставлен на полоцкую кафедру в 1143 г.: «В то же лето (6651 г. – К. К.) поставиша епископа Полоцку, Косьму» [7, с. 314]. Косьма был греком, которого, возможно, привезли с собой полоцкие князья, возвращаясь в 1140 г. из Греции [1, с. 519]. Киевская летопись сообщает, что епископ Косьма был на соборе, посвящавшем во митрополита Климента Смолятича, и замечает, что сперва он был в числе иерархов, противившихся Клименту [14, с. 77]. В 1147 г. после победы национальной партии в вопросе о самостоятельности русской митрополии и после избрания митрополитом Климента Смолятича епископ Косьма бы лишен кафедры. Но, когда в итоге победила противоположная партия грекофилов, он снова вернулся на полоцкую кафедру [15, с. 24].

О преемнике Косьмы Дионисии сохранилось мало сведений. Летописи не сообщают о его происхождении и о дате поставления на кафедру, однако исследователи делают предположение, что, возможно, он мог быть греком, поскольку занял Полоцкую кафедру после победы грекофильской партии [16, с. 247; 15, с. 24]. Из жития преподобной Евфросинии Полоцкой мы знаем о том, что он постригал в монашество двух ее племянниц – Кирианну и Ольгу: «Тогда же преблаженная Евфросиния посмотрела на племянниц своих, Кирианну и Ольгу, и сказала им: “Хочу вас обручить Жениху Бесмертному и ввести в чертог Царства Его”... послав, призвала епископа Дионисия, правившего тогда престолом Святой Софии в Полотске, и ввела племянниц своих в церковь, и повелела их постричь, и нарекла Кирианну Агафией, а Ольгу – Евфимией» [17]. Поскольку постриг сестер был совершен непосредственно перед отправлением преподобной в паломничество в Иерусалим зимой 1166/67 г., а епископ Косьма последний раз упоминается в 1156 г., то время хиротонии Дионисия можно отнести к периоду между 1156/57 и 1166/67 гг. [16, с. 247]. А.А. Мельников утверждает, что именно святитель Дионисий бы инициатором прославления преподобной Евфросинии, игумении Полоцкой, и, вероятно, с его благословения была составлена служба и написано ее житие [15, с. 25]. Интересно, что на городище в Новгороде были найдены печати с греческими надписями, принадлежавшие епископу Дионисию [18, с. 150, 178].

По сведениям Густынской [19, с. 100] и Ипатьевской [7, с. 127] летописей, епископ Дионисий скончался в 6691 г. (1183 г.). Однако немного ранее в летописной статье за 6690 г. Ипатьевская летопись, сообщая о поставлении нового игумена Печерского монастыря, упоминает среди прочих иерархов, приехавших для этого, «Николая Полоцкого епископа» [7, с. 126]. Такое несоответствие Н.Г. Бережков объясняет тем, что

Николай называется здесь в смысле будущего епископа [20, с. 339] и утверждает, что епископ Дионисий умер в 6692 г. (1184 г.) и после него епископскую кафедру занял Николай Гречин [20, с. 202]. О событиях, предшествовавших поставлению епископа Николая, Ипатьевская и Густынская летописи рассказывают следующее: по смерти ростовского епископа Леона митрополит Никифор II посвятил на ростовскую кафедру епископа Николая, но суздальский князь Всеволод Юрьевич не захотел его принять и просил вместо него игумена Берестова монастыря Луку. Митрополит был вынужден уступить князю и отправил Николая на полоцкую кафедру [12, с. 127].

О двух следующих епископах, Владимире и Алексие, летописи дают крайне мало сведений. Епископ Владимир упоминается в Тверской летописи под 6726 г. (1218 г.). Летописец рассказывает, что в этом году пришел из Константинополя к великому князю Константину во Владимир полоцкий епископ Владимир и «принесе часть от Страстей Господних и обе руце Логина, и от мощей Марии Магдалины» [21, с. 327].

Преемник Владимира епископ Алексей упоминается в Лаврентьевской летописи под 6739 г. (1231 г.) в связи с поставлением на ростовскую кафедру епископа Кирилла. Судя по сведениям летописи «Олекса Полотський епископ» вместе с другими архиереями совершал хиротонию Кирилла [22, с. 456].

Следующий епископ Полоцкий Симеон, по замечанию автора «Истории Российской иерархии», происходил из рода полоцких князей [23]. По мнению А.А. Мельникова, Симеон родился в 20-е гг. XIII в., получил хорошее образование, а затем удалился в Киево-Печерский монастырь. Поскольку летописи не сообщают, в каком году он был возведен на полоцкую кафедру, называется приблизительная дата – не ранее 1260-х гг. Также нет единого мнения относительно еще двух событий его жизни. В частности, А.А. Мельников считает необоснованным мнение Стебельского о том, что Симеон постригал в монашество будущую игуменую Спасского монастыря Параскеву, сестру полоцкого князя Глеба. Также он опровергает мнение И. Кульчинского относительно присутствия Симеона на Киевском соборе 1260 г., поскольку среди иерархов этого собора он не упоминается [15, с. 41–42].

Из сведений, приводимых в «Актах, относящиеся к истории Западной России», известно, что епископ Симеон был основателем полоцкого монастыря на Лучне. Так, среди прочих монастырей Полоцка в документе упоминается «Николаевский на Лучне, основанный епископом Симеоном Новгородцем в XIII в.» [24, с. 7].

Интересен литературный памятник XIII в., упоминающий о епископе Симеоне, «Мерило праведное», который содержит в себе повествование под заглавием «Семена, епископа Тферьскаго, наказание». Этот памятник показывает красоту и глубину его проповеди, обличавшей пороки мирских властей [25].

После убийства в 1263 г. великого князя Миндовга началась междоусобная война, и епископ Симеон переселился в Тверь, где при нем была создана новая епархия – Тверская [26, с. 64]. Возможно, в это время Симеон продолжал формально оставаться и полоцким епископом [15, с. 43].

Никоновская летопись сообщает, что, уже будучи тверским епископом, Симеон совершил погребение князя Ярослава Ярославича, умершего в 1271 г. по дороге из Орды [9, с. 150]. В 1274 г. епископ Симеон участвовал в соборе во Владимире по случаю посвящения во владимирского епископа печерского архимандрита Серапиона. На этом соборе решались важные вопросы, касающиеся церковного устройства [26, с. 64–65]. В «Русских достопамятностях» помещено «Правило Кирилла, митрополита Русского, сошедшихся епископ...», в числе которых назван и святитель Симеон Полоцкий [27, с. 106–118].

Составитель Никоновской летописи так характеризует епископа Симеона: «Добродетелен и учителен и силен в книгах Божественнаго Писания, князей не стыдятся,

но слово Христово правя истинно, никого же обиновашесе, всем неправду творящим возпрещаше, и честен, и смыслен зело, попремногу же чтяше ерейский и мнишеский чин, и нищия, и сироты, и вдовицы жаловаше, и обидимых заступаше, и насилуемых избавляше, и бысть страшен всем, неправду творящим; вси бо его бояхуся и трепетаху. По свидетельству той же Никоновской летописи, умер святитель Симеон 3 февраля 1289 г. [9, с. 167].

О следующем полоцком епископе и его отношениях с государственной властью имеются сведения в одном из документов «Русско-ливонских актов» – грамоте полоцкого епископа Иакова, датируемой ок. 1300 г. Эта грамота была адресована рижскому пропсту и рижским ратманам касательно мирных отношений и пропуска хлеба в Полоцк. «Был есмь на доме, во отца своего митрополита, – пишет епископ Иаков, – а ныне есмь на своем месте у святое Софии. А ныне есмь уведал любовь ваша правая с сыном моим с Витенем» [28, с. 19–20]. Таким образом, мы видим, что епископ и в период нахождения Полоцка под властью литовских князей продолжал представлять город не только в церковных, но и в политических отношениях. Выражение грамоты «дам исправу с своими детьми» указывает на высокое значение епископа в народном суде. Интересно, что епископ называет великого князя Витеня «своим сыном», что никак нельзя объяснить христианским отношением Витеня к епископу как к духовному отцу, поскольку князь до конца своей жизни оставался язычником. Это объяснимо только в свете высокого политического значения полоцкого епископа. Именно этим полоцкие епископы вместе с новгородскими отличались от епископов других древнерусских княжеств, находившихся в большей зависимости от своих местных князей [29, с. 24].

Преемник Иакова епископ Григорий также обладал большими политическими правами, о чем говорит «Договор князя Полоцкого Глеба (Наримонта Гедиминовича) и епископа Полоцкого Григория...» с Ригой о порядке торговли весовыми товарами. В Риге побывали полоцкие послы, и по результатам переговоров была составлена грамота, список которой послы отвезли в Полоцк, где согласованные условия были утверждены грамотой и скреплены печатями князя Глеба и епископа Григория [30, с. 39; 28, с. 52].

Согласно Новгородской 1-ой Летописи, в 1331 г. Григорий вместе с другими иерархами участвовал в поставлении на Новгородскую кафедру архиепископа Василия Калики [31, с. 343].

Хотя и Иаков, и Григорий, как мы видим, пользовались широкими правами в городе, они еще не называли себя «владыками» (в отличие от их преемников середины XV, рубежа XV–XVI вв.).

О поставлении на полоцкую кафедру следующего епископа – Феодосия – упоминает Воскресенская летопись под 6900 г. (1392 г.): «Пресвященный Киприан митрополит постави Полотску епископа Феодосия» [32, с. 62]. В Новгородской 1-й Летописи, а также в Летописи Великих князей Литовских упоминается епископ Феодосия Полоцкий в связи с рассказом о поставлении великим князем Витовтом на киевскую митрополию Григория Цамблака [31, с. 406; 33, с. 106].

Преемники Феодосия до архиепископа Евфимия в иерархических каталогах польских историков Стебельского, Кульчинского, Несецкого и Лекеня пропущены [29, с. 142; 24, с. 24]. Однако в «Жалованной подтвдательной грамоте Полоцкому епископу Луке» упоминаются имена еще четырех епископов: Симеона «старого», Каллиста, Симеона «другого» и Ионы [24, с. 356].

О епископе Симеоне «старом» можно узнать из «Послания митрополита Ионы Полоцкому Владыке Симеону, с выговором за неуважение к нему», датируемого около 1456 г. [34, с. 500].

О преемнике епископа Симеона Каллисте известно, что сначала он был архимандритом Петровского и Борисоглебского монастырей, а затем был поставлен на по-

лоцкую кафедру [29, с. 142, с. 501]. Об этом свидетельствует «Послание митрополита Ионы полоцкому архимандриту Каллисту», в котором митрополит поздравляет Каллиста с избранием и обещает посвятить его на епископскую кафедру при предстоящем путешествии в Литву [34, с. 501].

О епископе Полоцком Симеоне «другом» известно, что в 1477 г. он был поставлен константинопольским патриархом Максимом Философом на киевскую митрополию [14, с. 112]. Согласно «Списку иерархов» Строева, умер он в 1488 г. [35, с. 3].

Епископ Иона, по прозванию Глезна, так же как и его предшественник, после непродолжительного пребывания на полоцкой кафедре был посвящен в сан киевского митрополита. Это произошло в 1488 г. [24, с. 24]. Киево-Софийская летопись сообщает, что Симеон был в особой милости у польского короля Казимира IV и что тот даже желал его видеть при своей смерти в Гродно в 1492 г., что дало повод некоторым униатским писателям называть Иону униатом [14, с. 112]. Однако выражение Супрасльской летописи «преставился Казимер (король)... при митрополите Киевском Ионе Глезне» нужно было бы понимать так, что Казимир умер в то время, когда Иона был киевским митрополитом, а не так, что он умер якобы в его присутствии [29, с. 143]. Кроме того, в Челобитной от русских князей», «державших веру православную греческую», к константинопольскому патриарху о благословении на киевскую митрополию избранного ими полоцкого епископа Иону, говорится: «Обретохом мужа свята, достойна веры, умеющаго в разумных правителя, хрестьянству, в Писаниях сугубо наказаннаго... и противящимся закону нашему (православному) сильного возбранителя и уст такового затыцателя...» [36, с. 2].

Последний епископ рассматриваемого периода Лука управлял Полоцкой епархией с 1488 по 1503 г. [29, с. 143]. Сохранилось несколько грамот, данных ему королем Александром [24, с. 197, 198, 356]. Одна из них свидетельствует о том, что у епископа Луки были жена и сын, которые жили недалеко от Полоцка в своем имении: «Судная грамота Литовского великого князя Александра, о предоставлении сыну Полоцкого епископа Луки Андрею с его матерью во владение земли в селе Митковичах» [24, с. 197]. «Жалованной подтвердительной грамотой» 1503 г. король повелевает епископу Луке управлять полоцкой кафедрой [24, с. 356]. В отличие от своих предшественников он стал именоваться Полоцким и Витебским, а его преемники – архиепископами, владыками Полоцкими и Витебскими, а затем Мстиславскими [1, с. 37].

Заключение

Таким образом, имеющийся материал источников позволяет достаточно полно воссоздать важнейшую часть процесса становления Полоцкой епархии – поставление и деятельность полоцких епископов в XII – начале XVI в. – и сделать заключение, что в течение данного периода полоцким епископам принадлежала важная роль как в церковной иерархии, так и в политической жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сапунов, А. Витебская старина : в 5 т. / А. Сапунов. – Витебск, 1888. – Т. 5, ч. 1. – 645 с.
2. Голубинский, Е. Е. История Русской Церкви [Электронный ресурс] / Е. Е. Голубинский. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Golubinskij/istorija-ruskoj-tserkvi-tom-1-chast-1-period-pervyj-kievskij-ili-do-mongolskij/3_2#note1320_return. – Дата доступа: 15.08.2018.

3. Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви [Электронный ресурс] / митрополит Макарий (Булгаков). – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Bulgakov/istorija-russkoj-tserkvi/. – Дата доступа: 15.08.2018.
4. Знаменский, П. В. Руководство к русской церковной истории [Электронный ресурс] / П. В. Знаменский. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Petr_Znamenskij/istorija-russkoj-tserkvi-znamenskij/. – Дата доступа: 15.08.2018.
5. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 1966. – 295 с.
6. Рапов, О. М. Русская Церковь в IX – первой трети XII в. / О. М. Рапов. – М. : Рус. панорама, 1998. – 443 с.
7. Полное собрание русских летописей : в 43 т. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. – Т. 2 : Ипатьевская летопись. – 638 с.
8. Приселков, М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. / М. Д. Приселков // Зап. ист.-филол. фак. С-Петербур. ун-та. Ч. 116. – СПб., 1913. – С. 315–328.
9. Полное собрание русских летописей : в 43 т. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1862. – Т. 9 : Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою, летописью. – 256 с.
10. Татищев, В. Н. История Российская : в 3 т. / В. Н. Татищев. – М. : АСТ, 2003. – Т. 2. – 735 с.
11. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1987. – 782 с.
12. Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. – СПб., 1908. – 342 с.
13. Дурново, Н. Н. Девятисотлетие русской иерархии (988–1888). Епархии и архиереи / Н. Н. Дурново. – М. : Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1888. – 124 с.
14. Описание Киевософийскаго собора и Киевской ерархии. – Киев : Тип. Киево-Печерской Лавры, 1825. – 272 с.
15. Мельников, А. А. Путь непечален. Исторические сведения о святости Белой Руси / А. А. Мельников. – Минск : Изд-во Беларус. Экзархата, 1992. – 239 с.
16. Православная Энциклопедия. Т. 15. – М., 2007. – 747 с.
17. Повесть жития и преставления святой и блаженной и преподобной Евфросинии, Игумении монастыря Святого Спаса и Пречистой Его Матери, что во граде Полотске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://spas-monastery.by/st_euphrosyne_of_polotsk/life/short_life_3.php. – Дата доступа: 20.08.2018.
18. Янин, В. Л. Актовые печати в Древней Руси X–XV вв. : в 2 т. / В. Л. Янин. – М., 1970. – Т. 1 : Печати X – нач. XIII в. – 326 с.
19. Полное собрание русских летописей : в 43 т. – СПб., 2003. – Т. 40 : Густынская летопись. – 200 с.
20. Бережков, Н. Г. Хронология русского летописания / Н. Г. Бережков. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 376 с.
21. Полное собрание русских летописей : в 43 т. – СПб. : Тип. Леонида Демиса, 1863. – Т. 15 : Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. – 540 с.
22. Полное собрание русских летописей : в 43 т. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1846. – Т. 1 : Лаврентьевская и Троицкая летописи. – 269 с.
23. Орнатский, А. История российской иерархии [Электронный ресурс] / А. Орнатский. – Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/15_o/ro/natsky.htm. – Дата доступа: 18.08.2018.
24. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссиею : в 5 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1846–1853. – Т. 1 : 1340–1506. – 375 с.

25. Мерило праведное [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=015>. – Дата доступа: 18.08.2018.
26. Муравьев, А. Н. История Российской Церкви / А. Н. Муравьев. – СПб. : Тип. III Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1840. – 456 с.
27. Русския достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских, учрежденным при Императорском Московском университете. – М. : В Унив. тип., 1815–1844. – Ч. 1. – 192 с.
28. Русско-ливонские акты / собр. К. Е. Напьерским. – СПб. : Тип. императ. Акад. наук, 1868. – 462 с.
29. Сапунов, А. Витебская старина : в 5 т. / А. Сапунов. – Витебск : Тип. губерн. правления, 1883. – Т. 1. – 668 с.
30. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. : в 4 вып. / сост. А. Л. Хорошкевич. – М. : Ин-т истории СССР, 1977. – Вып. 2. – 227 с.
31. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1950. – 561 с.
32. Полное собрание русских летописей : в 43 т. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1859. – Т. 8 : Летопись по Воскресенскому списку. – 301 с.
33. Полное собрание русских летописей : в 43 т. – М. : Наука, 1980. – Т. 35 : Летописи белорусско-литовские. – 306 с.
34. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею : в 5 т. – СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. – Т. 1 : 1334–1598. – 612 с.
35. Строев, П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви / П. Строев. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1877. – 68 с.
36. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси : в 14 т. – Вильна : Тип. губерн. правления, 1867. – Т. 1. – 409 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.10.2018

Kozlova K.I. Bishops of Polotsk of the XII – Beginning XVI Centuries

The article deals with the formation of the Polotsk eparchy and the Polotsk bishops of the XIIth – beginning XVIth centuries. For the consideration of this issue, the information of chronicles and other historical sources were used.

УДК 304:94(476)''17/18''

В.В. Лишик

*магистр ист. наук, аспирант второго года обучения каф. истории славянских народов
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: vovaliko@brsu.brest.by*

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЯ РОДА УРСЫН-НЕМЦЕВИЧЕЙ В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Введены в научный оборот архивные документы, источники по генеалогии, дневники и воспоминания, касающиеся рода Урсын-Немцевичей в исследуемый период, в том числе не опубликованные. Представлены ранние источники с упоминанием фамилии Урсын-Немцевич в период ВКЛ, затронут вопрос генезиса рода Урсын-Немцевичей. Характеризуется деятельность, должности, анализируется положение представителей рода Урсын-Немцевичей в шляхетском сословии Речи Посполитой. Рассмотрены вопросы владения и приобретения Урсын-Немцевичами земельных наделов, прослежены родственные связи с известными шляхетскими фамилиями. Показан рост активности рода Урсын-Немцевичей в социокультурной сфере Брестского воеводства в первой половине XVIII в. В процессе генеалогического исследования составлено родовое древо, в котором обозначены не только известные представители Урсын-Немцевичей, но и новые имена, выявленные в ходе научной работы. Материалы исследования актуальны для использования в деятельности историко-мемориального музея «Усадьба Немцевичей» и могут быть включены в экскурсионную и экспозиционную тематику.

Введение

На современном этапе исторической науки деятельность шляхетских и дворянских родов становится актуальным объектом отечественных исследований. Востребованным является наличие не только обобщающих работ о привилегированных сословиях, но также исследований деятельности отдельно взятых родов в контексте истории Беларуси. Значительную роль в истории Речи Посполитой играли многие шляхетские роды, изучение которых позволяет более точно описать исторические процессы на территории этого государства, в состав которого до конца XVIII в. входили земли Беларуси.

В качестве предмета исследования была взята история рода Урсын-Немцевичей в XVII – первой половине XVIII в. Цель статьи – научно-историческое изучение деятельности рода Урсын-Немцевичей на территории Беларуси в XVII – первой половине XVIII в. Одной из основных задач исследования является установление достоверных сведений о происхождении, генеалогии и деятельности рода Урсын-Немцевичей.

В изучении истории шляхетских родов из-за отсутствия и противоречивости источников процесс исследования часто оказывается сложным и вызывает проблемы в установлении происхождения, конкретных личностей и фактов. Генезис рода Урсын-Немцевичей в период до XVII в. характеризуется наличием фрагментарных сообщений в разнообразных письменных источниках. Только к XVII в. в источниках появляются более подробные и достоверные сведения о представителях рода Урсын-Немцевичей, поэтому основное внимание в статье уделено периоду XVII и первой половине XVIII в.

Происхождение и первые упоминания об основателях рода

Информация о происхождении Урсын-Немцевичей основана на немногочисленных и малоинформативных источниках, требует отдельного источниковедческого исследования, в данной же части статьи кратко затрагивается ранний период генезиса рода и рассматриваются первые упоминания в документальных источниках.

Научный руководитель – А.А. Савич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Легенда о происхождении рода, которую приводит в своих мемуарах Юлиан Урсын-Немцевич, гласит, что давний предок Немцевичей – Юлиан Урсын – появился в славянских землях вместе с Палемоном – вождем, возглавлявшим римский отряд, легендарным правителем приморского края, лежавшего в далекой Италии. Ю. Урсын-Немцевич подчеркивает, что об этом упоминает Альберт Виук-Коялович в «Historiae Lithuaniae pars prior...». Слово «Урсын» Юлиан использует как прозвище и не склоняет его, к тому же *этой приставкой подчеркивалась знатность и древность рода* [1, с. 3].

Герб рода – Равич – представляет собой изображение девушки верхом на медведе (лат. ursus); реже применялся другой вариант названия – Урсын (Урсус). *На поле герба Равич изображена девушка в короне, сидящая на черном медведе, что соответствовало бытовавшей легенде о дочери английского короля, которая оказалась не растерзанной злым зверем, а вернулась на нем в королевский дворец.* Равич считается одним из старинных гербов западных славян. Письменные упоминания герба Равич появляются в польских источниках уже в середине XII в. В 1410 г. рыцарский полк под гербом Равич принимал участие в Грюнвальдской битве и отличился на поле боя. После принятой в 1413 г. Городельской унии герб Равич распространился и в землях ВКЛ, и владели им более 100 родов [2, с. 177].

Первые письменные источники, упоминающие о представителях рода Урсын-Немцевичей в землях ВКЛ, относятся к XVI в. В таком документе, как «Перепись войска ВКЛ 1528 года», встречаются: «Немцевич Августын, землянин Бельскай земли Падляшкага воеводства. Немцевич Станислав, землянин Бельскай земли Падляшкага воеводства, село Березовских Антониев земляне» [3, с. 157]. Ценными являются также сведения историка Каспера Несецкого в гербовнике, изданном в четырех томах во Львове в 1728–1743 гг. В середине XIX в. (в 1839–1845 гг.) гербовник в десяти томах был переиздан Я.Н. Бабровским под названием «Польский гербовник» («Herbarz polski»). Здесь есть свидетельство, что в метриках литовских 1528 г. (fol. 163) содержится судебный документ под номером 16 «Wyrok z Andrzejem Niemcowiczom...», в котором упоминается Андрей Немцевич, который, возможно, является родичем Урсын-Немцевичей. Также в книге 48 дел Подляских, года 1541 (fol. 238), документ «Inter Paulum Niemcewicz...» содержит упоминание о Павле Немцевиче [4, с. 542]. Установить родственные связи в данном случае не представляется возможным по причине отсутствия подробностей.

Польский ученый XVIII в. Станислав Дунчевский цитирует в своем труде оригинальные источники, в основном судебные дела, которые упоминают о роде Урсын-Немцевичей. Важно отметить, что исследователь приводит отрывок из метрики ВКЛ в книге под номером 66 за 1549–1551 гг. «Wyrok z Synowoju Niemcewicza...», в котором упоминаются Ян Немцевич и его жена [5, с. 330]. Этот документ дополняет в своих мемуарах Станислав Урсын-Немцевич и уточняет, что С. Салагубович судился с невесткой Ядвигой – женой Яна Немцевича [6, с. 14]. Данные документы дают возможность предположить, что Ян является одним из основателей рода Урсын-Немцевичей, т.к. в источниках также упоминаются его потомки, в частности сын Яна – Якуб, у которого был сын также Ян (рисунок).

В документах XVI в. встречаются различные написания фамилии: «Niemcewicz», «Niemcowicz», «Niemczewicz» – и в основном без приставки Урсын. Географически многие упоминаемые документы относятся к земле Драгинской, Бельской, а также к Великомирскому повету. Можно отметить, что в Великомирском повете за Урсын-Немцевичами в XVI в. числилась значительная недвижимость, а именно: Налишки, Малекиски, Рукшины, Майге, Лукашишки, Загаришки, Чалханы, Крукле [4, с. 543]. В энциклопедии по истории ВКЛ присутствуют следующие сведения о Урсын-Немцевичах: «Шляхетский род герба “Равич”. Политические деятели ВКЛ. Известны с XVI в., владели именами в Брестском, Новогрудском, Виленском воеводствах. С XVII в. пользо-

вались придомком “Урсын” (аллюзия на образ медведя в гербе – лат. Ursus)». В целом первые документальные упоминания об Урсын-Немцевичах на территории приграничных земель современных Беларуси, Литвы и Польши относятся к началу XVI в., что позволяет причислять эту семью к достаточно древним шляхетским родам.

Рисунок. – Генеалогическое древо рода Урсын-Немцевичей с XVI до середины XVIII в.

История рода Урсын-Немцевичей в XVII в.

В источниках к середине XVII в. появляются некоторые достаточно важные сведения о деятельности рода Урсын-Немцевичей. В родословном древе, составленном Ежи Урсын-Немцевичем в 1960-е гг., у Яна Урсын-Немцевича прослеживается несколько потомков: два сына – Самуил Казимир и Станислав и две дочери – Тереза и Кристина (рисунок). Старший сын Яна от Барбары Кмиты Самуил Казимир под руководством Павла Сапеги был активным участником Северной войны. Его имя упоминается в нескольких источниках. Самуил Казимир Урсын-Немцевич был стольником Великомирским (Вилькоми́р, Вилкоми́р – сейчас Укмерге, Литва), избирался депутатом, возможно, является первым представителем рода, который упоминается с приставкой Урсын. В актовой книге Витебского земского суда 1646 г. он представлен как владелец имени Загаришки [7, л. 34]. Самуил Казимир Урсын-Немцевич финansirовал алтарь св. Казимира в Березе-Картузской, а также отписал картезианскому монастырю имение Лешовки, приказав похоронить себя непосредственно в данном монастыре. В источнике есть подробное описание его могилы, на которой надгробный камень был украшен изображением Самуила Казимира, стоящего на коленях перед Распятием Христовым. Ниже был размещен герб Равич с надписью «Ecce Samuel Casimirus Niemcewicz, Dapifer Wilkomiriensis, in hoc angulo, cum perenni hebdomadario Sacrificio votivo, listo; tu qui pertransis memento, obsecro. Echarui aetatis meae. Anno Salutis MDCLXXIII». На основе этой надписи можно точно определить важные сведения: дату смерти (6 августа 1673 г.) и должность Самуила Казимира (указанную как стольник Великомирский) [4, с. 544]. Эту могилу в 1824 г. видел лично Юлиан Урсын-Немцевич, о чем он упоминает в своих мемуарах [1, с. 387]. Важно отметить, что Самуил Казимир из Великомирского повета

перебрался в Брестское воеводство, а с ним и его дети, так как далее упоминания об Урсын-Немцевичах в Великомирском повете встречаются редко.

Самуил Казимир Урсын-Немцевич имел двоих сыновей – Александра и Андрея, стольника Витебского (рисунок). В документах Национального исторического архива Республики Беларусь в Гродно Андрей Урсын-Немцевич упоминается как прапрадед Яна (брат Юлиана Урсын-Немцевича): «...имение Клейники, наследованное от прапрадеда Андрея Урсын-Немцевича, стольника витебского» [8, л. 2]. Андрей был сыном Самуила Казимира от Здзитовицкой, его имя первоначально упоминается в документах Великомирского повета. Именно он в конце XVII в. стал владельцем деревень Непли и Клейники, поэтому первым из рода приобрел землю, находящуюся вблизи Берестья. Андрей, женатый во втором браке на Софье Годлевской из Полоцка, был послом на сейм в Варшаве от Слонимского повета в 1689 г., оказал денежную помощь алтарю св. Ксаверия в Бресте. Андрей в молодости служил королю Михаилу Карибуту-Вишневецкому, о чем свидетельствует «лист предсеймовый», который хранится в архивах семьи Урсын-Немцевичей. По этому документу он был назначен ординарцем будущего короля на сейм «придворный, миру нашему» 1669 г. [6, с. 25]. В актах Брестского городского суда 1680–1690 гг. неоднократно упоминается имя Андрея Урсын-Немцевича среди шляхты Брестского повета, участвовавшей в заседаниях [9, с. 401]. Он также был на конвационном сейме в Варшаве послом от Слонимского повета в 1674 г. после смерти короля Вишневецкого. В 1680 г. Андрей был назначен депутатом от Берестейского воеводства на главный судебный Трибунал ВКЛ. Как пишет К. Несецкий, об этом свидетельствует множество судебных коллегий, особенно тех, которые решали дела с недвижимостью варшавских иезуитов, потому как именно иезуитам Андрей потом с решимостью отписал большую сумму денег (10 000 польских злотых), чтобы после смерти быть ими похороненным [4, с. 542].

Андрей Урсын-Немцевич участвовал в походе и знаменитой битве под Веной против турков в 1683 г. под предводительством Яна III Собеского. За этот поход от своих земляков он получил в подарок серебряную булаву с барельефом битвы. Булава долгое время находилась в семейной усадьбе в д. Скоки, откуда вместе с остальными семейными реликвиями попала в имение Индура к Ежи Урсын-Немцевичу как продолжателю рода. 26 августа 1989 г. газета «Гродненская правда» напечатала материал, в котором рассказывалось, что пограничники в песчаном карьере наткнулись на клад, среди множества вещей которого была и булава. Историки датируют ее XV–XVI вв. Она и в данное время находится в Гродненском историко-археологическом музее. Если предположить, что булава является оригинальной и принадлежала действительно Андрею, то это самый старый раритет Урсын-Немцевичей, который сохранился в Беларуси. Обращает на себя внимание информация о том, что в 1678 г. витебский стольник Андрей Урсын-Немцевич завещал монастырю картезианцев в Березе фольварк Шиленок с деревней Ястрем [10, с. 147].

Деятельность рода Урсын-Немцевичей в первой половине XVIII в.

К началу XVIII в. Урсын-Немцевичи как по мужской, так и по женской линии упоминаются в более многочисленных источниках. При жизни Андрея Урсын-Немцевича родовым гнездом стало имение Непли на р. Зап. Буг, в месте слияния с Кжной. Вскоре Андрей добавил к своим землям село Клейники, располагавшееся рядом с Брестом. Можно предположить, что с его братом соотносится легенда о том, как один неизвестный представитель рода в этот период жил недалеко от имения Клейники в местных пещерах, каялся в грехах, вел богобоязненную жизнь, лечил местных людей и молился [11, с. 33]. Андрей в первом браке состоял с Фларианой Полубинской, дочкой новогрудского воеводы князя Дмитрия Самуиловича Полубинского и Петранелии Тыш-

кевич. От нее в семье Андрея Урсын-Немцевича родились Самуил, Текля и Франциска (рисунок). В процессе исследования установлено имя второго сына – Казимир. Первая дочь Текля была замужем три раза: первым ее мужем был Самуил Буховицкий, стражник Берестейского воеводства, второй раз она была замужем за Михаилом Костюшкой, берестейским ловчим, а третий раз – за Томашам Сюзином, берестейским конюшим. Интересно, что после второго брака Текли Урсын-Немцевичи и Костюшки считались дальними родственниками, но все же свояками, о чем упоминает в своих мемуарах Ю. Урсын-Немцевич. Старшим сыном Андрея был Самуил, стольник великомировский. В архивах семьи хранится дарственная Андрея Немцевича от 1705 г. сыну Самуилу на имение Папротне. Вторым сыном – Казимир – упоминается редко, по неизвестным причинам оставил светскую жизнь и ушел в монахи к бонифратрам, взяв имя «Piotr z alkan-taгу». В источнике «Акты Виленской археографической комиссии: Том IV. Акты Брестского городского суда XVI–XVIII вв.» Самуил Урсын-Немцевич упоминается среди шляхты Брестского повета, участвовавшей в сеймике 1703 г. [9, с. 471].

От второго брака с Кочуборской у Андрея Урсын-Немцевича было две дочери. Открыто имя первой – Катерина. Сыновья Александр и Станислав воевали под руководством короля Станислава Лещинского. Можно предположить, что Александр и Станислав занимали позицию большинства брестской шляхты и выступали против усиления абсолютивной власти Августа II. В битве под Новым городом (ныне – Любаво, Nowe Miasto Lubawskie) в феврале 1707 г. Станислав, который доказал свой героизм, сражаясь во время Северной войны с несколькими саксонскими кавалеристами, выехавшими померяться с ним силой, погиб от подлого выстрела из-за стены.

Более подробны сведения про сына Андрея Урсын-Немцевича Александра (род. в 1681 г.), который служил в панцирной кавалерии и был берестейским мечником [12, с. 63–65]. В той же войне с саксонцами Александр в одной из схваток не смог охладить свой юношеский пыл и в погоне за врагом неожиданно оказался в плену. Пленение произошло в окрестностях Неплей, и саксонцы привели Александра в отцовское имение, но отца там в тот момент не было. Захмелевшим и потерявшим бдительность врагам по их же желанию Александр начал демонстрировать конное вальтажирование, которым отменно владел. Неожиданно он рванул через высокий частокол и выбрался из плена, таким образом сохранив себе жизнь...

Своим завещанием от 1707 г., оригинал которого находится в семейных архивах во Франции, Андрей Урсын-Немцевич, витебский стольник, свои владения передал в наследство старшему сыну от второго брака Александру Урсын-Немцевичу, который получил родовое гнездо в Неплях, а также Клейники и еще десять деревень, что, бесспорно, в то время являлось значительным наследством. Что заставило перенести Александра родовое гнездо из Неплей в Клейники, точно неизвестно [15, с. 283]. Возможно, он заботился о будущем своих детей, хотел построить новый дом, что и сделал, поставив просторную усадьбу из лиственницы. Не исключено, что он захотел жить ближе к Бресту, так как скупил земли до самого города. Тогда же Александр купил и деревню Скоки, выделил землю на строительство костела в Неплях, который сохранился до настоящего времени. Автор известных мемуаров «Диариуш моей жизни» берестейский каштелян Мартин Матушевич неоднократно упоминает представителей рода Урсын-Немцевичей. В мемуарах описывается, как в 1741 г. мечник брестский Александр Урсын-Немцевич отдает Матушевичу на попечение старшего сына Франтишка. В диариуше присутствует описание сватотинства Урсын-Немцевичей к Анне Каротынской, свидетелем которого был Мартин Матушевич. Несколько раз во время проведения сеймиков берестейский каштелян упоминает имена мечника Александра, а в позднее Франтишка и Марцелия Урсын-Немцевичей [13, с. 63–65].

В фондах Национального исторического архива Республики Беларусь в Гродно содержатся краткие упоминания о владельце имения Скоки Александре Урсын-Немцевиче [14, л. 3]. Подробные личные воспоминания о нем содержатся в дневниках Юлиана Урсын-Немцевича, согласно которым Александр был состоятельным земельным собственником, владел несколькими фольварками в Прибужье: Скоки, Старое Село, Клейники, Непли, Кужавка, Забужье. По воспоминаниям Ю. Урсын-Немцевича, это был невысокий пожилой человек приятной наружности, весьма увлеченный политикой. Александр жил в Клейниках в отцовском доме, который также достаточно подробно описан Ю. Урсын-Немцевичем на основе собственных детских впечатлений. В деревянном доме, построенном из лиственницы, были просторные, оштукатуренные белые сени. Направо от входа находились столовая и две комнаты для гостей, налево – большая комната с драпированными тканью стенами, в которой были высокие стулья, обитые кожей с рисунком, изображающим клюющих виноград попугаев. На стенах висели портреты короля Яна Собесского с супругой, а также Самуила Казимира Урсын-Немцевича. Из этой комнаты можно было перейти в гостиную, где находились большие напольные часы с боем, а затем следовала спальня. В спальне стояла очень узкая кровать под атласным одеялом, а над ней на стене висели сабля, латы и шлем, которые Александр должен был одевать перед выходом в свет как заслуженный воин. В изголовье висела икона Божьей Матери Ченстоховской, а на противоположной стене – книжная полка. Среди книг были «Жития Святых», «Проповеди Скарги», Гораций, Тацит. Однажды Александр собрал всех детей и внуков в Клейниках на семейный обед, после которого, увидев себя как бы перерожденным в новом поколении, подарил каждому из внуков большую сумму денег. Александр любил рассказывать внукам о своих ратных подвигах против саксонцев, показывал свои доспехи, лук и стрелы, добавляя, что знал в Берестье двух ремесленников, которые делали настоящий лук и стрелы по местным традициям. Александр дожил до 87 лет, а после смерти на его торжественные похороны съехалось почти все воеводство [1, с. 13–15]. Портрет Александра Урсын-Немцевича хранился в столовой комнате усадьбы в д. Скоки, а после эвакуации упоминается в 1921 г. в фондах Калужского краеведческого музея [16, л. 3]. После Александра в архивах семьи, которые сейчас хранятся во Франции, остались такие документы: привилей на мечниковство, подписанный королем Августом II в 1703 г.: привилей Августа III на вечную ленную аренду Бобровцов; три предсеймовых листа Августа III за 1738, 1740, 1746 г.; testament (завещание) Александра от 1763 г. [17, с. 133].

У Александра Урсын-Немцевича было пять сыновей и четыре дочери. Старший сын Франтишек, судья, а затем староста берестейский, после смерти отца получил в наследство Непли. У Франтишка было два сына – Станислав и Игнатий, но по причине отсутствия у них потомства эта родовая линия не продолжилась. Вторым сыном Игнатий и четвертым Кристоф были бездетными, а самый младший Михаил стал каноником смоленским. После того как Александр поделил наследство в основном между Франтишком и Марцелием, сам до смерти жил по полгода то у одного сына, то у другого. Родовое же дерево в новой генерации продолжил третий сын – Марцелий Станислав Кость Урсын-Немцевич, подचाший мельницкий, участвовавший в выборах последнего короля Речи Посполитой, и основная деятельность которого относится уже ко второй половине XVIII в. [18, с. 124].

Ю. Урсын-Немцевича, описывая свой род (в период до XIX в.), отмечал: «Я не вижу в роде моем ни гетманов, ни канцлеров, ни примасов. Были это люди состоятельные, честные, не славолюбивые, безукоризненно выполняли гражданские обязанности. Они были депутатами, шли на войны, погибали там, как и тысячи других, женились, растили детей, вели хозяйство, живя в домашнем счастье. Пускай освятит Бог их души» [1, с. 3].

Заклучение

История рода Урсын-Немцевичей берет свое начало в первой половине XVI в., когда его представители фигурировали в судебных документах. К середине XVIII в. представители рода относятся к средней зажиточной шляхте Речи Посполитой. Включение в социокультурный процесс представителей данного рода заняло довольно длительный период. Уже с конца XVII в. Урсын-Немцевичи являлись отдельным самостоятельным родом в Речи Посполитой с определенной внутренней структурой. В период с середины XVII до середины XVIII в. представители мужской линии Урсын-Немцевичей, поселившиеся в основном в Брестском воеводстве, назначались послами на сеймы, отличались в битвах, занимали местные поветовые должности, основывали новые усадьбы и костелы. Представители рода по женской линии выдавались замуж за потомков знатных фамилий, обеспечивая родство Урсын-Немцевичей с именитыми шляхетскими династиями Шуйских, Костюшко, Полубинских, Кмитов. Представители рода в воспоминаниях характеризуются как честные, образованные и деятельные люди. Все это характеризует Урсын-Немцевичей как активных участников политических и социокультурных процессов на белорусских землях в рассматриваемый период.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ursyn Niemcewicz, J. Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne / J. Ursyn Niemcewicz. – Warszawa : F. A. Brockhaus, 1868. – 438 s.
2. Paprocki, B. Herby rycerstwa polskiego / B. Paprocki. – Kraków, 1858. – 550 s.
3. Перапіс войска ВКЛ 1528 года. Метрыка ВКЛ 523 / падрыхт. А. І. Груша, М. Ф. Спірыдонаў, М. А. Вайтовіч. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – 683 с.
4. Niesiecki, K. Herbarz polski Kaspra Niesieckiego S. J. powiększony dodatkami późniejszych autorów, rękopismów, dowodów urzędowych / K. Niesiecki. – Lipsk : Wyd. Bobrowicza. – 1839. – Т. 6. – 598 s.
5. Duńczewski, S. J. Herbarz wielu domów Korony Polskiej i W. Ks. Litewskiego, dla niezupełnego opisania albo opuszczenia i wielu odmienności nieprzyzwoitych / S. J. Duńczewski. – Kraków, 1757. – 758 s.
6. Ursyn Niemcewicz, S. Moim wnukom / S. Ursyn Niemcewicz. – Warszawa, 1972. – 53 s.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1751. Оп. 1. Д. 19.
8. Национальный исторический архив Республики Беларусь в Гродно (НИАБ в Гродно). – Ф. 96. Оп. 1. Д. 298.
9. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов : в 39 т. – Вильна, 1872. – Т. IV : Акты Брестского городского суда XVI–XVIII вв. – 495 с.
10. Гладышчук, А. А. Нямецвічы. Сапраўдныя гісторыі / А. А. Гладышчук. – Мінск : Літаратура і Искусство, 2009. – 288 с.
11. НИАБ. – Ф. 1709. Оп. 1. Д. 8.
12. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 2031. Оп. 2. Д. 2944.
13. Юлиан Урсын-Немцевич: жизнь и творчество : библиог. материалы / сост. Т. С. Ковенько, И. А. Павлючук, Х. Байковска. – Брест : Брест. тип., 2007. – 56 с.
14. НИАБ в Гродно. – Ф. 96. Оп. 1. Д. 397.
15. Федорук, А. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Федорук. – Минск : БелЭН, 2004. – 573 с.
16. ГАБр. – Ф. 2177. Оп. 2. Д. 46.
17. Ursyn Niemcewicz, W. Miscellanea oraz Wspomnienia własne dotyczące Niemcewiczów / W. Ursyn Niemcewicz. – Warszawa, 2002. – 275 s.

18. Юльян Урсын Нямцэвіч: асоба ў кантэксте часу: да 250-годдзя з дня нараджэння : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Брэст, 30–31 мая 2008 г. / склад.: С. У. Басаў, А. М. Мяснянкіна ; пад рэд. А. М. Несцярчука. – Брэст : Брэсц. друк., 2008. – 232 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 13.11.2018

Lishyk W.W. Origin and History of Ursyn-Nemtsevich Family in the XVII – First Half of the XVIII Century

*The article presents the results of the research of family history of Ursyn-Nemtsevich (Ursyn-Niemcewicz) in the XVII – the first half of the XVIII century. The author introduced into scientific circulation archival documents, sources, memories. The question of the genesis of Ursyn-Nemtsevich is presented. The position of the representatives of the family in the class of society of *Rech Pospolita* is analyzed. The author has drawn up the genealogical tree of the family. An increase in the activity of Ursyn-Nemtsevich family in the socio-cultural sphere of the Brest voivodship in the first half of the 18th century is shown.*

С.П. Романович

*преподаватель каф. экономики и управления
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: ptaschkas@mail.ru*

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

Представлены результаты разработанного автором методического инструментария анализа и прогнозирования потребительского рынка с учетом основных показателей внешнеэкономической деятельности региона. В результате применения методического инструментария проведен анализ концентрации импорта потребительских товаров, рассчитаны возможные прогнозные значения емкости потребительского рынка Брестской области. Проведен сравнительный анализ межрегиональных различий по социальным показателям в приграничных регионах соседних стран, подтверждающий наличие условий, способствующих осуществлению торговых миграций брестскими потребителями.

Введение

Приоритеты государственной политики по обеспечению устойчивого социально-экономического развития определены Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. В соответствии с данным документом стратегической целью региональной политики является комплексное развитие каждого региона и уменьшение существующих региональных различий с учетом эффективного использования его ресурсного потенциала и конкурентных преимуществ в интересах обеспечения высоких стандартов жизни населения, сохранения природы и позитивного вклада регионов в национальную конкурентоспособность и безопасность [3, с. 115].

В этой связи, да и, учитывая отставание в развитии основных показателей торговли приграничных областей страны от центрального региона, определенный научный интерес приобретают вопросы формирования и развития потребительских рынков областей.

Изучению проблемы формирования и развития потребительского рынка в последнее время уделяется достаточно большое внимание. Так, этой проблеме посвятили свои исследования такие зарубежные и отечественные ученые, как Я.М. Александрович, А.В. Богданович, Р.П. Валевиц, Л.Б. Вардомский, А.В. Владыко, В.П. Герасенко, И.Н. Герчикова, Б.П. Голубкова, С.М. Зорина, В.И. Иванова, А.С. Кузавко, И.М. Микулич, А.С. Новоселов, М.В. Петрович, С.С. Полоник, Г.В. Ридевский, И.В. Скопина, Н.Н. Терещенко, Н.С. Шелег и др.

При всем многообразии работ по развитию потребительского рынка страны нельзя не отметить тот факт, что региональный аспект до сих пор остается за пределами серьезных экономических исследований. Необходимы концепции и стратегии развития региональных потребительских рынков, разработанные с помощью новых методов, инструментов, применимых в современных экономических условиях. Поэтому в данной работе автором предлагаются методические инструменты к построению экономико-математической модели формирования регионального потребительского рынка, позволяющие оценить изменение основного показателя под влиянием совокупности факторов и осуществить прогнозирование на перспективу.

На развитие регионального потребительского рынка влияет ряд факторов. Много отечественных и зарубежных авторов посвятили свои работы их исследованию. Анализ соответствующей экономической литературы, показал наличие разнообразных подходов к их группировке и изучению. В контексте проводимого исследования наибольший интерес для автора приобретают работы ученых, учитывающих влияние на развитие регионального потребительского рынка географического положения региона. Так, например, Н.Н. Терещенко полагает, что в качестве факторов, предопределяющих формирование и развитие регионального потребительского рынка, следует рассматривать общие, региональные и специфические [8, с. 78]. Выделение группы общих факторов необходимо из-за многоуровневого характера их воздействия (макро- и мезоуровень), который предопределяется структурой экспорта и импорта товаров, особенностями форм и методов государственного регулирования, уровнем жизни населения и его покупательской способностью, уровнем цен и инфляции.

А.С. Новоселов считает, что специфика регионального потребительского рынка во многом определяется типом региона, каждому из которых соответствует совокупность факторов, обуславливающих особенности регионального потребительского рынка. В ряду основных типов региона присутствует и приграничный регион. К факторами, обуславливающим развитие регионального потребительского рынка приграничного региона, автор определяет относительно высокие доходы хозяйствующих субъектов и населения, наличие устойчивого спроса, высокий уровень развития внешнеэкономической деятельности и торгово-посреднической инфраструктуры, а также высокий динамизм финансовых и информационных потоков. А.С. Новоселов отмечает, что наиболее прогрессивными трендами характеризуется развитие регионального потребительского рынка приграничного региона, что проявляется прежде всего в расширении предложений экспортных товаров и внешнеторговых услуг [5, с. 7].

Для сравнения состояния основных показателей потребительских рынков областей Республики Беларусь обратимся к таблице 1, составленной автором на основе [4].

Таблица 1. – Основные показатели потребительского рынка Республики Беларусь по областям и г. Минску (2017 г.)

Показатель	Область						г. Минск	Республика Беларусь
	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минская	Могилевская		
ВРП, млн руб.	10 367,1	8 036	10 779	8 688,5	15 865	7 517,6	29 141	10 5748
Розничный товарооборот, млн руб.	4 911,8	4 410,8	4781,4	4 129,1	6 036,2	3 579,1	12 388,9	40 237
Доля розничного товарооборота в ВРП, %	47,38	54,89	44,36	47,52	38,05	47,61	42,51	38,05
Всего торговых объектов, ед.	10 006	7 572	8 666	7 398	10 214	7 466	11 011	62 333
Торговые объекты в сельских населенных пунктах, ед.	1 974	1 188	1 500	1 206	3 816	1 080	–	10 674
Торговые площади, тыс. м ²	801,7	652,6	732,1	591,6	843,1	633,9	1 270,5	5 525,5
Занятый в торговле персонал, тыс. чел.	75,9	59,8	68,8	57,6	98,9	56,7	200,7	616,3

Из таблицы 1 видно, что высокие значения таких показателей, как валовой региональный продукт, розничный товарооборот, количество торговых объектов, торговая площадь, занятый в торговле персонал, принадлежат центральному региону – г. Минску и Минской области. Показатель доли розничного товарооборота в валовом региональном продукте выше в Витебской области. Могилевская область имеет самые низкие значения следующих показателей: валовой региональный продукт, розничный товарооборот, количество торговых объектов в сельских населенных пунктах, занятой персонал в торговле. Наименьшие значения показателей количество торговых объектов и торговая площадь принадлежат Гродненской области.

Таким образом, центральный регион является лидером по лучшим значениям основных показателей, характеризующих состояние потребительского рынка, а остальные регионы, являясь приграничными, отстают. Не отличается лучшими показателями и потребительский рынок Брестской области, которая активно развивает трехсторонние связи в рамках еврорегиона «Буг» с Волинской областью Украины и Люблинским воеводством Польши.

Для выявления причин отставания показателей потребительских рынков приграничных областей страны от центрального региона необходим более подробный анализ рынков, результаты которого должны учитываться при выборе альтернативного прогноза емкости потребительского рынка. Поэтому цель данной работы – рассчитать прогнозные значения емкости потребительского рынка с учетом основных показателей внешнеэкономической деятельности.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) дать оценку концентрации импорта потребительских товаров на территории Брестской области;
- 2) построить экономико-математическую модель формирования емкости рынка под влиянием совокупности факторов, в том числе и основными показателями внешнеэкономической деятельности региона;
- 3) рассчитать прогнозные значения реальной емкости рынка;
- 4) проанализировать условия регионального потребительского рынка на предмет торговых миграций населения между странами.

Анализ концентрации импорта потребительских товаров на территории Брестской области

В настоящее время потребительский рынок подвергается опасностям, одной из которых является зависимость рынка от импорта. Можно предположить, что из-за географического расположения приграничные области больше подвержены влиянию этого фактора.

Рассмотрим, как эта зависимость распространена на территории Брестской области. Для этого воспользуемся коэффициентом «потребительского импорта», разработанным автором для анализа концентрации импорта потребительских товаров на определенной территории:

$$К_{п.и.} = V_{обл.} / S_{обл.} : V_{р.} / S_{р.}, \quad (1)$$

где $K_{п.и.}$ – коэффициентом «потребительского импорта», $V_{обл.}$ – объем импорта потребительских товаров области; $V_{р.}$ – объем импорта потребительских товаров района; $S_{обл.}$ – розничный товарооборот потребительских товаров области; $S_{р.}$ – розничный товарооборот потребительских товаров района.

Коэффициент показывает, во сколько раз концентрация потребительского импорта в конкретном районе больше/меньше, чем в среднем по области.

В данной работе проанализируем потребительский рынок Брестской области, которая граничит с Польшей и Украиной. Для этого воспользуемся результатами исследований, проведенных автором ранее [6, с. 109], и структурируем потребительские рынки районов Брестской области по социально-экономическим параметрам, условиям инфраструктуры и коэффициенту потребительского импорта (таблица 2).

Таблица 2. – Ранжирование административно-территориальных районов Брестской области

Район	Принадлежность потребительского рынка региона к группам потребительских рынков		Коэффициент потребительского импорта	Ранг по коэффициенту потребительского импорта
	По социально-экономическим условиям	По местным условиям		
Барановичский	В	В	1,211	4
Березовский	Б	Б	0,643	7
Брестский	Г	Г	2,975	1
Ганцевичский	В	А	0,044	16
Дрогичинский	Г	Б	0,134	14
Жабинковский	В	В	2,066	2
Ивановский	Г	Б	0,213	12
Ивацевичский	Г	Б	0,374	8
Каменецкий	Г	В	1,551	3
Кобринский	А	А	0,822	6
Лунинецкий	Б	В	0,301	11
Ляховичский	В	В	0,357	9
Малоритский	В	Б	0,146	13
Пинский	Г	В	0,911	5
Пружанский	Г	А	0,321	10
Столинский	Б	В	0,092	15

Из таблицы 2 видно, что наибольшая концентрация импорта в Брестском, Жабинковском, Каменецком, Барановичском, Пинском районах. По социально-экономическим условиям потребительские рынки данных районов занимают места ниже среднего по области (Жабинковский, Барановичский р-ны) и низкое (Брестский, Каменецкий, Пинский р-ны), по местным условиям данные районы также принадлежат к уровням ниже среднего и низкому. Наименьшая концентрация импорта по Брестской области наблюдается в Ганцевичском, Столинском, Дрогичинском, Малоритском, Ивановском районах.

Потребительские рынки данных районов по социально-экономическим условиям принадлежат к уровням низкому, ниже среднего и выше среднего, а местные условия данных рынков характеризуются высоким, выше среднего и ниже среднего уровнями. Таким образом, можно сделать вывод, что недостаточный уровень развития местных торговых условий и социально-экономических условий способствуют привлечению импорта потребительских товаров.

Необходимо также отметить, что большинство потребительских рынков административно-территориальных районов Брестской области с наибольшей концентрацией импорта потребительских товаров граничат с Польшей (Брестский, Каменецкий р-ны) или близко расположены к данной стране (Жабинковский р-н).

Потребительские рынки с меньшей концентрацией импорта потребительских товаров принадлежат районам Брестской области, граничащим с Украиной (Столинский, Дрогичинский, Малоритский, Ивановский).

Построение экономико-математической модели формирования емкости потребительского рынка Брестской области

Потребительский рынок не может напрямую повлиять на внешнеэкономическую деятельность, однако, учитывая разную концентрацию импорта районов области, можно предположить, что она склонна варьировать. Соответственно, региональный потребительский рынок может развиваться по нескольким сценариям.

Важным инструментом планирования развития потребительского рынка является построение экономико-математической модели формирования реальной емкости рынка. В качестве результативного показателя при построении модели принят розничный товарооборот Брестской области.

На основе проведенного анализа состояния и развития регионального потребительского рынка в качестве основных факторов, определяющих объем результативного показателя, были взяты:

- 1) численность постоянного населения;
- 2) среднедушевые денежные доходы населения в месяц;
- 3) доля непродовольственных товаров в общем объеме розничного товарооборота;
- 4) индекс потребительских цен на товары;
- 5) коэффициент безработицы;
- 6) доля городского населения в общей численности населения;
- 7) доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума;
- 8) экспорт товаров из Брестской области в Польшу;
- 9) экспорт товаров из Брестской области в Украину;
- 10) импорт товаров в Брестскую область из Польши;
- 11) импорт товаров в Брестскую область из Украины;
- 12) коэффициент импорта потребительских товаров.

При построении экономико-математической модели использовались данные начиная с 2012 г. Вид экономико-математической модели был определен как линейный.

На основе рассчитанных значений коэффициентов корреляции в экономико-математическую модель развития реальной емкости потребительского рынка Брестской области нами включены пять факторов из двенадцати приведенных:

- X_1 – среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.;
- X_2 – индекс потребительских цен на товары, %;
- X_3 – экспорт товаров из Брестской области в Украину, млн долл. США;
- X_4 – импорт товаров в Брестскую область из Польши, млн долл. США;
- X_5 – импорт товаров в Брестскую область из Украины, млн долл. США.

Разработанная модель формирования реальной емкости потребительского рынка Брестской области в стандартизированном виде определена следующим образом:

$$Y = - 831,654 + 11,469 X_1 + 5,905 X_2 + 4,023 X_3 - 0,156 X_4 - 4,225 X_5 \quad (2)$$

где Y – розничный товарооборот региона, млн руб.

Прогнозные значения реальной емкости рынка на 2018–2022 гг., рассчитанные по вышеуказанной модели, исходя из трех вариантов прогноза факторов (оптимистичный, реалистичный, пессимистичный) представлены в таблице 3.

Расчет прогнозных значений факторных признаков осуществлен автором на основе динамики их среднегодовых темпов роста для реалистичного сценария, а для оптимистичного и пессимистичного был применен показатель вариации – среднее линейное отклонение.

Таблица 3. – Прогноз реальной емкости потребительского рынка Брестской области по экономико-математической модели

Год	Розничный товарооборот, млн руб.			Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.			Индекс потребительских цен, %			Экспорт товаров из Брестской области в Польшу, млн долл. США			Импорт товаров в Брестскую область из Польши, млн долл. США			Импорт товаров в Брестскую область из Украины, млн долл. США		
	о	р	п	о	р	п	о	р	п	о	р	п	о	р	п	о	р	п
2018	6 448,6	5 665,6	4 571,3	614,5	532,6	450,8	125,2	103,4	81,6	25,5	77,4	51,9	332,1	250,2	168,3	132,0	117,1	102,1
2019	7 629,0	6 534,7	5 440,4	691,7	609,9	528,0	123,4	101,6	79,9	100,7	75,1	49,6	318,1	236,2	154,3	131,9	117,0	102,0
2020	8 626,9	7 532,5	6 438,2	780,2	698,3	616,5	121,7	99,9	78,1	98,5	73,0	47,4	304,9	223,0	141,1	131,8	116,8	101,9
2021	9 772,1	8 677,7	7 583,4	881,4	799,6	717,7	120,0	98,2	76,4	96,4	70,8	45,3	292,4	210,5	128,6	131,7	116,7	101,8
2022	11 086,0	9 991,7	8 897,3	997,4	915,5	833,7	118,3	96,6	74,8	94,3	68,8	43,3	280,6	198,7	116,8	131,6	116,6	101,7

Примечание – о – оптимистичный сценарий, р – реалистичный сценарий, п – пессимистичный сценарий

Более наглядно развитие розничного товарооборота Брестской области (млн руб.) можно наблюдать на рисунке.

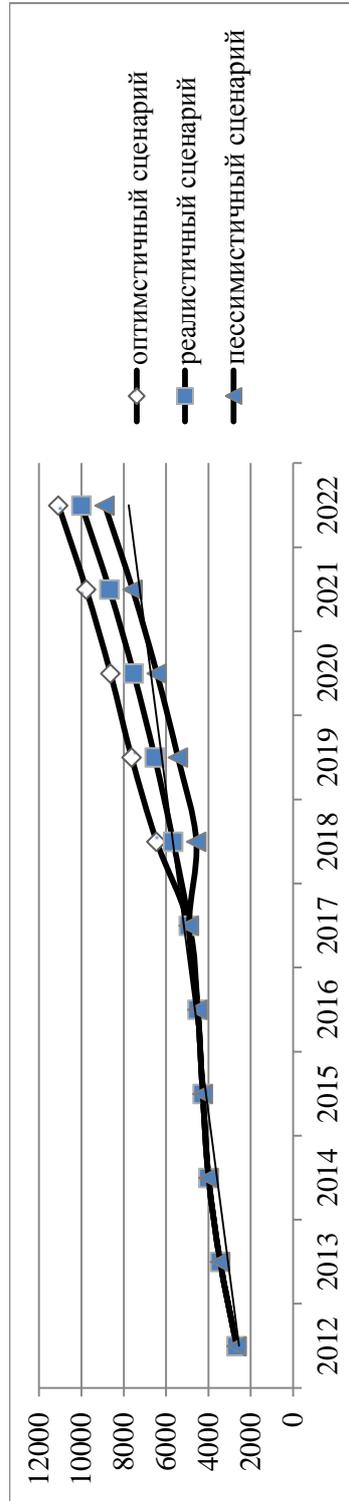

Рисунок. – Прогноз емкости потребительского рынка при различных сценариях развития

Таким образом, нами получено три возможных сценария развития емкости потребительского рынка. Стремление двигаться по одному из них требует согласованных действий с другими отраслевыми комплексами региона. Опираясь на результаты анализа концентрации импорта потребительских товаров по территории области, можно выявить наиболее проблемные территории и при принятии соответствующих управленческих решений, применительно к ним, достичь показателей наилучшего сценария развития потребительского рынка Брестской области.

Анализ условий регионального потребительского рынка в условиях торговых миграций населения между приграничными районами соседних стран

Положение исследуемого регионального потребительского рынка может усугубляться вследствие приобретения населением товаров и услуг непосредственно у продавцов за границей, а также в других регионах нашей страны. Такое взаимодействие является *торговой миграцией*. Понятие «торговая миграция», или «миграция торговой покупки», ввел в научный оборот Н.С. Шелег и определил его как один из качественных критериев потребительского рынка, означающий совершение покупки за пределами локального, национального рынка [9, с. 7]. Несмотря на значительное влияние торговых миграций на потребительский рынок, они являются малоисследованными из-за трудностей сбора достоверной информации.

Исторически основу экономической мотивации торговой миграции между разными странами составлял различный уровень цен на отдельные товарные группы по разную сторону границы, или пограничная рента, что позволяло, с одной стороны, оптимизировать семейный бюджет потребителю, а с другой – бизнесу, легально или нелегально работающему в сфере торговли, получать неплохую прибыль [1, с. 8]. Однако усиление межрегиональных различий по социальным показателям в соседних регионах разных стран также отражается на потребительских предпочтениях населения, что способствует торговой миграции.

На примере Брестской области, которая граничит с Люблинским воеводством Польши и Волынской областью Украины, в таблице 4 рассмотрим некоторые показатели названных выше территориально-административных единиц соседствующих стран (таблица 4 составлена автором на основе [4–6]).

Таблица 4. – Некоторые показатели Брестской области Республики Беларусь, Волынской области Украины и Люблинского воеводства Польши за 2017 г.

Регион	Площадь, км ²	Численность населения, чел.	Денежные доходы на душу населения в месяц, руб.	Розничный товарооборот торговых организаций, млн руб.
Брестская область	32 787	1 386 351	465,2	4 911,8
Волынская область	20 144	1 035 867	502,7	1 142,6
Люблинское воеводство	25 122	2 135 715	2 161,04	14 327,7

Из данных таблицы видно, что Брестская область по сравнению с соседними регионами зарубежных стран имеет наибольший показатель площади территории и средний по численности населения. Конечно, низкое значение такого показателя, как денежные доходы на душу населения в месяц, будут мотивировать брестского потребителя искать выгодные варианты покупки потребительских товаров за рубежом. И, учитывая данные показателей Люблинского воеводства, где более высокие доходы населе-

ния обуславливают и более высокие показатели розничного товарооборота, можно предположить, что потребительский рынок данного региона более привлекателен для нашего потребителя. Из рассматриваемых приграничных регионов наименьший товарооборот наблюдается в Волынской области Украины.

Заключение

Получена информация, которая должна быть использована в процессе среднесрочного и долгосрочного планирования основных направлений развития потребительского рынка региона. В результате анализа концентрации импорта потребительских товаров на территории Брестской области мы видим, что наибольшая концентрация импорта в Брестском, Жабинковском, Каменецком, Барановичском, Пинском районах, а наименьшая – в Ганцевичском, Столинском, Дрогичинском, Малоритском и Ивановском районах. Большинство потребительских рынков административно-территориальных районов Брестской области с наибольшей концентрацией импорта потребительских товаров, граничат с Польшей или близко к ней расположены. Потребительские рынки с меньшей концентрацией импорта потребительских товаров принадлежат районам Брестской области, граничащим с Украиной (Столинский, Дрогичинский, Малоритский, Ивановский).

При совершенствовании уровня развития местных торговых условий и социально-экономических условий, концентрация импорта потребительских товаров на проблемных территориях может сократиться, и тогда развитие потребительского рынка будет соответствовать оптимистичному сценарию. Это один из трех возможных сценариев развития потребительского рынка, полученный нами в процессе прогнозирования емкости рынка. Мониторинг названных выше условий позволит определить, по какому сценарию развивается потребительский рынок Брестской области.

Анализ условий потребительского рынка на предмет торговых миграций показал, что для брестского потребителя более привлекательны товары и услуги Люблинского воеводства Польши.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вардомский, Л. Б. Особенности формирования потребительского рынка белорусско-российского приграничья / Л. Б. Вардомский, А. С. Кузавко // Экон. журн. – 2018. – № 2. – С. 6–24.
2. Государственной служба статистики Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ukrstat.gov.ua. – Дата доступа: 12.02.2019.
3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] / Республиканский совет ректоров учреждений высшего образования. – Режим доступа: <http://www.srrb.niks.by>. – Дата доступа: 10.02.2019.
4. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 24.01.2019.
5. Новоселов, А. С. Теоретические аспекты исследования региональных рынков / А. С. Новоселов // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 3. – С. 3–22.
6. Романович, С. П. Структурирование потребительского рынка Брестской области в контексте устойчивого развития регионов / С. П. Романович // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2018. – № 2. – С. 104–112.
7. Статистическое управление в Люблине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lublin.stat.gov.pl>. – Дата доступа: 13.02.2019.

8. Терещенко, Н. Н. Эффективность деятельности торгового предприятия: теория, методология, практика оценки : монография / Н. Н. Терещенко, О. Н. Емельянова ; Краснояр. гос. торг.-экон. ин-т. – Красноярск : КГТЭИ, 2004. – 228 с.

9. Шелег, Н. С. Концепция формирования единого потребительского рынка Беларуси и России в условиях создания Союзного государства : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.14 / Н. С. Шелег ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 2004. – 48 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.02.2019

Romanovich S.P. Methodical Aspects of Forecasting of the Consumer Market of the Border Region

The article is devoted to the formation and development of the consumer market of the border region. The article presents the results of the methodological tools developed by the author of analysis and forecasting of the consumer market, taking into account the main indicators of foreign economic activity of the region. As a result of application of methodical tools the analysis of concentration of import of consumer goods is carried out, possible forecast values of capacity of the consumer market of the Brest region are calculated. A comparative analysis of interregional differences in social indicators in the border regions of neighboring countries is conducted, confirming the existence of conditions, which contribute to the implementation of trade migration by Brest consumers.

УДК 330.1

Т.С. Силюк

*канд. экон. наук, доц., доц. каф. туризма и страноведения
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: silyukts@mail.ru*

МАЛОРИТСКИЙ РАЙОН В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Представлены основные направления экономических преобразований в Малоритском районе в советский период (1939–1991 гг.). За это время район пережил воссоединение Западной и Восточной Беларуси, Вторую мировую войну, коллективизацию, «развитой социализм», «перестройку». Проанализированы последствия коллективизации, прослежена динамика развития сельского хозяйства, промышленности, торговли и общественного питания.

1939–1941 гг.

17 сентября 1939 г. к СССР были присоединены Западная Беларусь и Западная Украина. В деревнях Малоритского района временными органами управления стали крестьянские комитеты, созданные из бедняков. Приход советской власти поддерживала только бедная часть населения, которая считала, что новая власть создаст им обеспеченную жизнь. Зажиточные крестьяне к приходу «советов» отнеслись настороженно. Сентябрь 1939 г. резко изменил жизнь крестьян-полешуков и горожан, нарушил их прежний уклад.

На протяжении 1940 г. в Малоритском районе развернулось широкомасштабное хозяйственное переустройство. Важной задачей советской власти стало удовлетворение потребностей местного населения в товарах широкого потребления. Для этого требовалось создание промышленности. С 1939 по 1941 г. в Малоритском районе были восстановлены и действовали два лесопильных, три кирпичных и фанерный заводы, две мельницы с крупорушкой, скипидарно-смолокурный, известковый и лимонадный заводы, волноческа, маслозавод [1, л. 2–3], рыбное хозяйство «Карпин» (площадь рыбных прудов 1 610 га), запущена электростанция, созданы цех металлообработки и мебельная артель. Все предприятия остро нуждались в обновлении оборудования.

Были национализированы магазины купцов. В Малорите создали районное потребительское товарищество, а в деревнях – сельские потребительские товарищества, которые обеспечивали жителей продуктами, промышленными товарами и сельскохозяйственным инвентарем. Для финансового обслуживания населения открылись сберкасса в Малорите и три финансовых агентства в деревнях.

В сентябре 1939 г. на малоритских землях насчитывалось 6 200 крестьянских хозяйств. С установлением советской власти началось перераспределение земельных угодий (бывших помещичьих, церковных и осаднических). Земельные наделы получили более 1 000 безземельных и малоземельных крестьян. На сельских собраниях люди сами определяли, кому и сколько выделить земли. С весны 1941 г. этот процесс стали контролировать местные власти, когда было принято постановление о том, что один двор не мог быть иметь больше 15 га земли. Для поддержки крестьянам выделялись семена зерновых культур, льна, клевера.

Среди социально-экономических преобразований наиболее драматическим моментом явилась коллективизация сельского хозяйства, в результате которой создавались колхозы. Коллективизация носила насильственный характер. Сельчане категорически отказывались вступать в колхозы, понимая, что все нажитое придется сдать в коллективное пользование. В Малоритском районе коллективизация началась в 1940 г. До вой-

ны было создано шесть колхозов [2, с. 155]. Первые колхозы были мелкими, включали по несколько десятков хозяйств, имели примерно по 200 га земли, участки были мелко-контурные, заболоченные, на них было сложно применять технику. В связи с этим остро стоял вопрос о мелиорации. Самым крупным был колхоз имени Кирова, в который вступили 17 семей. Они собрали в общую конюшню три лошади, две коровы, некоторый сельхозинвентарь. Часть семян для первой посевной 1941 г. была предоставлена самими колхозниками, часть выдало государство.

В 1940 г. для обеспечения колхозов Малоритского района технической и организационной помощи сельскохозяйственной техникой в д. Великорита была создана машинно-тракторная станция (МТС). МТС получила четыре трактора с пятикорпусными плугами, несколько сеялок и культиваторов, молотилку, дисковые бороны и др.

1941–1954 гг.

22 июня 1941 г. мирная жизнь Малоритчины была нарушена с началом Великой Отечественной войны и оккупации района. Германские оккупационные власти объявили об установлении «нового порядка», земли и колхозное имущество перешли в их собственность. Крестьяне были лишены прав на землю. Были возрождены помещичьи усадьбы, существовавшие до 17 сентября 1939 г. Для этого местное население должно было вернуть живность и инвентарь, которые ими были получены безвозмездно при советской власти и половину урожая, собранного с бывших помещичьих земель. Сельское население было обременено принудительными поставками зерна, мяса, яиц.

За время войны народное хозяйство Малоритского района понесло большие потери: полностью были уничтожены здания школ, имущество МТС и колхозов. Посевные площади сократились на 58 %, поголовье КРС и овец – на 70 %, лошадей – на 50 % [3, л. 78]. В Германию было вывезено 2 тыс. лошадей, 10 тыс. голов КРС.

Сразу после освобождения от фашистских захватчиков вопросы восстановления сельского хозяйства были основной заботой крестьян и руководства Малоритского района. 8 сентября 1944 г. было решено вернуть крестьянам земли, отнятые немецкими оккупантами. Начали переучет лошадей с целью их изъятия у тех, кто имел две лошади или приобрел их во время войны незаконным путем. В декабре 1944 г. началось проведение земельной реформы: была установлена предельная норма земли на крестьянский двор в размере 15 га. В результате реформы «обрезали» 1 033 га излишней земли и передали ее безземельным и малоземельным крестьянам.

Был проведен учет земли, который показал, что до 2 га земли имели 605 хозяйств, 2–5 га – 2 079 хозяйств, 5–10 га – 2 147 хозяйств, более 10 га – 959 хозяйств. Посевные площади занимали 12 055 га. Промышленные предприятия имели в своем распоряжении 30 подсобных хозяйств на 662 га земли (323 га пахоты, 339 га сенокоса).

Урожайность после войны была очень низкой: зерновых 4–5 ц/га, картофеля – 60 ц/га; надой от коровы составлял 500–800 кг в год. Техническая вооруженность хозяйств района также была слабой: в распоряжении крестьян были один трактор, 52 конные и 31 ручная молотилки, 2 818 однолемешных плугов, 37 пружинных и 1 590 обычных борон, 42 веялки. Однако и на такой технике работать было некому.

По состоянию на 1 января 1945 г. в Малоритском районе насчитывалось 2 738 лошадей, 6 168 голов КРС, 5 120 овец, 104 свиньи, 20 коз, 4 822 единицы птицы. Пчеловодство сохранилось только в единоличных хозяйствах крестьян (35 пчелопасек на 159 ульев).

В районе остро стояла продовольственная проблема. Местные органы власти видели ее решение в ускоренном развитии птицеводства. Планировалось, что к осени 1945 г. на каждый двор будет приходиться 10–12 единиц птицы. Для обеспечения населения продовольствием в 1944 г. был восстановлен рыбхоз. В колхозах были организованы три артели по облову диких озер.

После войны в районе насчитывалось 50 % безлошадных хозяйств, поэтому посевная 1945 г. проходила в тяжелых условиях. Для помощи крестьянам при МТС был создан конно-прокатный пункт. Для этого МТС были переданы 20 трофейных лошадей, сельхозинвентарь (восемь плугов, десять борон, пять конных молотилок и приводов, пять культиваторов, пять окучников, хомут, телеги, седла, вожжи, уздечки, дуги).

В 1945 г. возобновилась коллективизация. Любыми путями представители власти «загоняли» крестьян в колхозы. 14 апреля 1946 г. был организован колхоз «Победа» в д. Збураж. Весной 1947 г. были восстановлены три довоенных колхоза, в 1948 г. – еще четыре. В 1949 г. было образовано 15 колхозов, в 1950 г. – 30.

В 1947 г. в колхоз «Победа» входило 13 хозяйств из 27 трудоспособных человек (фактически было 17 человек). В колхозе был 81 га земли (41 га пашни, 40 га сенокоса). Колхоз имел шесть лошадей, 16 голов КРС, четыре овцы, десять плугов, десять борон, десять кос, 20 серпов, конную молотилку, привод, веялку, четыре телеги, сани [4, л. 20]. Урожайность составила: рожь – 8 ц/га, овес – 9 ц/га, ячмень – 11,5 ц/га [5, л. 5].

В 1950 г. в Малоритском районе имелось 5 214 крестьянских хозяйств. К 15 июля 1950 г. вступили в колхозы 40,3 % хозяйств, к ноябрю 1951 г. – 91 %. Оставшиеся хозяйства были безлошадными, поэтому были заняты в советских учреждениях [6, л. 30]. В 1950 г. в районе было организовано семеноводческое хозяйство «Новый путь». В 1953 г. в колхозах началось развитие парникового хозяйства.

Весной 1950 г. в СССР начала распространяться инициатива по реорганизации колхозов, т.е. их укрепления. Работа по укрупнению колхозов в Малоритском районе началась с августа 1950 г., к марту 1953 г. в районе стало 18 колхозов. Техническую вооруженность колхозов в 1951 г. составляли 63 конные молотилки, 38 веялок, три веялки-сортировки и три триера.

После освобождения от оккупации материальное положение жителей Малоритского района было тяжелым. Особую трудность для всех категорий населения и колхозов представляла практика государственных закупок и обязательной сдачи сельскохозяйственной продукции: часть продукции сдавали в виде обязательных поставок, часть – в виде закупок по установленной государством фиксированной заниженной цене. Стратегически важной была сдача продуктов и фуража в фонд Красной армии, поскольку война еще не закончилась. План поставки в фонд Красной армии в 1944 г. для Малоритского района составлял 12 тыс. т хлеба, 1 420 т картофеля. Еще район должен был заготавливать ежеквартально 165 м³ авиационного сырья сосны, 115 м³ авиационного сырья березы, 7 т стального лома, 2 т чугунного лома.

Стратегически важными для страны были хлебопоставки – плановая сдача хлеба в зерне государству. План сдачи устанавливался по различным категориям: для колхозов, колхозников, единоличников. Для колхозов норма сдачи хлеба была 45 кг с га пашни. В 1944 г. план поставок государству продукции для Малоритского района составил: 800 т хлеба, 1 420 т картофеля, 20 т люпина, а для пострадавших в восточных областях БССР – 9 т семян зерновых и 20 т семян картофеля.

В связи с тем, что планы по сдаче сельхозпродукции были завышенные, большинство колхозов и крестьян были не в состоянии их выполнить в полном объеме и имели недоимки. Недоимка по зерну за 1944 г. составила 55 ц. На 14 сентября 1945 г. планы по мясу районом были выполнены на 36 %, молоку – на 57 %, шерсти – 26 %. За уклонение от обязательных государственных поставок крестьян штрафовали на сумму от 10 до 50 руб. 30 сентября 1945 г. в районе была запрещена торговля табачно-мехорочным сырьем до полного выполнения плана обязательных поставок. 6 октября единоличникам запретили продажу и обмен зерна, муки и печеного хлеба до полного выполнения ими плана сдачи хлеба. 14 августа 1946 г. всем категориям сдатчиков запретили торговлю хлебом до выполнения плана сдачи.

Важное место в системе заготовок занимала вырубка и вывоз леса. 2 ноября 1944 г. район получил план дополнительной сдачи до 1 января 1945 г. 25 м³ крепежного леса. План лесозаготовок на 1 квартал 1945 г. сельсоветы были обязаны выполнить до 1 апреля, однако к 18 июня план по заготовке был выполнен только на 12 %, по вывозке – на 20 %. Крестьяне игнорировали работы по лесозаготовкам. За уклонение от лесозаготовки на граждан налагали штраф в двукратном размере невыполненных работ.

После войны в Малоритском районе встал вопрос технической поддержки сельского хозяйства. 18 декабря 1944 г. было принято решение об организации Малоритской МТС. Для МТС были переданы территория в 2,75 га с постройками и земельный участок в 8 га для подсобного хозяйства. Позже подсобное хозяйство было расширено до 100 га пахоты и 50 га сенокоса. В 1945 г. Малоритская МТС имела четыре трактора, и электростанцию на 15 кВт [7, л. 3]. В 1951 г. в МТС было три комбайна, семь сложных молотилок, две силосорезки, зерноочистительная машина, 11 жаток. Несмотря на постоянный рост технической вооруженности МТС, производительность труда оставалась низкой: средняя нагрузка на трактор составляла 1,6 га в сутки, выработка в сезон – 110 га (при норме 220 га).

После войны в Малоритском районе остро стоял вопрос восстановления работы местной промышленности, поскольку имевшиеся до войны предприятия были разрушены, а их оборудование уничтожено или вывезено в Германию. В первую очередь была налажена работа железной дороги. В 1944 г. начали работу кирпичный завод, мельница с крупорушкой, скипидарно-смолокурный завод, волноческа, маслозавод, известковый завод, сапожная, швейная и шорная артели, две кузницы, овощехранилище, две хлебопекарни, столовая, магазины и ларьки [8, л. 2–3].

В 1950 г. в сферу промышленности Малоритского района входили лесозавод, столярная мастерская, бондарная, колесная, ободная, сапожная, слесарная мастерские, четыре кузницы, электростанция, две мельницы, известковый завод, гончарная мастерская, три кирпичных завода. Всего работали 19 цехов и мастерских. Бытовым обслуживанием населения занималась артель «Заря», которая имела коже-обувную и швейную мастерские, осуществляла текстильное и пищевкусовое производство, производство стройматериалов, оказывала парикмахерские и фотографические услуги. В 1953 г. начато строительство овощесушильного завода. Важное место занимала лесозаготовка. На территории района размещались три лесозаготовительных участка.

Для улучшения снабжения населения Малоритского района после войны была восстановлена торговая сеть. В 1945 г. в районе действовали 24 магазина райпотребсоюза и торговые точки леспромхоза. В связи с отменой карточной системы в 1946 г., район ощутил нужду в дополнительном количестве хлеба, поэтому встал вопрос строительства новой пекарни. Однако из-за нехватки строительных материалов дело шло очень медленно. Кроме того, имелся дефицит поваренной соли (с октября 1945 г. по март 1946 г. район соли не получал).

1954–1991 гг.

Во второй половине 1950-х гг. в Малоритском районе продолжилось колхозное строительство: в 1956 г. после укрупнения хозяйств насчитывалось 13 колхозов, в 1958 г. – 12, в 1960 г. – 15.

Большое значение для роста сельскохозяйственного производства имела реорганизация в 1958 г. МТС, которые были преобразованы в ремонтно-технические станции, позже – в отделения «Сельхозтехники». Техника МТС была передана колхозам, что позволило им укрепить материально-техническую базу и повысить эффективность работы. В 1966–1969 гг. машинно-тракторный парк хозяйств района увеличился на 228 тракторов, 91 зерноуборочный комбайн, 40 грузовых автомобилей. Однако техники ката-

строфически не хватало, и большой объем работ выполнялся вручную. Например, в графике уборки в 1969 г. значилось, что хозяйства района обязаны были ежедневно убирать 123 га картофеля (из них 31 га картофелекомбайнами, 92 га – копалками и вручную); 44 га сахарной свеклы (6 га комбайнами, 38 га – вручную).

С января 1954 г. стали действовать постоянные погектарные нормы поставок животноводческой продукции (задолженность прошлых лет с колхозов была списана). Были уменьшены поставки овощей и картофеля, а закупочные цены выросли: на зерно – в 7 раз, на картофель – в 8, на продукты животноводства – в 5,5 раза. В 1955 г. натуроплату за работу заменили гарантированной денежной оплатой. Были вдвое снижены налоги с приусадебных хозяйств. Эти меры привели к тому, что с середины 1950-х гг. сельское хозяйство впервые стало рентабельным.

Несмотря на облегчение положения крестьян, планы сдачи сельхозпродукции были напряженными. В июле 1955 г. колхозы должны были сдать 2 580 ц молока, 315 ц мяса; сельсоветы – 4 020 ц и 288 ц соответственно. План государственных закупок зерна у колхозов составлял 115 т, картофеля – 18 300 ц. План сдачи колхозами яиц составил 74 тыс. штук. Можно было сдавать в счет обязательных поставок картофеля по эквиваленту цен лук или чеснок.

Также район был обязан вести заготовку пушнины. В 1955 г. районной «Заготконторе» был доведен план: пушнина – на 40 тыс. руб., меховое сырье – на 5 тыс. руб., конский волос – 500 кг, кишечное сырье – 200 комплектов. Заготовкой пушнины занимались 48 охотников (план заготовки составлял по 350 руб. пушнины на каждого). Заготавливали также дикорастущие плоды, ягоды, грибы.

В процесс государственных закупок было включено и население. Колхознику разрешалось иметь приусадебный участок 0,3 га, корову с приплодом, нетель, 2 свиноматки, неограниченно овец, коз и пчелосемей. Чтобы держать рабочих лошадей, нужно было получить разрешение районного совета депутатов, что не всегда удавалось. В 1984 г. у населения было закуплено 2 760 т молока (230 % к плану); в 1987 г. – 70 т мяса, 4 178,7 т молока (116 % к плану), 10,6 ц шерсти, 3 925 т картофеля, 878 т фруктов и ягод.

Положительные изменения произошли в развитии животноводства. В районе занимались овцеводством, свиноводством, скотоводством, птицеводством, пчеловодством: на октябрь 1955 г. насчитывалось 16 100 голов КРС, 11 018 свиней, 13 000 овец [9, л. 10]. В 1976 г. чистопородное поголовье составляло 5,2 %, поголовье 4-го поколения КРС – 19,6 %. В 1960-е гг. работа в животноводстве была значительно механизирована: построены водонапорные башни, подвесные автодороги, автопоилки, типовые фермы и телятники. В 1970-е гг. были построены цех асептического консервирования, 12 ферм на 2 300 голов, 10 телятников на 1 870 голов, 8 свинарников.

Птицеводство в районе было развито слабо. Только в колхозе «Большевик» содержалось 20 тыс. единиц птицы. В 1976 г. там было начато строительство птицефермы на 45 тыс. кур-несушек. Пчеловодство также находилось в запущенном состоянии: колхозы получали низкие валовые сборы меда (по 10–13 кг от пчелосемьи), а в некоторых колхозах пасек вовсе не было. План развития пчеловодства на 1961 г. предполагал увеличение количества ульев в колхозах до 722.

В 1950-х гг. продолжилось развитие рыбного хозяйства. Рыбоводством занимались четыре хозяйства: специализированный рыбхоз «Карпин» и бригады трех колхозов. План улова озерно-речной и прудовой рыбы на 1955 г. составлял 900 т рыбы. В 1960-х гг. прудовое рыбоводство и лов озерно-речной рыбы развивались медленно, поэтому потребности населения в рыбе удовлетворялись не полностью.

Растениеводство было отраслью, на которой специализировались хозяйства Малоритского района. Урожайность сельскохозяйственных культур в 1954 г. была крайне низкой: зерновых 5–7,2 ц/га, льноволокна – 1,2 ц/га, волокна конопли – 3,2 ц/га, карто-

феля – 64–100 ц/га. С 1954 г. в сельском хозяйстве начались эксперименты по расширению районирования кукурузы без учета климатических условий: колхозы получили задание засеять 100 га кукурузы на силос, 10 га – на зерно, заложить 4 тыс. т силоса, построить 80 силосных ям [10, л. 83]. Под кукурузу отводились лучшие земли.

В 1960-е гг. с целью повышения эффективности сельскохозяйственного производства в Малоритском районе активно внедрялись достижения науки и передового опыта, что обеспечило значительное увеличение валового сбора и повышение урожайности культур. За период 1971–1974 гг. среднегодовое производство зерна в хозяйствах района увеличилось на 25 %. В 1974 г. получена урожайность: зерновых – 22 ц/га, озимой пшеницы – 20 ц/га, ячменя – 26 ц/га. Валовой сбор зерна составил 26 444 т.

Повышение урожайности сельскохозяйственных культур связывалось и с развитием семеноводства. В 1955 г. колхозы не обеспечивали себя собственными семенами. Власти обязали все хозяйства отвести семенные участки, организовать семеноводческие бригады. Хозяйства получали помощь в виде семенного материала из областных фондов. В конце 1970-х гг. проблема качественного семенного материала в районе была частично решена за счет создания четырех специализированных семеноводческих хозяйств по производству семян зерновых и зернобобовых культур и трех специализированных семеноводческих хозяйств по производству семян трав [11, л. 164–168].

Некоторые хозяйства Малоритского района успешно занимались льноводством. Рентабельность льнопродукции в 1970 г. при реализации составила 71,2 %. Льноводство было крайне трудоемкой отраслью с высокой долей ручного труда, поэтому посевы льна постепенно сокращались.

В районе развивалось овощеводство, преимущественно в открытом грунте: выращивали капусту, огурцы, помидоры, столовую свеклу, репчатый лук, столовую морковь. В 1970 г. овощи выращивали 12 хозяйств, в 1974 г. – 6, в 1975 г. – 5. Производительность овощеводства была низкой из-за отсутствия в хозяйствах парников и теплиц, специалистов-овощеводов, слабой механизации работ.

Техническая вооруженность колхозов росла. В 1970 г. в районе насчитывалось 500 тракторов, бульдозеров и экскаваторов, 250 грузовых автомобилей, 120 зерновых и 30 картофелеуборочных комбайнов, 9 механизированных зернотоков, 120 машин по механизированному возделыванию картофеля, 86 копновозов и стогометателей, 65 тракторных косилок. Для обеспечения бесперебойной работы техники хозяйства располагали достаточным количеством кадров: работали 830 трактористов, 275 шоферов, 131 слесарь по ремонту, 48 сварщиков и токарей, 26 наладчиков.

Вопросы мелиорирования целинных и заболоченных земель всегда были одной из важных задач властей Малоритского района. План мелиорации на 1955 г. предусматривал осушение 650 га земель. За 1966–1969 гг. было введено в эксплуатацию 9 353 га осушенных земель, культурно-технические работы проведены на 3 717 га, произвестковано 10 642 га кислых почв. К 1974 г. в районе было мелиорировано 17 041 га земель, на 607 га построены оросительные системы, окультурено 29 642 га. На мелиорированных землях в 1974 г. получили 60 % зерна, 88 % картофеля, 100 % сахарной свеклы, 60 % корнеплодов, 74 % многолетних трав, 95 % овощей, 63 % льноволокна. В 1975 г. мелиорированные земли составили 48,2 % от всех сельскохозяйственных угодий района.

В 1985–1990 гг. среднегодовой прирост валовой продукции сельского хозяйства к уровню прошлой пятилетки составил 34 %, производительность труда возросла на 53 %. Чистый доход хозяйств района составил 15 млн руб. при рентабельности 42 %. Оплата труда тружеников села выросла на 43 %. Среднегодовое производство молока возросло на 51 %, мяса скота и птицы – на 29 %, яиц – на 34 %, удой молока от коровы составил 3 321 кг.

В начале 1990-х гг. характерной чертой сельского хозяйства Малоритского района стало применение новых форм и методов работы – индивидуального и семейного подрядов. Были созданы 32 фермерских хозяйства; широкое развитие в колхозах получили подсобные промыслы (переработка овощей, ягод, грибов и фруктов, производство строительных блоков, кирпича, безалкогольных и слабоалкогольных напитков). За первое полугодие 1990 г. от реализации продукции подсобных промыслов было получено 335 тыс. руб. прибыли. Работали подсобные цеха на использовании местного сырья.

Производственные кооперативы стали основной организационно-правовой формой легализованной предпринимательской деятельности. В 1991 г. в Малоритском районе были зарегистрированы кооперативы различных направлений деятельности.

В 1950–90-е гг. продолжала развиваться промышленность Малоритского района. В 1970-е гг. в районе работали промышленные предприятия и сельскохозяйственные организации: маслозавод, черепичный цех, пять стройорганизаций, сельхозтехника, торфопредприятие «Малорита», Збуражский кирпичный завод, филиал Брестской автоколонны, участок горгаза, электросети, участок энергосбыта, машинно-счетная станция, лестничество, железнодорожная станция, погрузочно-разгрузочная контора, госбанк, пожарная часть, узел связи, агентство «Союзпечать», сберкассы, мелиоративный участок, линейно-технический участок связи, комбинат коммунальных предприятий, гостиница [12, л. 123–124].

Особо следует сказать о Малоритском овощесушильном заводе, основной продукцией которого было повидло и клюквенный джем. В 1975 г. на Всесоюзном совещании работников пищевой промышленности по производству детского и диетического питания в Одессе и заседании центральной дегустационной комиссии в Москве продукция завода (морковный и яблочно-морковный соки для детского питания) заслужила высшую оценку и была отмечена почетным «знаком качества».

С 1985 г. в стране начался период радикальных экономических, политических и социальных преобразований. Новый курс связывался с идеей ускорения, которая предусматривала повышение темпов экономического развития путем интенсификации производства, структурной перестройки экономики. Несмотря на трудности периода перестройки, в 1990 г. промышленность Малоритского района добилась определенных успехов: объем промышленного производства вырос на 107 %, производительность труда – на 107,6 %, выпуск продукции собственного производства – на 109,4 %.

В 1955 г. в системе торговли работали райпотребсоюз, Великоритское и Малоритское сельпо. В магазинах и ларьках часто отсутствовали колбаса, мясо, рыба, товары первой необходимости. В 1960 г. в районе было работали 46 магазинов (259 работников). В г.п. Малорита работали раймаг, продмаг, три продовольственных ларька, комиссионный магазин, колхозный рынок. В торговой сети длительное время отсутствовали остро необходимые продовольственные и промышленные товары. Дефицит товаров компенсировал местный рынок, но цены на рынке были выше, чем в магазинах. В 1966 г. в систему потребкооперации входили 58 магазинов, в 1974 г. – 76 магазинов.

Система общественного питания во второй половине 1950-х гг. в Малоритском районе была развита слабо: только в районном центре работали столовая и буфет, в деревнях же не было ни одного пункта общественного питания. В 1970 г. в районе уже работали два буфета, один ресторан, три столовые; в 1972 г. было 19 предприятий общественного питания, в 1980-х гг. – 35 предприятий общественного питания. План товарооборота за 1980 г. был выполнен на 110 %, удельный вес продукции собственного производства составил 60 %. Было организовано горячее питание школьников. В 1990 г. общий объем розничного товарооборота райпотребсоюза увеличился на 14,7 %, в том числе товарооборот общественного питания – на 9,7 %.

Заключение

Путь, который прошел Малоритский район в период 1939–1991 гг., был чрезвычайно трудным и тернистым. За этот период район пережил воссоединение Западной и Восточной Беларуси, Вторую мировую войну, коллективизацию, «развитой социализм», «перестройку». Установление советской власти было связано с резкими переменами во всех сферах жизни. Создание нового общества на социалистических началах характеризовалось не только самоотверженным трудом народа, его решающим вкладом в развитие сельского хозяйства и промышленности, но и огромными трудностями в достижении поставленных задач. Если в проведенной за счет крестьянства индустриализации и культурном строительстве были достигнуты значительные результаты, то административно-командный переход сельского хозяйства на коллективную основу обернулся беспрецедентным насилием над деревенским населением, особенно его более хозяйственной, зажиточной частью, а также резким и продолжительным спадом производительности в сельском хозяйстве.

В послевоенный период перед трудящимися стояли задачи наращивания объемов производства, восстановления предприятий промышленности и торговли, улучшения условий жизни населения. Несмотря на тяжелые условия производственной деятельности, недостаточное материально-техническое обеспечение, работники промышленности и сельского хозяйства увеличивали объемы выпускаемой продукции. Сельское хозяйство рассматривалось государством как второстепенная, вспомогательная отрасль и как основной поставщик продуктов питания для всей страны. Государство стало фактическим распорядителем колхозной продукции. Планы заготовок носили завышенный характер, не учитывали тяжелого положения колхозов.

Валовой принцип и планирование «от достигнутого» определили низкую эффективность экономики, темпы ее развития постепенно начали снижаться. Угроза сползания к экономическому кризису по причине стремительного снижения темпов развития поставили перед советским руководством необходимость разработки новой концепции развития общества. Выход правительство видело в проведении контролируемой «политики перестройки». Был взят курс на ускорение экономического развития, которое было рассчитано на энтузиазм работников в приведении в действие скрытых резервов роста. Но запущенность положения и отсутствие своевременных реформ привели к радикальным изменениям во внутренней и внешней жизни страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Докладные записки о состоянии строительства и восстановления жилых домов, выполнении поставок зерна и картофеля. 1945 г. // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 21.
2. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Маларыцкага раёна / рэд.-уклад. В. Р. Феранц. – Мінск : Ураджай, 1998.
3. Протоколы № 1–4, 10–13 районных партийных собраний за 1946 г. // ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 41.
4. Переписка РК КП(б)Б с ОК и ЦК по организационно-партийным и партийно-политическим вопросам за 1947 г. // ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 83.
5. Протоколы заседания бюро Малоритского районного комитета партии за 1948 г. // ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 112.
6. Переписка с ЦК КП(б)Б и обкомом по вопросам колхозного строительства за 1951 г. // ГАБр. – Фонд 13-п. Оп. 1. Д. 214.
7. Докладные записки Малоритского райкома КП(б)Б в Брестский обком партии за 1946 г. // ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 44.

8. О восстановлении железной дороги Брест – Ковель, состоянии рыбного хозяйства. 1944 г. // ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 7.

9. Постановления райкома КПБ и райисполкома по вопросам развития сельского хозяйства. 1955 г. // ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 314.

10. Протоколы № 39–43 заседаний райисполкома и документы к ним декабрь. 1953 г. // ГАБр. – Ф. Р-1084. Оп. 1. Д. 161.

11. Протокол № 4 заседания обкома КПБ. Январь 1978 г. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 55. Д. 14.

12. Протоколы сессий и решения городского Малоритского совета депутатов трудящихся. 1970 г. // ГАБр. – Ф. 463. Оп. 1. Д. 135.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.02.2019

Silyuk T.S. Malorita District in the Soviet Period: Economic Aspects

The article presents the main directions of economic reforms in the Malorita district in the Soviet period of 1939–1991, during which the district experienced the reunification of Western and Eastern Belarus, the Second World War, collectivization, developed socialism, «perestroika». The command and administrative way of collectivization is characterized, the dynamics of development of agriculture, industry, trade and public catering is traced.

УДК 336.242

С.Ф. Куган

канд. экон. наук, доц., зам. декана экономического факультета
Брестского государственного технического университета
e-mail: sfkugan@mail.ru

ЛОГИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИИ: ПОНЯТИЕ, ОСОБЕННОСТИ, НАУЧНАЯ ЛОГИКА

Многообразие понятий категории «потенциал» в трактовке различных авторов говорит об интересе исследователей к данной тематике. Изучение потенциала территории с точки зрения логистики региона является основополагающим для разработки концепции и стратегии логистики. При этом важным для такой работы является понимание не только семантики основных понятий, но и их научное содержание. Рассмотренные в статье научные подходы, исследующие понятие «логистический потенциал территории», позволяют при разработке стратегии выбирать наиболее оптимальное направление для развития логистики. Главным в формировании и развитии потенциала территории является целевая ориентация и комплексность, объединение всех элементов предпринимательской, хозяйственной, производственной, логистической деятельности и объединение их в систему, действующую в интересах региона с синергетическим эффектом, то есть с многократным усилением результата.

Будучи сравнительно новым понятием, «логистический потенциал территории» определяет способности и возможности территории, используя имеющиеся в своем распоряжении ресурсы, максимально эффективно реализовывать логистические процессы региона. Слово «потенциал» происходит от латинского «*potentio*» (*сила*). В словаре военных терминов дается такое определение «потенциала»: это «средства, запасы, источники, возможности, которые имеются в наличии и могут быть использованы для достижения определенных целей, решения каких-либо задач» [1, с. 221]. «Потенциал» – это «источники, возможности, средства, запасы, которые используются или могут быть использованы для решения определенной задачи либо достижения цели» [2, с. 1019]. Т.е. «потенциал» определяется как совокупность возможностей, при этом сама возможность представляет собой обстоятельства, при которых достигается желаемое [3]. В технических науках потенциал, как правило, характеризует класс силового поля (магнитный потенциал, электрический потенциал и т.п.) [4].

Наконец, потенциал может представлять возможности индивида, организации или страны в определенной области. В плоскости экономики потенциал является синонимом понятий «ресурсы», «резервы», «возможности» и может быть представлен следующим образом: «источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть приведены в действие, использованы для решения какой-либо задачи, достижения определенной цели» [5]. Достаточно часто в научных работах поднимается вопрос о взаимосвязи таких понятий, как «потенциал», «ресурсы» и «возможности» [6; 7].

В таблице представлены различные трактовки понятия «потенциал» с учетом компонент, задаваемых исследователями.

Таблица. – Сравнительная таблица описания понятия «потенциал» в разных источниках

1) «характеристика ресурсов» [5]
2) «средства, запасы, источники, имеющиеся в наличии» [8]
3) «совокупность всех имеющихся возможностей, средств в какой-либо области, сфере» [9]
4) «возможность, силы, запасы, способы, которые могут быть использованы» [10]
5) «возможности результативного использования изучаемого объекта, которые могут быть количественно оценены и... реализованы при идеальных условиях практической деятельности» [11]
6) «совокупность каких-нибудь средств, возможностей» [12]

Окончание

7) «мощь», «сила» [13]
8) «совокупность средств, условий» [14]
9) «потенциальный» трактуется как слово, заимствованное в XIX в. из французского языка, где <i>potentiel</i> (от лат. <i>potentialis</i> ← <i>potens</i> – «могущий», буквально «могущий быть») [15]
10) «интегрированная характеристика состояния системы» [16]
11) «совокупность параметров, обуславливающих наличие у систем определенных возможностей, способностей, ресурсов для осуществления ими тех или иных усилий, направленных на самосохранение и самодвижение, а также преобразования условий и характеристик среды» [17]
12) «источники, возможности, средства, запасы» [18]

Многообразие определений данного понятия говорит о возможности применения его в разных отраслях деятельности человека, а также в научной области:

1) при концептуальном подходе «потенциал» определяется как совокупность показателей многомерного динамического объекта [16];

2) при системном подходе «потенциал» рассматривается как некая совокупность параметров рассматриваемой системы в виде доступных возможностей для осуществления усилий, направляемых на ее развитие [9]; потенциал – это характеристика общего состояния системы;

3) при ресурсном подходе изучается взаимодействие таких понятий, как ресурсы, резервы и возможности [19].

Предложенные определения по сути своей представляют интегрированное понятие «потенциал», которое необходимо рассматривать в контексте системного [17], концептуального [20] и ресурсного подходов [19], что позволило условно разделить категорию «потенциал» на следующие структурные составляющие:

1. Ресурсы – это запасы или источники средств.

2. Возможности – предполагаемые направления развития системы. Объединение ресурсов и возможностей дает синергетический эффект в достижении целей системы, что также необходимо для ее стабильного функционирования и способно дать импульс её дальнейшему развитию.

3. Целенаправленное управление. Это анализ имеющихся возможностей системы, учитывающих способность совокупности её ресурсов, функционировать при заданных параметрах. Управление ресурсами системы актуализирует возможности её развития.

Поэтому потенциал можно рассматривать не только как возможности совокупности ресурсов, имеющиеся в наличии и необходимые для функционирования системы, но и как управление возможностями совокупности ресурсов системы (территории) осуществлять её эффективное функционирование и перспективное развитие в будущем.

Если говорить о потенциале территории, то необходимо уточнить понятие «территория». Ведь, с одной стороны, это расширенная географическая интерпретация: «территория представляет собой среду движения потоков товаров, информации и капитала, а также коммуникационную «площадку», на которой возможно наладить координацию и согласование экономических интересов субтерриториальных агентов взаимодействия» [21]. С другой стороны, в рамках экономической интеграции территория уподобляется ассоциированному субъекту, имеющему специфические интересы, которые можно реализовать, используя возможности логистики.

Важно разграничить географическое и экономическое пространства. Под географическим понимается «территория, характеризующаяся определенными масштабом и координатами, рельефом и расстояниями, недрами и залежами, климатом и биоценозами». При этом «экономическое пространство – это насыщенная территория, вмеща-

ющая множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т.д.» [22]. Основой научного осмысления структуры и логики изменения пространственных статусов территорий может стать сетевая концепция экономического пространства. При этом содержанием экономического пространства являются потоки товаров, информации и финансов.

В географии понятие «территория» рассматривается как нечто общее, по отношению к которому, например, «регион» выступает более узкой категорией: «Территория есть определенная совокупность мест, получаемая путем их объединения, агрегирования по какому-то единому основанию. Район (регион) же – это то, что обязательно выделяется, вычленяется из целостного объекта» [23]. Отсюда следует восприятие регионов как совокупности гетерогенных (внутренне неоднородных) образований, в рамках которых возникают транзитивные взаимодействия.

Одновременно под понятием «территория» представляется возможным подразумевать регион, городское поселение или любую местность, состояние которой анализируется и оценивается для разработки стратегии дальнейшего развития.

В современном мире потенциал экономического пространства (территории) играет важную роль в стратегическом развитии регионов, их глобальном позиционировании, поддержке инфраструктурного и экономического роста.

Нужно отметить, что потенциал территории является синтетической категорией, составляющей возможный объект государственного управления, в состав которой входит определенное количество показателей и индикаторов, позволяющих провести её оценку. В экономической литературе составные части потенциала территории рассматривают по-разному, что говорит об отсутствии единого подхода к пониманию его сущности. Но во всех интерпретациях остается неизменной основа рассматриваемого понятия, суть которой можно свести к следующему определению: потенциал территории – это совокупность средств и возможностей, необходимых для достижения стоящих перед регионом целей.

С точки зрения логистики потенциал территории является возможностью логистической системы использовать доступные ресурсы и оказывать эффективное воздействие на развитие региона. В зависимости от уровня логистической системы можно выделить логистический потенциал предприятия и логистический потенциал региона или страны [24, с. 21].

Для региона или территории исследования данное понятие характеризуется ёмкостью и перспективами роста рынка логистических услуг, темпами роста объектов логистической инфраструктуры, а также способностью территории финансировать данный рост за счет внешних и собственных источников. На основе всестороннего анализа можно сделать вывод о существовании в научной литературе нескольких основных подходов к определению самого понятия «логистический потенциал территории».

1. Ресурсный подход. В его основе заложена значимость ресурсов, которые система может использовать для осуществления логистических функций. Ресурсы, рассматриваемые в подходе данного вида, могут быть материально-техническими, информационными, финансовыми, интеллектуальными, человеческими и др. Оценивая логистический потенциал территории, необходимо учитывать количественную величину отдельных ресурсов, а также их качественные характеристики. И, как правило, если исследуется только объём имеющихся ресурсов, то их взаимодействие и влияние друг на друга не учитываются. В случае исследования системы ресурсов используются показатели, которые отражают не только количество ресурсов, но и отношения, формируемые при их взаимном обмене. Все это предполагает создание специфических условий для интеграции и развития социально-экономических связей между регионами страны,

осуществление логистической деятельности, а также формирование конкурентных преимуществ предприятий и организаций исследуемого региона [5; 18; 19].

С учетом ресурсного подхода решение проблем осуществления логистической деятельности в рамках формирования конкурентных преимуществ предприятий, находящихся на исследуемой территории, и их сохранения сводятся к вопросу постоянного движения необходимого количества и качества определенных ресурсов. Простота использования ресурсного подхода выражается доступностью различных методов расчета величины имеющихся ресурсов. Основным недостатком при использовании данного подхода можно считать одностороннюю характеристику логистического потенциала территории, когда рассматривается только внутренняя среда, а влияние внешнего окружения игнорируется.

2. Результативный подход. С его позиций можно говорить об отражении результата реализации ресурсных возможностей, являющихся характеристикой достигнутого уровня использования логистического потенциала. Другими словами, результативный компонент – это способность системы использовать существующие ресурсы для достижения желаемого результата. Выражается результат в виде показателей динамики спроса на услуги логистической системы, в повышении грузопотоков, в темпах роста внешнеторгового товарооборота, в количестве созданных транспортно-логистических центров, в показателях эффективности протекания логистических процессов, т.е. в количественных и качественных показателях изменения исследуемой системы.

Особое внимание в данном подходе придается таким особенностям логистического потенциала, как изменчивость и адаптивность, позволяющим охарактеризовать потенциал как динамичную систему, которая представляет собой сочетание ресурсной и информационной составляющих, создающих, в свою очередь, условия для развития логистики с учетом результатов предшествующих и текущих периодов. Подобное взаимодействие составляющих системы позволяет ей быстро адаптироваться к изменениям внешней среды и требованиям рынка. Набор показателей, характеризующих логистический потенциал исследуемой системы, может быть достаточно разнообразен, но вместе с тем он должен соответствовать принципам системности, полноты и достоверности, комплексности и репрезентативности, динамичности, измеримости и сопоставимости [16; 17].

3. Целевой подход. Он отражает сущность логистического потенциала территории, рассматривает способность совокупности экономических субъектов при наличии благоприятных условий создавать новые формы управления системами поставок, формируя инновационные логистические сети и каналы сбыта. Если под логистическим потенциалом в целом понимается «способность экономического субъекта при наличии благоприятных условий оптимизировать структуру ресурсов и рационально их использовать для достижения поставленной цели» [24; 25], то в рамках целевого подхода логистический потенциал территории подразумевает кроме описанной выше способности возможности совокупности субъектов управления.

Приведенный анализ подходов позволяет сделать вывод, объединяющий все изученные направления: логистический потенциал территории представляет способность совокупности субъектов при наличии благоприятных условий управлять инфраструктурой транспортного и складского хозяйств региона посредством оптимизации структуры ресурсов и рационального их использования в динамичной среде.

Необходимо отметить, что в состав структуры логистического потенциала региона входят такие составляющие, как транспортный потенциал, потенциал складской инфраструктуры, географическое положение, экономическое состояние, транзитный и таможенный потенциалы, кадровое обеспечение, информационно-коммуникационный потенциал. Данная совокупность характеризует не только инфраструктурный ком-

плекс логістики і суб'ектаў логістычнага рынку рэгіона, но і логістычныя працэсы, працякаючыя ў ім. Паэтыму ацэнку эфэктыўнасці развіцця рэгіона неабходна разглядаць з пункту згляду перспектыв інвеставання сфер эканамічнай дзейнасці, да якіх адносіцца і дзейнасць транспартна-логістычных структур, а таксама удзяляючы асабаве ўважанне пытанням прагнозіравання патэнцыяла рэгіона ў сферы паслуг транспартнага і складскага, рэалізацыя якіх дазваляе тэрыторыям окупаць ўложаныя інвестыцыі.

Целесаабразна праводзіць ацэнку логістычнага патэнцыяла тэрыторыі з улікам новых метадаў аналізу састаятэльнасці тэрыторыі ў сферы логістычных апэрацый як на рэгіянальным, так і на міжнародным узроўні.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь военных терминов / сост. А. М. Плехов. – М. : Воениздат, 1988. – 336 с.
2. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Рос. энцикл., 2004. – 1456 с.
3. Агаларова, Е. Г. Потенциал территории и его роль в развитии экономики региона: теоретический аспект / Е. Г. Агаларова, Л. А. Банникова // Молодой ученый. – 2013. – № 12. – С. 211–213.
4. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Совет. энцикл., 1969–1978. – Т. 19 : Отоми – Пластырь. – 1975. – 648 с.
5. Абалкин, Л. И. Новый тип экономического мышления / Л. И. Абалкин. – М. : Экономика, 1987. – 189 с.
6. Горшенин, В. П. Критерии и показатели инновационного потенциала персонала корпорации / В. П. Горшенин // Инновации. – 2006. – № 4 (91). – С. 115–119.
7. Дрокин, С. А. Функционально-структурное моделирование управления потенциалом промышленного предприятия / С. А. Дрокин // Теория и практика реструктуризации предприятий : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Пенза : Приволж. дом знаний, 2001. – С. 58–59.
8. Большая советская энциклопедия : в 51 т. / гл. ред. С. И. Вавилов (до 1951 г.), Б. А. Введенский. – 3-е изд. – М. : Совет. энцикл., 1949–1958. – Т. 34. – 1955. – 656 с.
9. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2001. – 863 с.
10. Словарь иностранных слов / под ред. О. С. Мельничука. – Киев : Гл. ред. УСЭ АН УССР, 1975. – 777 с.
11. Миско, К. М. Ресурсный потенциал региона (теоретические и методологические аспекты исследования) / К. М. Миско. – М. : Наука, 1991.
12. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18 изд., стер. – М. : Рус. яз., 1987. – 797 с.
13. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Алехина [и др.]. – Изд. 6-е, перераб. и доп. – М. : Совет. Энцикл., 1964. – 784 с.
14. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Астрель : АСТ, 2000. – Т. 1. – 848 с.
15. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 470 с.
16. Шаланов, Н. В. Концептуальный подход к формированию цены на инновационный продукт / Н. В. Шаланов. – Новосибирск : Новосиб. гос. техн. ун-т, 2008. – 28 с.
17. Шафииков, М. Т. Потенциал: сущность и структура / М. Т. Шафииков // Соц.-гуманитар. знания. – 2002. – № 1. – С. 236–246.

18. Чучулина, Е. В. Человеческий потенциал региона с учетом интерспецифического ресурса / Е. В. Чучулина // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Экономика. – 2012. – Вып. № 4. – С. 124–125.
19. Храмцова, Т. Г. Методология исследования социально-экономического потенциала потребительской кооперации : дис. ... д-ра экон. наук / Т. Г. Храмцова. – Новосибирск, 2002. – 374 л.
20. Резанович, Е. А. Смысловые значения понятия «Потенциал» [Электронный ресурс] / Е. А. Резанович // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2012. – № 12. – Режим доступа: <http://research-journal.org/featured/>.
21. Важенина, И. С. Мультиполезная потребительная стоимость территории / И. С. Важенина // Маркетинг. – 2008. – № 2. – С. 24–34.
22. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики / А. Г. Гранберг. – М. : ВШЭ, 2000. – С. 25.
23. Костинский, Г. Д. Идея пространственности в географии / Г. Д. Костинский // Изв. РАН. Сер. «География». – 1992. – № 6. – С. 31–40.
24. Фрейдман, О. А. Анализ логистического потенциала региона / О. А. Фрейдман. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т путей сообщения, 2013. – 164 с.
25. Белых, С. А. Логистическое обеспечение агропромышленного комплекса региона : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.06 / С. А. Белых. – Ростов н/Д, 2000. – 189 л.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.01.2019

Kugan S.F. Logistic Capacity of the Territory: Concept, Features, and Scientific Logic

The variety of concepts of «potential» category in the interpretation of various authors testifies about the interest of researchers in this subject. The research of capacity of the territory in terms of logistics of the region is fundamental for the development of the concept and the strategy of logistics. At the same time understanding not only semantics of the basic concepts, but also their scientific contents is important for such work. The scientific approaches considered in the article investigating the concept «logistic capacity of the territory» allow when developing strategy to choose the most optimum direction for the development of logistics. In this connection, the main thing in formation and development of capacity of the territory is target orientation and complexity, association in uniform process of all elements of business, economic, production, logistic activity and their association in the system operating in the interests of the region with synergetic effect, that is with repeated strengthening of result.

УДК 336.761.1

М.П. Мишкова

магістр экан. наук, ст. прапедаватель каф. управлення, эканомікі і фінансов, аспірант трэцяга года аучэння каф. управлення, эканомікі і фінансов Брэсцкага дасударственага тэхнічнага ўніверсітэта
e-mail: mishkova69@yandex.by

ЛОГИСТИЧЕСКИЙ ФИНАНСОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦЕПИ ПОСТАВОК

Проведен обзор существующих подходов к определению понятия «логистический потенциал цепей поставок». Логистический финансовый потенциал цепи поставок – это совокупность реализованных и нереализованных финансовых возможностей фокусной компании в цепи поставок, которые формируются в определенных условиях внутренней и внешней среды при наличии финансовых средств и могут быть реализованы с помощью системы управления. Рассмотрены основные компоненты внутренней и внешней среды указанного потенциала и выявлены составляющие его оценки.

Введение

Одним из путей повышения эффективности функционирования национальной и региональной экономики выступает активное применение логистической концепции управления финансовыми потоками цепи поставок, которая содействует формированию сетевых структур в рамках одного или нескольких видов деятельности, а также является базой для развития отдельных предприятий, так и промышленных комплексов.

Целью статьи является определение понятия «логистический финансовый потенциал цепи поставок», его основных компонентов внутренней и внешней среды и выявление составляющих его оценки на базе существующих научных исследований.

Первоочередной проблемой, связанной с организацией теоретических исследований и решением практических задач в сфере определения и оценки «логистический финансовый потенциал цепи поставок» является формирование его состава. Поскольку из-за отсутствия исследований указанной категории в научной литературе не рассматривается его состав, обратимся последовательно к определению компонентов понятия «логистический потенциал» как базовому, «логистический потенциал цепей поставок» и «финансовый потенциал» как видам логистического потенциала.

Так, И. Богородов приводит в своих работах следующий перечень компонентов логистического потенциала: розничная сеть, рынок логистических посредников, транспортная инфраструктура территории [1]. Исходя из перечня видно, что автор рассматривает только те компоненты, которые участвуют в непосредственном продвижении материального потока и не затрагивает, на наш взгляд, основные потоки – финансовый, информационный и сервисный. М. Соколов в своей классификации не принимает во внимание торговых и финансовых посредников: транспортная система, информационная система, складская система [2]. Н.П. Кузнецова предлагает рассматривать логистический потенциал как совокупность следующих компонентов: пути сообщения, пассажирооборот, грузооборот, наличие современной системы резервирования, транзитные перевозки грузов всеми видами транспорта, наличие сервисных услуг, пользующихся платежеспособным спросом, внедрение современных систем логистики и поставок сырья, материалов, комплектующих [3]. Предложенный перечень не затрагивает такой важный компонент логистического потенциала как финансовая среда.

С.А. Уваров предлагает рассматривать логистический потенциал как совокупность различных потенциалов, а именно: транспортного, складского, транзитного, кадрового, потенциала привлекательности экономико-географического положения (про-

странственного потенциала) [4]. Данный подход отличается от всех остальных охватом практически всех сфер, оказывающих влияние на эффективное продвижение материального потока. Однако в приведенном перечне отсутствуют такие компоненты, как финансовый и информационный потенциалы.

На наш взгляд, понятие «логистический потенциал цепей поставок как совокупная способность звеньев цепи поставок и факторов внешней среды цепи за счет их взаимодействия обеспечивать оптимальное с точки зрения стоимости, сохранности и скорости продвижение материального потока и сопутствующих ему потоков от источника сырья до потребителя конечной продукции» [5] не учитывает в полном объеме финансового потенциала логистических потоков экономического субъекта.

С экономической точки зрения потенциалом отдельного хозяйствующего субъекта будет являться совокупность различных средств и возможностей для производства и реализации продукции (услуг), позволяющих формировать стабильный положительный финансовый результат. Одним из первых в научный оборот понятие «финансовый потенциал» ввел А.М. Волков, который полагал, что финансовый потенциал представляет собой «часть ресурсов произведенного национального дохода, которая после всех процессов перераспределения воплощается по материально-вещественному составу в приросте средств производства» [6]. В.В. Подкопаев отмечает, что «основой построения цепочки бизнес-процессов в организациях, системы взаимосвязей с участниками рынка и другими рыночными субъектами служит собственный капитал организации. Величина собственного капитала, уровень его использования являются одним из основных составляющих элементов финансового потенциала предприятия» [7].

Интересен подход Ю.С. Валеевой, которая полагает, что финансовый потенциал организации является комплексным понятием и характеризуется структурными элементами, отражающими наличие и размещение средств, реальные и потенциальные финансовые возможности [8]. Особенностью данного подхода является то, что автор акцентирует внимание не столько на обеспеченности, сколько на размещении средств, что с учетом вопросов выбора вариантов размещения средств в процессе управления финансовым потоком является еще более важной компонентой.

Необходимо отметить, что уровень финансового потенциала предприятия (фирмы) не является статической величиной и зависит от множества факторов её внешней и внутренней финансовой среды, от взаимодействия с различными государственными, кредитными и банковскими организациями, т.е. финансовый потенциал предприятий и организаций при рассмотрении финансового потенциала цепей поставок выступает как его структурообразующий элемент.

На наш взгляд, существенное отличие финансового потенциала предприятия от «логистического финансового потенциала цепи поставок» состоит в том, что в цепи поставок имеет значение добавленная стоимость на каждом этапе создания нового продукта или услуги, а также передачи её покупателям и заказчикам. Посредством принятия оптимальных управленческих решений на каждом этапе бизнес-процесса созданная добавленная стоимость будет максимальна при условии минимальных затрат применительно к цепи поставок. Важным отличием также является возможность использования различных финансовых инструментов в части осуществления расчетных операций для оптимизации финансового потока в целом по цепи. Наряду с указанными выше отличиями общим является то, что показатели финансового потенциала предприятия как структурообразующего элемента цепи имеют финансовое значение для каждого её звена. Скорость движения финансового потока по цепи поставок определена выбранным расчетным инструментом, но также зависит и от финансового состояния каждого звена цепи. Так, при выборе инструмента оплаты по условиям договора, как правило, обращают внимание не на то, за что и кому из участников хозяйственных отношений будет произ-

веден платеж, а на финансовые возможности или финансовый потенциал каждого предприятия в цепи создания добавленной стоимости или цепи поставок.

Таким образом, в результате проведенных исследований, можно сделать вывод, что цепи поставок ещё не изучены в контексте их «логистического финансового потенциала цепи поставок». Среди всех существующих подходов преобладает ресурсная концепция финансового потенциала предприятия, которая заключается в определении финансового потенциала как совокупности финансовых ресурсов, которые принимают участие в хозяйственной деятельности и характеризуются возможностью их привлечения для финансирования как будущей деятельности предприятия, так и стратегических направлений его развития. Данное определение является весьма общим и отображает только реально достигнутые финансовые результаты. К тому же финансовые потоки (ресурсы) существуют независимо от субъектов экономической деятельности, в то время как «потенциал» невозможно отделить от понятия «управление», поскольку финансовые потоки (ресурсы) не способны трансформироваться в финансовые результаты.

Учитывая проведенные исследования, основанные на научных разработках в области оценки и управления финансовым потенциалом, предлагаем определить «логистический финансовый потенциал цепи поставок» как *совокупность реализованных и нереализованных финансовых возможностей фокусной компании, которые формируются в определенных условиях внутренней и внешней среды при наличии финансовых средств и могут быть реализованы с помощью системы управления.*

Существующие подходы к оценке финансового потенциала предприятия, которые базируются на оценке финансового состояния предприятия, финансовой устойчивости, прибыли, фондоотдачи, рентабельности капитала и других показателей, не являются совершенными с точки зрения возможности их применения к цепи поставок. Поэтому предлагаем понимать под «финансовыми возможностями» *совокупность финансовых средств фокусной компании, которые могут быть использованы в системе управления как источники возникновения финансовых потоков для достижения оптимального результата в цепи при наличии определенных условий, способствующих этому.*

Таким образом, при оценке финансовых возможностей, мы учитываем:

- 1) финансовые средства, которые являются необходимым условием возможностей;
- 2) условия (факторы), которые позволяют использовать эти возможности;
- 3) эффективность системы управления, которая позволяет в полной мере использовать финансовые возможности.

Финансовый потенциал наряду с логистическим потенциалом цепей поставок проявляет свою максимальную эффективность в качественном продвижении продукции до конечного потребителя за счет использования внутреннего финансового ресурса цепи поставок. Это, на наш взгляд определяет, не только научный, но и практический интерес к исследованиям, объединяющим понятия «логистический потенциал цепи поставок» и «финансовый потенциал», расширяя научное мировоззрение в области управления цепями поставок, усиливая их практическую направленность.

Уровень развития данного потенциала определяется прежде всего факторами его развития, в качестве которых можно выделить формирование глобальных цепей поставок и цепей поставок в рамках региональных кластеров, отраслей экономики, внедрение новых логистических технологий доставки грузов, а так же оптимизация финансовых потоков в цепи поставок за счет использования внутреннего финансового резерва предприятия с учетом основных компонентов внутренней и внешней среды.

Основные компоненты внутренней и внешней среды потенциала представлены на рисунке.

Рисунок. – Компоненты логистического финансового потенциала цепей поставок предприятий промышленности

В результате обобщения существующих взглядов ученых были выделены компоненты «логистического финансового потенциала цепи поставок». Все предприятия, являющиеся звеньями цепи поставок (в том числе транспорт, склады, прочие участники), будут компонентами внутренней среды. Основной компонент потенциала – звенья цепей поставок. К звеньям цепей поставок относятся поставщики, производитель, покупатели, логистические посредники, прочие участники.

Во внешней среде поставок основным компонентом финансового потенциала цепей поставок является нормативно-правовое регулирование процесса движения финансовых потоков. Внешняя среда, в которой осуществляются хозяйственные операции, непостоянна и реагирует на изменения законодательства, рынка и условий конкуренции. Так, в 2017 г. в Республике Беларусь был принят ряд законодательных актов, которые существенно изменили условия деятельности предприятий не только на текущий момент, но и с учетом перспектив развития. Наиболее значимым, на наш взгляд, является вступивший в силу 28 марта 2018 г. Декрет № 8, который легализует ICO, криптовалюты и смарт-контракты [9]. Благодаря принятию этого документа Республика Беларусь становится первой в мире юрисдикцией с комплексным правовым регулированием бизнесов на основе технологии блокчейн. Декрет не предполагает никаких ограничений

и специальных требований к операциям по созданию, размещению, хранению, отчуждению, обмену токенов, а также деятельности криптобирж и криптоплатформ. Деятельность по майнингу, приобретению, отчуждению токенов, осуществляемая физическими лицами, не является предпринимательской деятельностью, а токены не подлежат декларированию. При этом до 2023 г. деятельность по майнингу, созданию, приобретению и отчуждению токенов не облагается налогами, что будет способствовать оптимизации финансовых потоков. Пока в качестве основной экспериментальной площадки для реализации пилотных проектов по операциям с токенами определен Парк высоких технологий.

С запуском работы криптовалюты Bitcoin в 2009 г. и вместе с ней технологии записи данных блокчейн появилась возможность создавать децентрализованные системы покупки товаров (продукции, работ, услуг), записи данных и обмена валюты.

Ещё одним существенным компонентом указанного потенциала во внешней среде является возможность применения инструментов управления финансовыми потоками с учетом действующего законодательства. Существующие финансовые потоки в структуре логистического цикла (дебиторская, кредиторская задолженности) тесно связаны с материальными потоками. Именно неразрывная связь с материальными потоками является критерием отнесения финансового потока к сфере управления инструментами финансовой логистики. Так как предметом финансовой логистики являются регулирующие, поступающие из внешней финансовой среды, эффект управления образуется по двум направлениям:

1) сокращение транзакционных затрат по привлечению финансовых ресурсов (сделки авального, акцептного, вексельного кредитов, взаимодействия фокусной компании цепи поставок с финансовой инфраструктурой в виде банка);

2) сокращение логистического цикла (сделки факторинга и форфейтинга); высвобождение оборотных средств (сделки секьюритизации векселями и складскими свидетельствами расчетов между контрагентами цепи поставок).

Наличие интегрированной информационной платформы, открытой для всех участников цепей поставок в рамках страны или региона, наподобие международной межбанковской системы передачи информации и совершения платежей SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications), позволило бы участникам цепей поставок оптимизировать систему управления финансовыми потоками.

Перечисленные компоненты являются той базой, которую необходимо совершенствовать для достижения своевременного, качественного продвижения материального потока от производителя к потребителю с наименьшими издержками, максимальной возможностью использования резервов оптимизации финансовых потоков и максимальным финансовым результатом путем моделирования системы управления финансовыми потоками в цепи поставок предприятий.

Заключение

По результатам проведенных исследований можно сделать вывод, что рассмотренное в статье определение «логистический финансовый потенциал цепи поставок» объединяя такие понятия, как «логистический потенциал цепей поставок» и «финансовый потенциал», имеет научную и практическую значимость. Логистический финансовый потенциал цепи поставок представляет собой совокупность реализованных и нереализованных финансовых возможностей предприятия, которые формируются в условиях внутренней и внешней среды при наличии финансовых средств и могут быть реализованы с помощью системы управления финансовыми потоками. Определенные компоненты внутренней и внешней среды применительно к данному потенциалу позволяют использовать все предоставленные финансовые возможности.

Для оценки данного потенциала предложено считать финансовыми возможностями совокупность финансовых средств предприятия, которые могут быть использованы в системе управления как источники возникновения финансовых потоков для достижения оптимального результата в цепи при наличии определенных условий, способствующих этому. Необходимо также оценивать условия, которые позволяют использовать эти возможности для повышения эффективности системы управления финансовыми возможностями.

Оценка логистического финансового потенциала цепи поставок будет способствовать поиску резервов оптимизации финансовых потоков как цепи в целом, так и отдельных её элементов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богородов, И. Амбиции регионов на транспортно-логистическом рынке [Электронный ресурс] / И. Богородов // Бизнес-портал «Континент-Сибирь». – Режим доступа: <http://www.rutruck.ru/analytics>. – Дата доступа: 09.08.2018.
2. Соколов, М. Логистический потенциал Петербурга [Электронный ресурс] / М. Соколов // Рос. эксперт. обозрение. – 2007. – № 1. – Режим доступа: <http://www.protown.ru/russia/city/articles>. – Дата доступа: 09.08.2018.
3. Кузнецова, Н. П. Логистический потенциал как фактор инновационной активности региона / Н. П. Кузнецова // Вестн. ОрелГИЭТ. – 2012. – № 1 (19). – С. 73–80.
4. Уваров, С. А. Управление логистической инфраструктурой: проблемы становления и развития [Электронный ресурс] / С. А. Уваров. – Режим доступа: http://www.yuzhno-sakh.ru/files/prodresyrs/logist/doklad_2_yvarov. Doc. – Дата доступа: 08.08.2018.
5. Гулягина, О. С. Логистический потенциал цепи поставок: понятие и показатели оценки / И. И. Полещук, О. С. Гулягина // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2014. – № 14. – С. 141–145.
6. Гарин, А. П. Теоретические аспекты оценки экономического потенциала предприятия / А. П. Гарин // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – 2012. – № 2. – С. 38–40.
7. Подкопаев, В. В. Анализ экономической сущности категории «потенциал предприятия» / В. В. Подкопаев // Современные тенденции формирования стратегии инновационного развития бухгалтерского учета, анализа, аудита : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 110-летию ФГБОУ ВПО СПбГАУ. – СПб., 2014. – С. 116–119.
8. Кабанова, Н. И. Методические подходы к оценке финансового потенциала предприятий [Электронный ресурс] // Новые технологии. – 2013. – № 2. – Режим доступа: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-podhody-k-otsenke-finansogo-potentsiala-predpriyatiy>. – Дата доступа: 24.09.2018.
9. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8. – Режим доступа: <http://www.minfin.gov.by/>. – Дата доступа: 24.09.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 08.01.2019

Mishkova M.P. Logistic Financial Potential of Supply Chains

A review of existing approaches to the definition of the «logistics potential of supply chains» was conducted. The concept of «logistics financial potential of the supply chain» is defined as a set of realized and unrealized financial capabilities of the focusing company in the supply chain, which are formed in certain conditions of the internal and external environment with available funds and can be realized using the management system. The main components of the internal and external environment of this potential are considered and its composition is revealed.

УДК 336.71

П.А. Черновалов¹, Ж.В. Черновалова²¹магістр экон. наук, аспірант каф. менеджмента

Брестского государственного технического университета

²ст. преподаватель каф. экономики и управления

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

e-mail: happyminty@mail.ru

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОВ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА
И СТРУКТУРЫ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

Рассмотрено влияние достижений цифровой экономики на эволюцию рынка труда, которая ведет к преобразованию отношений между работодателем и работником. Происходит переход от стандартной занятости к гибким формам организации труда, который основан на частичной занятости и занятости на расстоянии посредством телеработы.

Введение

Понятие цифровой экономики довольно общее, широкое и связано с описанием тех видов рынков, которые используют цифровые технологии. Это, как правило, обмен информацией, экономическими благами и услугами, получаемыми при помощи электронных каналов связи, а также характеризующимися довольно сложной внутренней организацией, в рамках которой происходит разделение каналов передачи и обработки данных. Практика показывает, что цифровая экономика развивается в ускоренном темпе, проникая в такие отрасли, как торговля, транспорт, клининг, уборка улиц и прочих объектов городской инфраструктуры, здравоохранение, образование, а также в межличностные отношения и отношения со средствами массовой информации.

В этих условиях более важной характеристикой, чем стабильность и продолжительное время работы, что предусмотрено в классической системе управления рабочим временем, становится эластичность и многофункциональность работника. Дальнейшее развитие эластичного рынка труда выдвигает на первое место такие методы управления рабочим временем, как неопределенная продолжительность рабочей смены или трудового договора, неполная продолжительность рабочего времени, а в последнее время деление рабочей смены на части (work sharing) и деление рабочих мест (job sharing).

Разновидностью неопределенной продолжительности трудового договора является interim management, или временный менеджмент. Этот современный эффективный вид управления рабочим временем получает все большую популярность на Западе, а также в Польше вместе с вхождением на её рынок западных компаний. Interim management впервые появился в Швеции в 60-х гг. XX столетия и получил своё развитие в Голландии в 1990-х гг. Это новый вид трудоустройства, отличный от трудового контракта, к чему фирмы были предрасположены действием социально ориентированного трудового законодательства. Interim management был принят также в Англии, Бельгии и Германии, а в последнее время в связи с развитием цифровой экономики в США, Австралии и Франции.

«Временный менеджмент» предназначен для менеджеров и управленцев с богатым многолетним опытом работы и очень высоким уровнем квалификации и человеческого капитала. Польская практика показывает, что уже в 40–50 лет некоторые высококвалифицированные специалисты могут получить такой статус. Необходимо всё же учитывать, что существуют различные трактовки этого статуса в Польше и на Западе,

так как под этим понятием зачастую скрывается обыкновенный «консультант», что характерно для стран Восточной Европы и России, где имеются также различия в характеристиках институциональной среды. Принципиальная разница между ними такова, что консультант только предлагает и указывает место, где могут быть реализованы определенные решения, а *inter manager* принимает фактические решения и несёт за них ответственность. *Interim management* вводится на определенный промежуток времени, когда фирма не хочет или не может использовать своего штатного работника. Чаще всего причиной такого поведения фирмы служит кризис или поворотный момент в её стратегическом развитии: создание или ликвидация, изменение системы управления, введение инноваций, новых программ или проектов. Услугами *inter manager* пользуются в этих случаях на протяжении 6, 8, 12 или 18 месяцев, реже – более продолжительное время. Нечто похожее на *временный менеджмент* используется в России и Беларуси в процедурах банкротства предприятий, когда на должность антикризисного управляющего в процедуре санации и защитного периода (Беларусь) или временного управляющего в процедуре финансового оздоровления (Россия) принимается высококвалифицированный специалист, прошедший специальное обучение и имеющий разрешительный сертификат.

Временный менеджмент (interim management), сезонная или частичная занятость (*casual work*), работа на основе бонусов на трудоустройство (*voucher based work*), работа в рамках проекта (*portfolio work*), договора о совместной деятельности (*collaborative employment*), а также непосредственно цифровые виды занятости, как, например, работы на онлайн-платформах, фактически перечеркивают все существующие сегодня стандартные институты управления трудом на основе трудового законодательства.

Работа на основе принципа «по вызову» имеет уже многолетнюю традицию и развивается – применяется метод составления трудового договора «*zero hours contracts*». В данном случае продолжительность рабочего времени не указывается, и в рамках такого договора работодатель не гарантирует работнику даже минимальной продолжительности рабочего времени на протяжении месяца. Однако современные информационные технологии, компьютеризация и цифровизация, использование мобильных устройств и смартфонов, совершенные технологии геолокализации и др. придают этим видам и методам управления рабочим временем новое измерение.

Работа в рамках цифровых онлайн-платформ появилась вместе с развитием цифровой экономики. В той же мере, что и расширенное представление о цифровой экономике, связанная с ней занятость охватывает всё большее количество ситуаций, в которых работники используют цифровые технологии и мобильные устройства. Специалисты по проблеме цифровой экономики выделяют в ней два основных вида занятости: работа с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (*ICT based work*) и работа в рамках цифровых платформ («*crowdwork*»).

Другой разновидностью «виртуальной работы» является работа по желанию с привлечением специальных приложений для работы в Интернете (*work on demand via apps*). Это такие формы организации работы, в рамках которых традиционные задания (транспортировка, уборка помещений, решение несложных вопросов бизнеса, некоторые простые офисные работы) поручаются исполнителям при помощи специальных программных приложений к мобильным устройствам, например, смартфонам.

Разница между этими способами исполнения работы следующая. Работа на онлайн-платформах может осуществляться в любое удобное для исполнителя время и в любом месте. Зачастую это микрозадания, необходимые для реализации некоего предприятия, монотонные работы невысокого уровня сложности, требующие внешнего контроля и управления (например, кодирование, обозначения для фотографий, обработка или правка текстовых переводов, проведение анкетирования и пр.). Таким же образом

организуются и более сложные работы: например, графическое проектирование, проектирование интернет-страниц, некоторые правовые и страховые услуги с использованием специальных мобильных приложений. Традиционные задания из другой модели – *work on demand via apps* – в рамках транспортировки и уборки помещений реализуются в определенное время, в установленном месте, но не конкретным исполнителем.

Суммируя все вышеизложенное, можно утверждать, что появление и распространение новых форм организации работы в цифровой экономике является важной причиной и основанием для отхода от существующих традиционных моделей и институтов рынка труда (основанных на действующем трудовом законодательстве) и поиска новых методов управления рабочим временем в рамках договора найма или трудового контракта и, как нам представляется, формулирования *новых институтов рынка труда* на основе *новой отрасли трудового права – права трудоустройства в виртуальном рынке труда*.

Другим возможным предложением может быть третья форма организации трудовой деятельности, находящаяся между трудовым законодательством и договорными отношениями из гражданского права, применяемая сегодня в Италии, Германии и Испании. Здесь имеется в виду *самозанятость*. С одной стороны, такая форма организации труда достаточно эластична к условиям цифровой экономики, с другой – может привести к снижению защитных характеристик организации труда, которые гарантированы государством и должны исполняться работодателями, но не всегда исполняются самозанятым ввиду того, что восприятие им действующего законодательства достаточно условно.

Развитие цифровых технологий и становление модели экономики без посредников создает серьезные вызовы для банковской системы и требует от коммерческих банков разработки мероприятий по приспособлению к новой технологической ситуации [1]. Эволюция направлений деятельности современного коммерческого банка выявляет необходимость формулировки заново стратегии его развития в направлении строительства преимущественно долгосрочной стабильности, а не максимизации прибыли в кратчайшие сроки. И здесь основное внимание, по нашему мнению, следует обратить на такой фактор, как информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Стремительное их развитие серьезно повлияло на возникновение новых методов обслуживания клиентов, а также на построение моделей организационных структур [1].

Еще несколько лет назад наиболее распространенной структурой коммерческого банка была следующей:

- 1) штабные структурные элементы (секретариат, отделы стратегического развития, внешних сношений и маркетинга, правовой и ревизионный);
- 2) структурные элементы обслуживания клиентов: департаменты предприятий и организаций, аналитики банковского риска, внешнеэкономических связей (сеть корреспондентских счетов, кредитных линий, информации и консультирования);
- 3) структурные элементы по обслуживанию основной деятельности (департаменты бухгалтерского учета, планирования и контроля, управления активами и пассивами (управление ликвидностью, риском, планирование капитала), кадровый, административный, организационный).

Большинство белорусских банков функционируют на базе организационной формулы, внедренной в 90-х гг. XX в. Она основана на широко понимаемой автономности и самообеспечении. В самом простом виде эта модель может рассматриваться как *холдинг*, состоящий из центра и региональных подразделений. Центральное подразделение занимается процессами координации, регулирования инвестиций и др.; региональные же представляют собой уменьшенную модель центрального органа с расширенными функциями по продажам основного банковского продукта. Широкое внедре-

ние в последнее десятилетие ИКТ вынудили банки осуществлять организационные и кадровые реструктуризации. Информация, формирующаяся на уровне подразделения, обрабатывается уже на уровне центрального управления, в результате чего стало возможным удалить из региональных подразделений аналитические и прочие вспомогательные службы. До внедрения ИКТ региональные отделы могли насчитывать несколько сотен работников, а сами подразделения были большими универсальными объектами, занимавшими отдельные здания.

В современных условиях оптимальные структуры приобретают иную формулу: это небольшие организационные подразделения, состоящие из нескольких человек и находящиеся на территории других хозяйствующих субъектов, например, гипер- или супермаркетов, причем их профиль уже не является классически банковским¹. Однако формат небольшого банковского киоска (на основе западного опыта) уже не свидетельствует о гарантиях его результативности и эффективности функционирования [2]. Сегодня вводятся новые организационные модели, предназначенные для индивидуального обслуживания конкретного клиента с закреплением за ним индивидуального банковского служащего, а также использование аутсорсинга в рамках выводимых из региональных подразделений аналитических и вспомогательных функций. В результате общая концепция организационной структуры управления банком становится всё более разнообразной [2].

В соответствии с некоторыми прогнозами Cisco к 2020 г. в сети Интернет будет насчитываться до 100 млрд объектов [3], поэтому в ближайшее время следует ожидать быстрого роста использования цифровых устройств в различных сферах жизни [4]. С одной стороны, будут распространяться решения, позволяющие использовать мобильные телефоны, с другой – можно ожидать создания инфраструктуры для Интернета вещей и электронных цифровых денег (например, биткоинов), а также прочие, ещё не совсем достоверно описанные процессы. Это означает, что в ближайшей перспективе коммерческие банки должны будут преобразовать свою деятельность, приспособив её к изменяющимся потребностям клиентов и внедряя новые методы организации труда. Так, уже сегодня развивается е-банкинг, е-услуги и е-покупки; значительная часть действий выполняются самими клиентами на основе *самозанятости*, появляется эффект замены труда людей работой машин. Хотя некоторые исследователи пророчески завершают занятости людей, однако более вероятно, что спрос на работников в коммерческих банках сохранится, но претерпит значительные перемены и повлияет на состояние организационных структур [5].

Вступление в силу Декрета № 8 «О развитии цифровой экономики» [6] расширяет использование в экономике Беларуси технологии блокчейн и использование криптовалют, например, биткоин (BTC). Применение BTC не требует разветвленной и сложной системы *биллинга* (автоматизированной системы учета предоставленных услуг, их тарификации и выставления счетов для оплаты) и организаций-посредников (банков) – достаточно отправителя и получателя, которые используют компьютеры, подключенные к сети Интернет [7–9]. Реализация этой функции приведет к резкому снижению числа организационных структур, обслуживающих клиентов, банкоматов, инфокиосков и прочих элементов банковской инфраструктуры, а также к сокращению численности работников.

Как известно, функция меры стоимости товаров и услуг реализуется Центральным банком и правительством любой страны, которые могут изменить установленный

¹ Если в Беларуси это услуги широкого финансового ассортимента, иногда страховые услуги, то в странах Западной Европы это еще и услуги посредничества при операциях с недвижимостью, туристические услуги и некоторые другие.

ранее масштаб цен путем проведения денежной реформы. В отношении ВТС такие действия отдельно взятого правительства невозможны, так как масштаб цен в данном случае устанавливается в наднациональном порядке. Это приведет к сокращению числа национальных валют, появлению валют и криптовалют, эмитируемых группой стран в рамках интеграционных экономических союзов, реструктуризации коммерческих банков, их слияниям и поглощениям, к формированию все более крупных транснациональных банковских организаций либо слияниям их с интернет-гигантами (Гугл, Яндекс).

Заклучение

Итак, традиционная структура банков в XXI в. претерпит существенные изменения [8; 9]. Их материально-вещественная форма в виде огромных строений должна исчезнуть. Технологическая деятельность станет осуществляться крупными вычислительными комплексами, которые будут вынесены за пределы городов. Информационные технологии, скорее всего, приведут к ликвидации большей части существующих коммерческих банков, а вся учетно-расчетная и обслуживающая деятельность сосредоточится в нескольких мировых центрах. Кредитный рынок, вероятно, будет уменьшаться в своих размерах, так как на каждом учетно-расчетном счете гражданина или фирмы остаток, превышающий его потребительские нужды, будет автоматически переходить в разряд сбережения; акции и облигации, вероятно, будут заменены соответствующими инструментами краудэкономики [7–9].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черновалов, А. В. Институциональное измерение цифровой экономики / А. В. Черновалов, П. В. Солодуха // Соц. политика и социология. – 2016. – Т. 17, № 2. – С. 104–112.
2. Arthur, W. B. The second economy / W. B. Arthur // McKinsey Quarterly. – 2011. – № 10.
3. Cisco i GBN. The Evolving Internet: Driving Forces, Uncertainties and Scenarios to 2025. – Lisbon Council Policy Brief, 2010.
4. Ключня, В. Л. Институциональная среда и эффективность формальных хозяйственных правил / В. Л. Ключня, А. В. Черновалов // Вестн. БГУ. Сер. 3. – 2009. – № 1. – С. 95–102.
5. Черновалов, А. В. Что думают эксперты по поводу декрета «О развитии цифровой экономики»? / А. В. Черновалов // Вечерний Брест. – 2018. – 7 янв.
6. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/novosti/novosti-pravoby/2017/december/26958>. – Дата доступа: 20.01.2018.
7. Friliciak, M. Treści cyfrowe. Przemiany modeli biznesowych i relacji między producentami i konsumentami / M. Friliciak. – Warszawa : MGG Conferences, 2012.
8. Grzejszczak, M. Bitcoin walutą przyszłości czy ciekawostką chwili? / M. Grzejszczak // Obserwator Finansów. – 2013. – № 32.
9. Kulisiewicz, T. Kierunki rozwoju technologii informacyjnych oraz ich zastosowań w sektorze bankowym / T. Kulisiewicz, M. Średniawa. – Warszawa : MGG Conferences, 2012.
10. Лунева, Е. И. Стратегия кадрового планирования на предприятиях индустрии красоты / Е. И. Лунева // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. – 2013. – № 5-1. – С. 17–23.
11. Суптело, Н. П. Опыт применения различных режимов гибкого рабочего времени / Н. П. Суптело // Современные тенденции социального, экономического и право-

вого развития стран Евразии : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Г. Казимилова. – М., 2016. – С. 505–513.

12. Черновалов, А. В. Начала количественного анализа в институциональной экономике: социальный аспект : монография / А. В. Черновалов, П. В. Солодуха, П. А. Черновалов. – М. : РУСАЙНС, 2017. – 254 с.

13. Черновалов, А. В. Институционалистика : монография / А. В. Черновалов. – Брест : БрГУ, 2010. – 235 с.

14. Черновалов, А. В. Нравственный институционализм: основы новой экономической программы исследований в XXI веке / А. В. Черновалов, П. В. Солодуха, П. В. Черновалов // Экон. системы. – 2016. – № 4. – С. 4–10.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.05.2018

Chernoalov P.A., Chernoalova Z.V. Improving the Organization Methods of Labour and the Structure of Commercial Banks in Digital Economy

The article discusses the impact of the digital economy on the evolution of the relations on the labour market, which leads to the transformation of the relationship between an employer and an employee. The transition from standard employment to flexible forms of work organization, which is based on a partial employment and employment in the distance via telecommuting occurs.

УДК 33.334.7

Н.И. Зайцева¹, Н.В. Крылович²¹ст. преподаватель каф. экономики и управления

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

²студентка IV курса юрид. факультета (специальность «Бизнес-администрирование»)

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

e-mail: ¹ninazaits@mail.ru; ²nataliakrilovich@mail.ru**ПРЕИМУЩЕСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КЛАСТЕРОВ
В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ**

Повышения конкурентоспособности экономики предприятий можно достичь только благодаря переходу на инновационную модель развития. Высокая конкуренция создает значительные трудности для осуществления деятельности практически всех предприятий и организаций. Возрастание роли образования в построении белорусского общества определяет императив инновационной подготовки специалистов как сферы национальных интересов и фактора социальной модернизации Беларуси. Создание взаимосвязи между различными отраслями и разработка общего единого продукта (услуги) – сегодня одно из самых наиболее успешных средств повышения эффективности деятельности организаций. Кластерные ресурсы высшего образования не просто актуальны – они востребованы для научно-исследовательских отношений многостороннего социального партнерства.

Введение

В современных условиях субъектам хозяйствования приходится постоянно сталкиваться с различными ситуациями, усложняющими процесс их деятельности. Переход на инновационную модель предполагает использование кластерной системы как сконцентрированной по географическому признаку группы взаимозависимых компаний, связанных совместными интересами и взаимодополняющими друг друга.

В экономике понятие кластер включает в себя взаимозаменяемые элементы, относящиеся к самодостаточной локализованной сфере производства или услуг определенного направления. Это может быть группа взаимосвязанных организаций, компаний, банков, учреждений образования, поставщиков продукции и комплектующих, научно-исследовательских институтов, которые сконцентрированы на некоторой территории, взаимодополняющие друг друга и усиливающие конкурентные преимущества отдельных компаний, а также всего кластера в целом. По своей сути они являются не какой-то организацией, а только определенной группой, в которую объединяются предприятия одного региона. Эти предприятия являются независимыми и конкурируют с остальными участниками кластера. Такая форма объединения обладает достаточно высокими показателями конкуренции, кооперации и в целом эффективности экономики.

Термин «кластер» пришел в экономику, как и в другие науки, из ядерной физики. Там он обозначает «коррелированную группу элементарных частиц» и используется при изучении радиоактивного распада элементов. Нуклоны, входящие в состав ядер, обладают достаточно большой кинетической энергией, и, сталкиваясь между собой во время движения внутри ядра, они на короткие промежутки времени могут образовывать такие группы, которые по своим характеристикам похожи на отдельно существующие ядра такой же массы. Эти группы нуклонов называют кластерами.

Методологические подходы к определению «кластера»

Непосредственно в экономике термин «кластер» стал широко использоваться лишь в конце XX в. Однако предпосылки для понимания этой категории как особого явления в экономике начали формироваться уже в XIX в., что связано с идеями А. Маршалла о «локализованной промышленности» – концентрации специализированных от-

раслей в отдельных местностях. Понятие «кластер» использовали также профессор Гарвардской школы Майкл Портер, экономист и социолог Йозеф Шумпетер и др.

Йозеф Шумпетер рассматривал кластеры в своем труде «Теория экономического развития: анализ прибылей, капитала, процента и цикла деловой активности». В нем он рассматривал появление так называемых «кластеров нововведений». По Шумпетеру, существуют предприятия-новаторы и предприятия-имитаторы. Новаторы первыми внедряют новшество, преодолевая при этом разные барьеры (непонимания, административные), имитаторы же используют уже внедренное новшество в своем производстве. Постепенно имитаторами становится все большее число предприятий из разных отраслей, что порождает волну нововведений, или же кластер инноваций.

По мнению Майкла Портера, «кластеры являются организационной формой консолидации усилий заинтересованных сторон, направленных на достижение конкурентных преимуществ, в условиях становления постиндустриальной экономики». Т.е. он рассматривает кластеры уже как некое устойчивое взаимодействие фирм.

Российский исследователь А. Мигранян считает, что кластер – это «сосредоточение наиболее эффективных и взаимосвязанных видов экономической деятельности, т.е. совокупность взаимосвязанных групп успешно конкурирующих фирм, которые образуют «золотое сечение» всей экономической системы государства и обеспечивают конкурентные позиции на отраслевом, национальном и мировом рынках».

Российские ученые М. Афанасьев и Л. Мясникова главным в структуре кластера считают распространение инноваций на всю цепочку создания стоимости и единое логистическое окно для взаимодействия с внешней средой.

Кластер – это сконцентрированная на некоторой территории группа взаимосвязанных компаний: поставщиков оборудования, комплектующих и специализированных услуг; инфраструктуры; научно-исследовательских институтов; ВУЗов и других организаций, взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом. В сущности, кластеры – это переходный уровень между отдельными предприятиями, а также отраслевыми или региональными комплексами, являющимися более масштабными по тому или иному признаку объединениями. Они сочетают в себе стороны всех этих систем. Создание кластера является результатом управленческого решения и носит проектный характер. Более того, кластер – это динамичная структура, элементы которой могут меняться прямо в процессе производственной деятельности. Благодаря всему вышперечисленному управление кластером может использовать как стандартные методы управления экономикой предприятия, так и проектные методы управления, применяемые для изменчивых образований. Это позволяет исключить одностороннее рассмотрение как процессов, протекающих в пределах самого кластера, так и процессов, влияющих на кластер извне.

Кластеры в образовании – открытая система образовательных, производственных, научных и других органов с формами образовательной деятельности в определенных областях (ресурсосбережение, робототехника и другие). Эта совокупность осуществляет связь через информационную сеть, договора, что позволяет значительно увеличить образовательные ресурсы в системе.

В условиях высокой конкуренции организациям очень трудно удерживать и укреплять свои позиции. В каждой сфере деятельности сегодня наблюдается острая конкурентная борьба. Предприятиям приходится прикладывать все усилия часто не на развитие, а на то, чтобы не отставать от конкурентов по многим позициям. Особенно тяжело приходится предприятиям малого бизнеса. Функционирование рынка без существования на нем конкуренции практически невозможно в современной экономике. Конкуренцию можно рассматривать как положительное явление, и как предпосылку для создания эффективного объединения организаций.

Всё большую актуальность на сегодняшний день приобретает перспектива создания партнерских связей между организациями. Атмосфера партнерства и доверия между предприятиями создает благоприятную основу для осуществления их деятельности. Преимуществ партнерства между организациями достаточно много. У организаций увеличивается доступ к инновационным и инвестиционным разработкам, появляются возможности модернизации собственных производств, использования достижений технического прогресса.

Наиболее перспективным в настоящее время видится партнерство между организациями различных областей деятельности, например, между производством и научными учреждениями, которые будут предоставлять своим партнерам не материальные ценности, а результаты научных работ и исследований, маркетинговый анализ, разработку НИОКР и др. Для научных организаций же будет создаваться перспектива внедрения результатов в производство и дальнейшее финансирование деятельности.

Сегодня в целях повышения уровня доходов населения районов, обеспечения дополнительных рабочих мест и усиления конкурентной позиции на внутреннем и мировом рынках во многих мировых практиках используется система кластерной политики. Опыт ведущих стран мира показывает, что кластерная политика – это наиболее эффективный инструмент, который создает условия для развития и осуществления развитой и динамично функционирующей экономики. В качестве примеров можно назвать автомобильный кластер (Северный Рейн – Вестфалия, Германия), химический кластер (Сингапур), кластер связи и телекоммуникаций (Италия, Финляндия). Успешны кластеры в сфере малого и среднего бизнеса (производство мебели, обуви, продуктов питания), в инновационной сфере (биотехнологии, телекоммуникации), в крупном промышленном производстве (автомобилестроение) [1].

Преимущества кластерной политики

Главной целью кластерной политики является достижение высокого уровня развития, устойчивого роста, роста экономики за счет повышения конкурентоспособности предприятий. Условия и мотивы к развитию получают все участники кластеров, включая поставщиков оборудования и комплектующих, компаний, обеспечивающих процесс работы, в том числе сервисные, консультационные, исследовательские и образовательные организации. Целью кластерной политики также является развитие технологий и отраслей в целом, когда страна стремится достичь преимущества на мировом и внутреннем рынках. Кластерная политика любого государства прежде всего направлена на создание условий для развития. При этом для её эффективности необходимо решить следующие задачи:

- 1) формирование условий, обеспечивающих работу высокотехнологичных предприятий, способствующих увеличению конкурентных преимуществ участников;
- 2) обеспечение эффективной поддержки, в том числе малого и среднего бизнеса;
- 3) привлечение инвестиций, развитие инновационной и промышленной политики, стимулирование экспорта;
- 4) информационная поддержка, обеспечение консультационного, методического и образовательного содействия кластерной политике;
- 5) объединение деятельности всех участников процесса: государства, местной власти, науки и бизнеса.

Создание кластеров даёт возможность использовать конкурентные преимущества территории, поскольку группа компаний из взаимосвязанных отраслей, а также предприятий, обеспечивающих их деятельность, прямо влияют на развитие региона и экономики страны в целом.

Кластер представляет собой сконцентрированную на некоторой территории группу взаимосвязанных организаций (компаний, корпораций, университетов, НИИ, банков): поставщиков продукции, комплектующих и специализированных услуг; научно-исследовательских институтов; вузов и других организаций, взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом. Кластер обладает свойствами взаимной конкуренции его участников, объединения деятельности, формированием концентрации предприятий и организаций на определенной территории. Кластеры стали важным и эффективным инструментом экономической политики и реализации стратегии развития страны, области, региона. Значительно увеличился объём средств, направленных из государственных и местных бюджетов. Многолетняя практика реализации кластерных программ в ведущих странах мира показала её эффективность [2].

Предприятия, организации, действующие в рамках одного кластера, объединены в единую цепочку создания экономической стоимости. При этом атмосфера партнерства этих предприятий, способствует взаимодействию и доверительным отношениям, позволяет осуществлять обмен знаниями между ними и таким образом активизирует процесс создания инноваций. Такое сотрудничество в сочетании с конкуренцией между предприятиями одного звена цепочки стимулирует формирование конкурентоспособности каждого участника кластера и региона, в котором этот кластер действует.

Ключевой характеристикой кластеров является взаимодействие большого числа предприятий, компаний на некоторой территории, которые способствуют высокой конкуренции между ними и ведут к привлечению инвестиций, квалифицированных специалистов с других территорий. Данный аспект развития кластера приводит к объединению экономик через повышение конкурентоспособности входящих в него предприятий поставщиков оборудования, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций. Такая черта отличает многие зарубежные кластеры включающие в себя от нескольких сотен до нескольких тысяч компаний [3].

Наиболее развитые кластеры имеют следующие принципиальные характеристики:

1. Наличие конкурентоспособных предприятий.
2. Наличие связей и взаимодействия между участниками кластеров.
3. Концентрация и близость по роду деятельности (по различным областям и аспектам деятельности).
4. Возможность выбора лучших участников.
5. Наличие в регионе конкурентных преимуществ для развития кластера.

Концепция кластеров конкурентоспособных отраслей объясняет формирование преимуществ национальной экономики за счет того, что конкурентоспособная отрасль помогает созданию других отраслей за счет укрепления связей с целью выпуска конкурентоспособной продукции и услуг. Так как предприятия и отрасли, входящие в кластер имеют общую цель, у них активно распространяются новые технологии, новые модели менеджмента и маркетинга, идет активный обмен результатами НИОКР.

Результатами создания кластеров являются следующие:

1. Повышение производительности и конкурентоспособности компаний и отраслей экономики.
2. Повышение инновационного потенциала.
3. Повышение конкурентоспособности и экономическое развитие регионов.
4. Повышение уровня занятости, изменение её структуры, рост заработной платы в регионе.

Важной отличительной чертой кластера является его инновационная ориентированность. Наиболее успешные кластеры формируются там, где осуществляется или ожи-

дается «прорыв» в области техники и технологии производства с последующим выходом на новые «рыночные ниши». В этой связи многие страны всё более активно используют «кластерный подход» в формировании и регулировании своих национальных и инновационных программ [3].

При использовании кластерного подхода организация рассматривается не как отдельно функционирующий субъект хозяйствования, а как взаимосвязанную совокупность предприятий и отраслей. Кластеры влияют на повышение эффективности деятельности работающих в них предприятий, посредством повышения в них производительности входящих в них организаций и отраслей, повышения способности к инновациям и к повышению производительности, посредством стимулирования новых предприятий. Политика, опирающаяся на развитие кластеров, ведет к повышению конкурентоспособности государства.

Научно-образовательный кластер БрГУ имени А.С. Пушкина

Создание кластеров можно рассмотреть на примере Учреждения образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», который является крупнейшим учебным заведением Брестской области, центром научных исследований и культурно-просветительской жизни. Университету на современном этапе развития свойственны многопрофильность и многоуровневость профессиональной подготовки: доуниверситетская подготовка; высшее образование по девяти профилям: «Педагогика», «Гуманитарные науки», «Естественные науки», «Социальная защита», «Коммуникации. Право. Экономика. Управление. Экономика и организация производства», «Экологические науки», «Техника и технологии», «Физическая культура. Туризм и гостеприимство», «Общественное питание. Бытовое обслуживание». Организовано также обучение в магистратуре и аспирантуре, повышение квалификации, последипломное образование в Институте повышения квалификации и переподготовки [5].

Целесообразно на базе БрГУ имени А.С. Пушкина создать кластер. На основании анализа и обобщения практики создания кластеров разработан алгоритм формирования научно-образовательного кластера, который включает следующие этапы:

1. Установление внешних и внутренних связей: целевых, ресурсных, законодательных и научно-технических.
2. Формирование цели и задач исходя из особенностей региона, его потенциала и роли в содействии экономике, образованию и науке.
3. Проведение маркетингового анализа конкурентных преимуществ и потребительских предпочтений школ, университета и предприятий.
4. Формирование основных программных мероприятий, реализующих поставленные задачи и цели, обоснование необходимых затрат, определение этапов и сроков выполнения программы образовательного кластера в регионе, механизмов осуществления программы, организации управления и контроля за ходом её выполнения.
5. Уточнение состава участников кластера.

Целями создания кластера на базе БрГУ имени А.С. Пушкина могут быть:

- 1) повышение конкурентоспособности предприятий и бизнес-институтов, учебных заведений путём развития инновационного потенциала;
- 2) повышение занятости населения за счет увеличения количества рабочих мест;
- 3) улучшение внешнеэкономической деятельности и привлекательности университета, региона;
- 4) повышение эффективности систем управления производственной, образовательной и научной деятельности.

На рисунке представлен примерный производственно-образовательный кластер, который может быть создан в Брестском регионе.

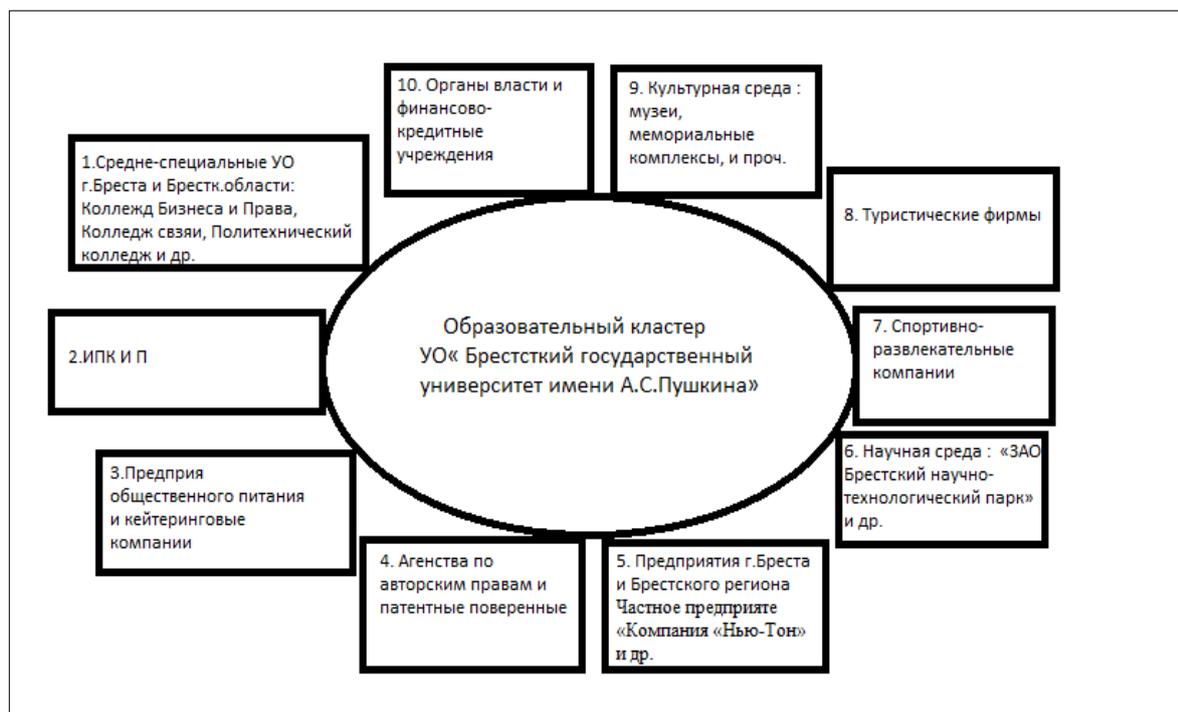

Рисунок. – Структура образовательного кластера УО «БрГУ имени А.С. Пушкина»

Создание кластера на базе БрГУ имени А.С. Пушкина принесет ряд преимуществ, однако сопряжено и с определенными трудностями (таблица).

Таблица. – Особенности создания и функционирования кластера УО «БрГУ имени А.С. Пушкина»

Привлекательные аспекты	Трудности
1. Возможность использования ресурсов участников кластера (материальная база, кадры и проч.)	1. Недостаток капитала и квалифицированной рабочей силы
2. Организация многоуровневого и профессионального образования	2. Недостаточно высокий уровень развития инфраструктуры
3. Стимулирование улучшения материальной базы учреждения образования	3. Слабая заинтересованность органов государственной власти
4. Формирование и усовершенствование грамотного профессионализма	4. Боязнь высоких рисков и непонимание участниками выгоды от участия в кластерах
5. Повышение инвестиционной привлекательности	5. Недостаток знаний о преимуществах кластерного подхода у предприятий
6. Содействие наиболее рациональному использованию ресурсов	6. Ограничения в сотрудничестве организаций разных сфер (производство и наука)
7. Улучшение инновационной среды	7. Недостаточная квалификация кадров для управления в кластерной системе
8. Обеспечение развития социальных процессов	8. Нежелание крупных предприятий сотрудничать с малыми

Одним из перспективных направлений формирования кластера на базе университета представляется установление партнерских связей со школами г. Бреста. Хотя основным направлением деятельности БрГУ имени А.С. Пушкина является предоставление образовательных услуг, однако университетом оказываются и дополнительные услуги (туризм и экскурсии, спорт и оздоровление и пр.). Университет организует различ-

ные экскурсии познавательного и патриотического содержания (например, в Беловежскую пущу, замки Мира, Несвижа, Гродно). При этом используется собственный транспорт университета, что отражается на цене экскурсии в целом.

В городе Бресте существует Главное управление по образованию Брестского областного исполнительного комитета, которое проводит государственную политику в сфере образования на территории города и Брестской области. Управление также заинтересовано в организации досуга учеников школ, и также может являться звеном в партнерских отношениях между университетом и школами города Бреста и Брестского района. Оно, например, может быть посредником между школами г. Бреста и Брестского района и Брестским государственным университетом имени А.С. Пушкина, взять на себя функции по предложению школам данной услуги и передачи информации непосредственно в университет.

Сотрудничество университета со школами города Бреста и Брестского района при содействии Главного управления по образованию Брестского областного исполнительного комитета позволит всем сторонам извлечь ряд выгод.

1. Университет получит большое число клиентов для оказания экскурсионных услуг с целевой направленностью на изучение края и малой родины.

2. У школ появится возможность организации дополнительного досуга своих учеников с использованием собственного транспорта.

3. Главное управление по образованию Брестского облисполкома будет иметь больше возможностей организации экскурсий в зависимости от желаний и потребностей школ. Оказание услуги в данном случае будет иметь индивидуальный характер.

Для проведения школьных экскурсий может быть использован транспорт школы: практически у каждой школы есть свой транспорт – школьный автобус. Это будет наиболее удобно для школ и для университета, так как транспорт должен быть подобран в зависимости от количества желающих ехать на экскурсию (а количество посадочных мест в школьном транспорте зависит от количества учеников в школе).

Заключение

Принципы, сформулированные в Кодексе Республики Беларусь об образовании, ориентируют на достижение целей образования в тесной взаимосвязи с инновациями. Главным критерием эффективности современного учреждения образования становится индикатор генеративности непрерывного воспроизводства новых знаний, технологий, продуктов, соотносимый с результатами научно-исследовательской деятельности, осуществляемой при активном участии студентов.

В связи с этим решение стратегической задачи развития академической мобильности молодежи как кадрового ресурса науки, а также модернизации национальной экономики и социальной сферы связано с внедрением кластерных механизмов создания инфраструктуры, способной объединить целевые детерминанты научных организаций, образовательных учреждений различных ступеней и систем управления.

Инфраструктура такого типа отличается стратегическими преимуществами автономности ряда функций, капитализацией результатов научно-исследовательской деятельности, расширением возможностей формирования и самореализации потенциала обучающихся. Создание образовательного кластера учреждения высшего образования способно обеспечить развитие сложной системы целей, потребностей, намерений, информативности творческих возможностей молодежи, формирующих мотивацию и направляющих творческую энергию на создание инновационных идей, их практической реализации в науке и образовании, культуре, политике, управленческих структурах.

Эффективность функционирования образовательного кластера учреждения высшего образования определяется учетом основных детерминант интеграции и синхрони-

зации образовательного процесса в высших учебных заведениях и находит своё прикладное применение в Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Портер, М. Конкуренция : пер. с англ. / М. Портер. – М. : Вильямс, 2005. – 608 с.
2. Марков, Л. С. Управление эффективностью функционирования региональных высокотехнологичных кластеров / Л. С. Марков // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 2. – С. 20–35.
3. Фатеев, В. С. Кластеры, кластерный подход и его использование как инструмента регулирования развития национальной и региональной экономики / В. С. Фатеев // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 5, Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2012. – № 2 (131). – С. 40–50.
4. Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина : официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.brsu.by/univer/obschie-svedeniya>.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.02.2019

Zaitseva N.I., Krylovich N.V. Advantages of Using Clusters in the Education System

Improving the competitiveness of the economy of enterprises can be achieved only through the transition to an innovative model of development. High competition creates significant difficulties for the activities of almost all enterprises and organizations. The increasing role of education in the construction of Belarusian society determines the imperative of innovative training of specialists as a sphere of national interests and a factor of social modernization of Belarus. The creation of interrelation between various branches and the development of general uniform product (service) is today one of the most successful means of efficiency increase of organizations' activity. Cluster resources of higher education are not just relevant – they are in demand for research relations of multilateral social partnership.

ПРАВА

УДК: 342.571

В.В. Гончаров

канд. юрид. наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации
«Ассоциация независимых правозащитников» (г. Краснодар)
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, СВЯЗАННЫХ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ПРИНЦИПОВ, ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дается авторское определение понятия общественного контроля в России. В процессе организации и осуществления общественного контроля в Российской Федерации возникают многочисленные проблемы, которые препятствуют его эффективному функционированию. Наиболее важными из них являются проблемы определения пределов общественного контроля, в частности полноты наполнения содержания данного вида деятельности (в том числе его принципов, целей и задач). Проанализирован перечень принципов, целей и задач общественного контроля в России, обоснована необходимость внесения ряда изменений в действующее законодательство Российской Федерации, регулирующие вопросы общественного контроля. Данные изменения позволяют усовершенствовать законодательную базу общественного контроля, превратив его в действенный инструмент по искоренению причин и условий, способствующих нарушению прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций.

Введение

Статья посвящена исследованию проблем, возникающих с определением принципов, целей и задач общественного контроля в Российской Федерации. Цель исследования – выявить основные проблемы, связанные с определением принципов, целей и задач общественного контроля в Российской Федерации, обосновав пути их разрешения, для того чтобы обеспечить оптимальную организацию и функционирование данного института гражданского общества.

Задачи исследования:

- 1) дать определение общественного контроля в Российской Федерации;
- 2) обосновать, что наиболее важными проблемами, возникающими в процессе организации и осуществления общественного контроля в Российской Федерации, являются проблемы определения пределов общественного контроля, в частности, полноты содержания данного вида деятельности (в том числе его принципов, целей и задач);
- 3) дать анализ принципам, целям и задачам общественного контроля в Российской Федерации, обосновав их оптимальный перечень;
- 4) обосновать изменения и дополнения в действующее законодательство, которые необходимо принять для разрешения проблем, возникающих с определением принципов, целей и задач общественного контроля в Российской Федерации.

Представляется, что под общественным контролем в Российской Федерации следует понимать совокупность облеченных в правовую форму принципов, норм и общественных институтов, представляющих собой объединения граждан, массовая и добровольная деятельность которых направлена на осуществление контроля за формированием и функционированием органов государственной власти и местного самоуправления, а также за деятельностью уполномоченных юридических и физических лиц, которые наделены действующим законодательством определенным набором властных полномочий, осуществляемых ими самостоятельно, либо совместно с органами государственной власти и местного самоуправления, либо от их имени и (или) по их поруче-

нию в целях обеспечения реализации прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, формирования и функционирования органов публичной власти в соответствии с действующим законодательством и недопущения присвоения власти или её узурпации отдельными органами власти и их должностными лицами.

В процессе организации и осуществления общественного контроля в Российской Федерации возникают многочисленные проблемы, которые препятствуют эффективно-му функционированию данного института гражданского общества, без разрешения которых невозможна реализация конституционных принципов народовластия и участия общественности в управлении государственными делами.

Наиболее важными из них являются проблемы определения пределов общественного контроля, под которыми стоит понимать:

- 1) пространственные и временные границы его организации и осуществления;
- 2) идеал, к которому необходимо стремиться при его реализации;
- 3) максимальный охват и мыслимую полноту его содержания;
- 4) крайнюю и высшую ступень реализации данного вида деятельности с позиций её легальности и легитимности.

Значительной проблемой, возникающей при организации и осуществлении общественного контроля в Российской Федерации, является определение полноты наполнения содержания данного вида деятельности (в том числе его принципов, целей и задач). Так, анализируя систему принципов общественного контроля, закрепленных в федеральном законодательстве, в частности в Федеральном законе от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», ряд авторов считают их количество недостаточным для оптимальной организации данного института гражданского общества. Например, О.А. Околеснова отмечает: «В случае если те или иные особенности общественных отношений не предусмотрены базовым законом, приведенные принципы служат направлениями для формирования последующей нормативной правовой базы. Кроме того, они являются ориентиром при применении права по аналогии» [1, с. 110]. Это обстоятельство особенно актуально в силу того, что сам институт общественного контроля в Российской Федерации сравнительно молодой и нормативно-правовая база его регулирования ещё только формируется, особенно на региональном и муниципальном уровнях. Отсутствие же детально сформулированной и сбалансированной системы принципов организации и функционирования данного вида деятельности затрудняет построение единого правового поля общественного контроля в стране. В этой связи Е.В. Бердникова делает вывод о необходимости расширения перечня общеправовых принципов общественного контроля, а также предлагает внесение изменений в действующее законодательство в части корректировки и уточнения регламентации межотраслевых и отраслевых правовых принципов общественной контрольной деятельности [2, с. 12].

С данным предложением следует согласиться, так как перечень принципов общественного контроля, закрепленный законодателем, представляется неполным и в него можно включить, например, принцип этики и профессионализма представителей органов общественного контроля, под которым следует понимать необходимость: а) соблюдения членами общественных палат федерального, регионального и муниципального уровней, представителями иных субъектов общественного контроля правил этического должностования, разрабатываемых как в рамках союзов и ассоциаций субъектов общественного контроля, так и общественными палатами и советами всех уровней; б) постоянного роста профессионализма представителей субъектов общественного контроля. В пользу включения данного принципа, в частности, в ст. 6 вышеназванного Федерального закона говорит практика организации и деятельности Общественной палаты Российской Федерации, общественных палат и советов на уровне субъектов России

и муниципальных образований, которыми разработаны и приняты многочисленные кодексы этики. В частности, Кодекс этики членов Общественной палаты Российской Федерации, принятый 14.04.2006, устанавливает обязательные для каждого члена Общественной палаты правила поведения при осуществлении им своих полномочий, основанных на морально-нравственных нормах, уважении к обществу и к своим коллегам [3].

Другим важным дополнением в перечень принципов общественного контроля может стать принцип коллегиальности в деятельности субъектов общественного контроля, который подразумевает организацию и осуществление данного вида деятельности на коллективных началах. Этот принцип подтверждается тем, что подавляющее число субъектов общественного контроля являются коллективными органами, решения в которых принимаются большинством голосов (например, в Общественной палате Российской Федерации, общественных палатах и советах субъектов России и муниципальных образований).

В число принципов общественного контроля следует включить принцип народовластия. Это позволит изменить сложившийся вектор в организации органов общественного контроля, согласно которому основная роль в их формировании принадлежит не народу непосредственно, а тем или иным органам государственной власти и местного самоуправления (в силу этого происходит выхолащивание общественной природы данного вида деятельности, и он превращается в модифицированную разновидность внутригосударственного контроля). Включение народовластия в систему принципов общественного контроля создаст правовую основу для изменения процедуры формирования органов общественного контроля, при которой они будут избираться непосредственно населением. Тогда органы общественного контроля получат реальную независимость от негативного воздействия органов государственной власти и местного самоуправления, деятельность которых они и призваны контролировать.

Однако предложения некоторых авторов по дополнению системы принципов общественного контроля представляются спорными и необоснованными. Так, по мнению М.А. Килессо, система принципов общественного контроля должна быть дополнена принципом безвозмездности общественного контроля [4, с. 24]. М.А. Килессо считает, что представители органов общественного контроля (как общественных палат того или иного уровня, так и иных субъектов общественного контроля) должны осуществлять свою деятельность безвозмездно, не получая никаких денежных средств от общества или государства. Но при данном подходе это будет означать, что представители субъектов общественного контроля должны заниматься данной деятельностью в свободное от основной работы время либо эта деятельность будет доступна не всем категориям граждан, а, например, пенсионерам либо финансово обеспеченным людям. Действующее законодательство, напротив, обоснованно закрепило гарантии деятельности представителей субъектов общественного контроля. Например, в ст. 13 Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» закреплены гарантии деятельности членов Общественной палаты: они освобождаются работодателем от выполнения трудовых обязанностей по основному месту работы с сохранением за ним места работы (должности); им возмещаются расходы, связанные с осуществлением полномочий члена Общественной палаты, а также выплачивается компенсация в размере, определенном законом, иным нормативным правовым актом, за счет средств федерального бюджета [5].

Ряд авторов считают необходимым расширить пределы применения принципов общественного контроля, уже закрепленных в Федеральном законе от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Так, предлагается распространить принцип недопустимости вмешательства в сферу деятельности политических партий на другие виды общественных объединений в связи с тем, что в про-

тивном случае такое вмешательство будет противоречить самой сути общественных объединений как институтов гражданского общества [6, с. 92]. Однако представляется, что реализация данного предложения приведет к отсутствию общественного контроля за деятельностью многочисленных групп общественных объединений: общественных организаций, общественных движений, общественных фондов, общественных учреждений, органов общественной самодеятельности. Более того, некоторые исследователи предлагают изъять данный принцип из вышеназванного Федерального закона в связи с тем, что «необходимость превращения политических партий в объект общественного контроля и распространение на них соответствующих положений Федерального закона “Об основах общественного контроля в Российской Федерации” обусловлена двойственной природой политических партий, их ролью связующего звена между государством и обществом» [7, с. 13–18].

Как показала практика «цветных революций» (Грузия, Украина) и мировая в целом, именно общественные объединения (включая и политические партии) становятся основным инструментом, используемым для разрушения государственных институтов, осуществления государственных переворотов, революций и т.д. И без деятельного контроля со стороны гражданского общества за данной категорией объединения граждан невозможно обеспечить в их деятельности соблюдения законодательства, а также прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

В то же время представляются оправданными предложения ряда авторов относительно приведения принципов осуществления общественного контроля в отдельных отраслях государственного управления (обеспечение прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания) в соответствии с общими принципами общественного контроля [8, с. 42]. Это позволит, с одной стороны, выработать единый правовой подход к формированию системы принципов организации и функционирования субъектов общественного контроля в России, а с другой – обеспечить равную реализацию права граждан на осуществление общественного контроля во всех сферах государственного и муниципального управления. Это особенно актуально при осуществлении общественного контроля за правоохранительными органами [9, с. 38–42], а также деятельностью, упомянутой в п. 2 ст. 2 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Важную роль в процессе определения пределов общественного контроля играет формулирование его целей и задач. Представляется, что цели общественного контроля, предусмотренные в ч. 1 ст. 5 вышеназванного Федерального закона, закрепляют не все параметры, к которым должен стремиться данный вид деятельности. Ряд авторов справедливо полагают, что действующее законодательство в качестве основной цели общественного контроля в России закрепляет обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина [10, с. 9–13], однако игнорирует цели по предупреждению, профилактике и содействию пресечению нарушения прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций.

Общественный контроль выступает также в качестве гарантии реализации конституционных принципов народовластия и участия граждан Российской Федерации в управлении государством, что также должно быть отражено при формулировании целей данного института гражданского общества. В связи с этим представляется необходимым дополнить ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» пунктами 4 и 5 следующего содержания:

«4) обеспечение профилактики, предупреждение и содействие пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных

объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия;

5) обеспечение реализации конституционных принципов народовластия и участия граждан Российской Федерации в управлении государством».

Перечень задач общественного контроля, сформулированный в ч. 2 ст. 5 выше-названного Федерального закона, также нуждается в дополнении – ориентированности на достижение конкретных результатов. Так, Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию предлагает не только организовать эффективный общественный контроль, но с его помощью добиваться конкретного результата, которого ждут люди [11].

Достигнуть конкретного результата (то есть цели) общественного контроля можно лишь при обеспечении сбалансированного формулирования внутренних и внешних его задач, диалектически связанных между собой. При этом внутренние задачи непосредственно связаны с реализацией субъектами общественного контроля мероприятий, его обеспечивающих, а внешние задачи связаны с формированием и развитием правового государства и гражданского общества в целом, когда в полной мере реализуются, охраняются, защищаются и восполняются (в случае нарушения) права и свободы человека и гражданина, права и законные интересы общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций. В связи с этим представляется необходимым изложить ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» в следующей редакции:

«2. Задачами общественного контроля являются:

1) способствование признанию, обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций;

2) повышение уровня участия граждан Российской Федерации и их объединений в государственном управлении и местном самоуправлении;

3) формирование и развитие гражданского правосознания;

4) повышение уровня доверия граждан к деятельности государства, а также обеспечение тесного взаимодействия государства с институтами гражданского общества;

5) содействие предупреждению и разрешению социальных конфликтов;

6) реализация гражданских инициатив, направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций, профилактику, предупреждение и содействие пресечению их нарушений со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия;

7) обеспечение прозрачности и открытости деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия;

8) вовлечение населения в процесс противодействия коррупции, в том числе путем формирования в обществе нетерпимости к коррупционному поведению;

9) повышение эффективности деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия;

10) снижение рисков принятия и реализации органами государственной власти, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными организациями, иными органами и организациями, осуществляющими в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, противоправных и (или) противоречащих общественным интересам решений».

Заключение

Данные изменения позволят усовершенствовать законодательную базу общественного контроля, превратив его в действенный инструмент по искоренению причин и условий, способствующих нарушению прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Околеснова, О. А. Новое прочтение принципов общественного контроля в современных условиях / О. А. Околеснова // Тр. по интеллектуальной собственности. – 2015. – Т. 21, № 2. – С. 110.

2. Бердникова, Е. В. Пробелы правовой регламентации принципов общественного контроля в Российской Федерации / Е. П. Бердникова // Современ. о-во и право. – 2016. – № 2 (23). – С. 12.

3. Кодекс этики членов Общественной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс] : принят на втором пленарном заседании Общественной палаты Российской Федерации 14 апр. 2006 г. – Режим доступа: <https://www.oprf.ru/about/1391/493>. – Дата доступа: 05.12.2018.

4. Килессо, М. А. Принципы общественного контроля над деятельностью органов местного самоуправления в России / М. А. Килессо // Пробелы в рос. законодательстве. – 2016. – № 2. – С. 24.

5. Об Общественной палате Российской Федерации : Федер. закон, 4 апр. 2005 г., № 212-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – № 15. – Ст. 1277.

6. Нужнова, С. Л. Анализ принципов института общественного контроля как инструмента взаимодействия гражданского общества и государства / С. Л. Нужнова, М. С. Терентьева, С. С. Ключников // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – № 4 (71). – С. 92.

7. Общественный контроль за деятельностью политических партий – к постановке вопроса // Пробелы в рос. законодательстве. – 2016. – № 2. – С. 13–18.

8. Соколова, О. В. Принципы осуществления общественного контроля и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания / О. В. Соколова // Уголов.-исполн. право. – 2014. – № 2 (18). – С. 42.

9. Занина, Т. М. Общественный контроль за деятельностью полиции: понятие, задачи, принципы / Т. М. Занина, М. С. Крицкая // Административ. право и процесс. – 2016. – № 6. – С. 38–42.

10. Бердникова, Е. В. Обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина как основная цель общественного контроля в России / Е. В. Бердникова // Взаимодействие институтов власти и общества в сфере защиты прав человека : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. аспирантов, преподавателей, практ. работников. – Саратов, 2015. – С. 9–13.

11. Путин, В. В. Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию [Электронный ресурс] : послание Президента Рос. Федерации Федер. Собр.,

12.12.2013 г. / В. В. Путин. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_-doc_LAW_-155646. – Дата доступа: 05.12.2018.

Рукопіс паступіў у рэдакцыю 27.12.2018

Goncharov V.V. Some of the Problems Associated with Defining Principles, Goals and Objectives of Public Control in the Russian Federation

The article is devoted to the study of problems arising from the definition of principles, goals and objectives of public control in the Russian Federation. The article presents the author's definition of the concept of public control in Russia. The author notes that in the process of organization and implementation of public control in the Russian Federation there are many problems that hinder its effective functioning. The most important of them are the problems of determining the limits of public control, in particular, the completeness of the content of this type of activity (including its principles, goals and objectives). The author analyzes the list of principles, goals and objectives of public control in Russia, justifies the need to make a number of changes to the current legislation of the Russian Federation, regulating the issues of public control. In conclusion, it is emphasized that these changes will improve the legal framework of public control, turning it into an effective tool to eliminate the causes and conditions that contribute to the violation of human and civil rights and freedoms, rights and legitimate interests of public associations and other non-governmental non-profit organizations.

УДК 343.34

И.А. Заранка

преподаватель каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: irina_zaranka@mail.ru

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ, ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: К УТОЧНЕНИЮ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ВОПРОСОВ КВАЛИФИКАЦИИ

Незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ имеет высокую степень общественной опасности, а также тяжкие последствия. Республика Беларусь уделяет большое внимание проблемам, связанным с незаконным оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ как внутри государства, так и на международной арене. Действующее уголовное законодательство Республики Беларусь предусматривает повышенную уголовную ответственность за преступления в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия. Изучение результатов доктринальных исследований в рассматриваемой области, а также анализ нормативного и эмпирического материала позволили определить объект и предмет исследуемой категории преступлений против общественной безопасности, охарактеризовать правила их квалификации с учетом тех сложностей, которые возникают в правоприменительной деятельности. В целях обеспечения единообразного толкования и применения статей 294–300 Уголовного кодекса Республики Беларусь обосновывается необходимость законодательного уточнения признаков соответствующих преступлений.

Введение

Законодательство Республики Беларусь устанавливает уголовную ответственность за незаконные действия в отношении оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств. Оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства – это такая категория предметов, которые могут представлять реальную угрозу не только для жизни и здоровья людей, их собственности, но и для безопасности общества, государства в целом, особенно в тех случаях, когда оказываются в руках преступника. Среди преступлений, совершаемых в сфере обращения специальных предметов и веществ, незаконный оборот различных видов оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств являются наиболее распространенными. Рассматриваемая категория преступлений обладает высокой степенью общественной опасности и тяжестью последствий, однако главной их особенностью является прежде всего то, что они в определенной мере провоцируют совершение других, порой более опасных преступных посягательств. Неслучайно незаконные действия в отношении вышеуказанных предметов обоснованно признаются одним из факторов, влияющих на криминогенную обстановку в государстве, рост насильственной и организованной преступности.

Следует отметить, что на государственном уровне вопросам предупреждения и борьбы с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств уделяется значительное внимание. Подтверждением тому может служить тот факт, что Республика Беларусь ратифицировала ряд основополагающих международных договоров, определяющих порядок обращения оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ; на внутригосударственном уровне разработана обширная нормативная база в области правового регулирования оборота оружия.

Уголовно-правовая характеристика объекта и предмета преступлений в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия

Преступления в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия в Уголовном кодексе (далее – УК) Республики Беларусь включены в гл. 27 «Преступления против

общественной безопасности». Состояние данного вида преступности демонстрируют данные официальной статистики (таблица).

Таблица. – Зарегистрированные преступления, связанные с незаконным оборотом огнестрельного оружия, в Республике Беларусь и Брестской области (2012–2016 гг.)

	Год				
	2012	2013	2014	2015	2016
Республика Беларусь	528	471	360	600	683
Брестская область	23	22	28	76	87

Представленные статистические данные позволяют констатировать устойчивый (начиная с 2015 г.) рост преступности в рассматриваемой сфере, который наблюдается как на территории Брестской области, так и Республики Беларусь в целом. Отмеченное обстоятельство дает основание сделать вывод о том, что незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств на сегодняшний день продолжает оставаться весьма серьезной проблемой в процессе обеспечения необходимой степени защищенности наиболее ценных и значимых интересов личности, общества и государства. Характер общественной опасности данных преступлений обуславливает необходимость активного применения уголовно-правовых мер по их предупреждению и борьбе с ними. При этом от точности и правильности формулировок уголовного закона зависит справедливость привлечения виновных лиц к уголовной ответственности и достижение ее целей, что требует теоретического осмысления соответствующих норм.

Специфика предмета рассматриваемых преступлений вызывает необходимость привлечения специальных знаний для решения вопроса о том, является ли конкретный предмет тем или иным видом оружия, боевым припасом, взрывным устройством или взрывчатым веществом. Ведь только при наличии такого заключения эксперта может идти речь о привлечении лица к уголовной ответственности. С этим обстоятельством могут быть связаны ошибки и сложности в правоприменительной деятельности.

Под оружием в ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об оружии» понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, а также подачи сигналов пиротехническими составами. Боеприпасы – это устройства и предметы, непосредственно предназначенные для поражения цели, выполнения задач, способствующих ее поражению, и содержащие разрывной, пиротехнический или метательный заряды либо их сочетание [1].

Более точным, на наш взгляд, является определение боеприпасов, которое дано в подпункте «с» ст. 3 Протокола против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему: «боеприпасы» означают выстрел в комплекте или его компоненты, включая патронные гильзы, капсюли, метательный заряд, пули или снаряды, используемые в огнестрельном оружии, при условии, что сами такие компоненты подпадают под систему разрешений в соответствующем Государстве-участнике [2]. Как представляется, в указанной дефиниции весьма обоснованно подчеркивается тот факт, что речь идет только о боеприпасах к огнестрельному оружию. Именно поэтому словосочетание «боеприпасы к нему» (огнестрельному оружию – *И. 3.*), которое было употреблено в первоначальной редакции ч. 2 ст. 295 УК Республики Беларусь, позволяло более четко определять предмет этого преступления. Думается, что целям реализации принципа законности, а также обеспечению единообразия правоприменительной практики могло бы содействовать использование в действующем УК прежнего законодательного опыта в данной сфере.

Взрывчатое вещество – это конденсированное химическое вещество или смесь веществ, способных под влиянием внешних воздействий к быстрому самораспростра-

няюцца хімічнаму пераўтварэнню (взрыву) з выдзеленнем большага колькасця цяпла і газаобразных прадуктаў [3]. Сягласна п. 3 пастановлення Пленума Вярхоўнага Суда Рэспублікі Беларусь ад 3 красавіка 2008 г. № 1 «О судэбнай практыцы па дэлаах о прэступленнях, звязаных с незаконнымі дзействамі в адношэнні оружыя, боепрыпасов і взрывчатых вешчэств (стат’ы 294–297 УК Рэспублікі Беларусь)» к взрывчатым вешчэствам рэкамендуеця адносіць хімічныя вешчэствы і смясі, абладаючыя спосабнасьцю к взрыву без даступа кісларода (порох, дынамйт, тротыл) [4].

Как атмечается в специальных исследованиях, общественная опасность незаконного оборота взрывных устройств и взрывчатых веществ, по сравнению с незаконным оборотом огнестрельного оружия и боеприпасов, значительно выше. В контексте сказанного традиционно указывается на необходимость установления более строгих мер за незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств или даже криминализации незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств в рамках специальных норм УК Республики Беларусь при одновременном повышении пределов наказаний за их совершение [5, с. 730].

В настоящее время преступления, связанные с незаконным оборотом оружия и нарушением правил обращения с ним, можно определить как совершенные виновно общественно опасные деяния, запрещенные статьями 295–300 УК Республики Беларусь, посягающие на общественную безопасность в сфере установленного порядка обращения всех видов оружия в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

По предмету посягательства и характеру совершаемых деяний рассматриваемые посягательства можно подразделить на три группы:

1) преступления, связанные с хищением огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ, с незаконными действиями в отношении перечисленных предметов, а также охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия (статьи 294–295² УК Республики Беларусь);

2) незаконные действия в отношении холодного оружия (ст. 296 УК Республики Беларусь), газового, пневматического или метательного оружия (ст. 297 УК Республики Беларусь). Предметом этих преступлений являются холодное, газовое, метательное и пневматическое оружие. Данные виды оружия, в отличие от предмета первой группы преступлений, обладают меньшей поражающей способностью, в целом не так вредоносны, как оружие огнестрельное, поэтому уголовную ответственность влечет более ограниченный круг совершаемых с ними незаконных действий (причем в некоторых случаях обязательным признаком составов является наличие административной преюдиции);

3) нарушение правил охраны, хранения и обращения с оружием (статьи 298–300 УК Республики Беларусь) [6].

Непосредственным объектом рассматриваемой группы преступлений является общественная безопасность в сфере оборота оружия и боеприпасов к нему, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Вместе с тем особенностью данных преступлений является то, что, посягая на общественную безопасность, они объективно причиняют существенный вред широкому кругу общественных отношений – безопасным условиям жизнедеятельности общества в целом, а не только законным интересам отдельного человека и гражданина. С учетом особой опасности свойств этих предметов и веществ, а также возможности их использования для причинения вреда общественным интересам уголовно-правовые отношения возникают не в результате причинения фактического вреда, а, как правило, вследствие лишь создания такой опасности [7, с. 86].

Под предметом преступлений понимается оружие в широком смысле: все предметы вооружения, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели. При этом предметы рассматриваемых преступлений можно разделить на две группы:

1) особо опасные предметы (оружие массового поражения, взрывчатые вещества и взрывные устройства);

2) огнестрельное оружие (включая огнестрельное гладкоствольное), газовое, холодное, метательное, пневматическое оружие, боеприпасы.

К предметам преступлений, предусмотренных статьями 294 и 295 УК Республики Беларусь, следует относить: огнестрельное оружие, составные части или компоненты огнестрельного оружия, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывчатые устройства, ядерное, химическое, биологическое или другие виды оружия массового поражения либо основные части такого оружия (ч. 2 ст. 294 УК Республики Беларусь).

Предмет преступления в ст. 295¹ УК Республики Беларусь – это охотничье огнестрельное гладкоствольное оружие или боеприпасы к нему, составные части или компоненты охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия; в ст. 296 УК Республики Беларусь – холодное оружие; в ст. 297 УК Республики Беларусь – газовое, пневматическое или метательное оружие.

При нарушении правил обращения и хранения предметом может быть огнестрельное оружие (статьи 298–300 УК Республики Беларусь), а также боеприпасы (статьи 298 и 299 УК Республики Беларусь), взрывчатые вещества и взрывные устройства (ст. 298 УК Республики Беларусь) [6].

Исходя из содержания Закона Республики Беларусь «Об оружии» предметом исследуемых преступлений не может признаваться оружие массового поражения. Под оружием массового поражения следует понимать любой вид оружия неизбирательного действия, изначально предназначенного для уничтожения максимально возможного количества людей. Разрушительное воздействие на флору, фауну, объекты неживой природы (естественные и искусственные) может быть факультативным признаком такого оружия. Оружие массового поражения соответствует таким критериям, как:

- 1) способность наносить чрезмерные повреждения;
- 2) способность причинять излишние страдания;
- 3) неизбирательный характер нанесения ущерба и повреждений;
- 4) способность причинять обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде.

Заключение

В целях единообразного толкования и применения норм статей 294–300 УК Республики Беларусь требуется законодательное уточнение признаков данных преступлений, а именно:

1) определить в примечании к ст. 294 УК Республики Беларусь минимальное количество боеприпасов, незаконный оборот которых должен быть уголовно наказуем;

2) уточнить определение понятия «составные части и компоненты огнестрельного оружия» в ст. 1 Закона «Об оружии», сделав их перечень открытым, и сформулировать его следующим образом:

«Составные части и компоненты огнестрельного оружия – любые элементы или запасные детали, специально предназначенные для огнестрельного оружия и необходимые для его функционирования, в том числе ствол, корпус или ствольная коробка, затвор или барабан, ось затвора или казенник, а также любое устройство, предназначенное или адаптированное для уменьшения звука, производимого выстрелом, либо иного повышения эффективности огнестрельного оружия»;

3) ввести в законодательство Республики Беларусь понятие «оружие массового поражения» как любого вида оружия неизбирательного действия, изначально предназначенного для уничтожения максимально возможного количества людей;

4) указать в диспозиции ст. 295 УК Республики Беларусь, что предметом преступления являются «боеприпасы к нему», т.е. к огнестрельному, а не иным видам оружия;

5) в силу того, что некоторые виды газового оружия обладают качествами комбинированного оружия, то видится целесообразным предусмотреть в ч. 2 ст. 297 УК Республики Беларусь законодательную оговорку – «при отсутствии признаков более тяжкого преступления»;

6) включить в ст. 64 УК Республики Беларусь в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, «совершение преступления с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств».

При квалификации преступлений в сфере незаконного оборота оружия следует учитывать следующие правила:

1) хищение отдельных деталей оружия либо составных частей боеприпасов в комплекте, достаточном для сборки пригодных к использованию оружия или боеприпасов, следует оценивать как оконченный состав преступления; если виновный похитил негодные, но подлежащие ремонту оружие или боеприпасы, имея намерение осуществить ремонт, то он подлежит ответственности за хищение имущества (по статьям гл. 24 УК Республики Беларусь) и приготовление к незаконному изготовлению этих предметов (статьи 13 и 295 УК Республики Беларусь);

2) в случае, если имеет место хищение, сопряженное с уничтожением или повреждением имущества, необходимо квалифицировать это по совокупности статей 294 и 218 или 219 УК Республики Беларусь;

3) если виновный похитил непригодные к использованию огнестрельное оружие, его составные части или компоненты, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства и при этом заблуждался относительно их качества, считая, что они исправны, содеянное следует квалифицировать как покушение на преступление;

4) если оружие перевозится в ручной клади, находящейся при виновном (в сумке, рюкзаке, на сидении рядом с виновным, в его одежде, в кобуре на теле), то такие действия при отсутствии разрешения подпадают под понятие «незаконное ношение» оружия; если предметы находятся в транспортном средстве не в общедоступном для посторонних лиц месте, затрудняющем их обнаружение, то действия виновного следует квалифицировать как хранение;

5) передача соответствующего предмета только во владение предполагает временное обладание им, при этом не имеет значения, возмездной или безвозмездной будет такого рода незаконная сделка; под сбытом следует понимать действия по отчуждению в любой форме другому лицу предметов преступления для постоянного владения, пользования и распоряжения;

6) если незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств имели место с целью совершения другого преступления, то эти действия следует дополнительно квалифицировать как приготовление к преступлению, которое обвиняемый намеревался совершить;

7) передача или сбыт другому лицу оружия или иных предметов квалифицируются как пособничество преступлению в том случае, если виновный сознавал, что эти предметы нужны этому лицу для совершения конкретного преступления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об оружии [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 нояб. 2001 г., № 61-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 апр. 2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : [принят резолюцией 55/255 Генеральной Ассамблеи от 31 мая 2001 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018

3. О ратификации Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Азербайджанской Республики о сотрудничестве в борьбе с незаконным изготовлением и оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 47-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31 июля 2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконными действиями в отношении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 3 апр. 2008 г., № 1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018

5. Мусаев, М. М. Проблемы уголовной ответственности за незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств / М. М. Мусаев, А. А. Гаджиева // Соврем. проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 726–733

6. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой Представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г., № 53-3 // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Тарасенко, Г. В. Классификация предметов, находящихся в незаконном владении лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота оружия / Г. В. Тарасенко // О-во и право. – 2016. – № 1 (55). – С. 86–90.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.07.2018

Zaranka I.A. Illegal Circulation of Firearms, Ammunition, and Explosives under the Legislation of the Republic of Belarus: to Specification of a Crime Subject and the Questions of Qualification

In the article under review the attempt to define the subject of illegal circulation of firearms, ammunition, explosives is presented. As the given crimes have high degree of public danger, the Republic of Belarus pays much attention to the problems, connected with the illegal circulation of fire-arms, ammunition, explosives, both in the state, and on international level. On the basis of studying the results of the doctrine research as well as judicial practice the characteristic of object and subject of investigated crimes is given in the article, as well as rules of their qualification are defined. The conducted research has allowed making a conclusion about the necessity of further improvement of the Criminal Code in the investigated area.

УДК 34(476)

Б.М. Лепешко¹, А.Б. Лепешко²¹д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

²ст. преподаватель каф. гражданско-правовых дисциплин

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

e-mail: ¹b.m.lepeshko@gmail.com; ²a.b.lepeshko@gmail.com**ДИСКУРС В ПРАВОВЕДЕНИИ: ПОИСКИ ЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ**

Исследуется специфика правового дискурса с точки зрения конкуренции основных форм, способов мышления в современной исследовательской практике. Обращено внимание на проблему правил правового дискурса, изучена и аргументирована противоречивость многих внешне очевидных и ясных констатаций. Показан механизм интерпретации правил, принципов правового дискурса на примере идей Р. Рорти, Ю. Хабермаса и ряда иных известных теоретиков. Показана роль формальной логики в понимании правового дискурса, и охарактеризовано её значение в качестве основного эвристического средства. Раскрыто содержание теоретических споров по изучаемому вопросу со стороны ряда отечественных теоретиков-концептуалистов.

Введение

Само словосочетание «дискурс в правоведеии» требует некоторых комментариев. Исходим из того, что правовая деятельность является дискурсивной по своей природе и иной быть не может в принципе. Сразу же оговоримся, что эта констатация (в иной транскрипции) стала основной при формировании различных коммуникативных (интегративных) подходов, в основе которых сложная сеть категорий – от общения, диалога до феноменологических поисков эйдоса (сущности) права. Но речь сейчас об ином. Предмет статьи связан с осмыслением правил, принципов и представлений правовой деятельности в условиях изменившейся общественной среды и выдвижения на первый план междисциплинарных теоретических конструктов. Т.е. речь идет о некоторых формах, принципах, правилах диалога (полилога), в более широком контексте – правилах общения.

Мы сегодня много говорим о правовом дискурсе, теории дискурса, практике применения дискурсивных методик, однако понимание дискурса как системы методов и приемов разрешения сложных проблем юриспруденции у нас изучается недостаточно широко. В качестве позитивного примера такого изучения можно привести докторскую диссертацию и соответствующую монографию Н.Г. Храмцовой «Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения» [1]. В предлагаемой статье речь идет несколько об иных акцентах: о понимании правового дискурса в контексте формально-логических требований к тексту правового характера. Конечно же, разговор пойдет лишь о некоторых аспектах темы, поскольку системный анализ требует иных по масштабу усилий. Важна и еще одна оговорка. Разговор не об известных правилах формально-логического анализа текстов (непротиворечивость, ясность, единство терминологии). Разговор о том, каким образом формально-логическая аргументация может быть использована в контексте конкуренции междисциплинарных (межпарадигмальных) установок.

На наш взгляд, данная проблема имеет важный и актуальный характер, поскольку здесь выкристаллизовывается феномен связи различных парадигм мышления (классического и неклассического). Важность изучения правового дискурса связана не только с традиционной мотивацией (объективная сложность дискурсивных практик, поиск оптимальных средств воздействия на общественные институты и т.д.), но и с поиском ответов на межпарадигмальные (классические и неклассические) требования современного теоретического мышления. Основные проблемы можно сформулировать следую-

щим образом: существуют ли в принципе правила правового дискурса и являются ли они на сегодняшний день общепризнанными; можно ли говорить о модели правового дискурса и в чем его суть; какова связь между принципами правового дискурса и основными эпистемологическими поисками современного обществознания и некоторые другие. Коммуникативное взаимодействие, которое сегодня выдвигается на первый план в исследованиях многих авторов, работающих в поле общей теории права (в первую очередь) играет важную роль и в процессе правового регулирования. Конечно, вопросы, рассматриваемые в статье, носят во многом дискуссионный характер, однако имеет смысл привлечь к ним внимание теоретиков и практиков права.

Какова наиболее типичная модель правового дискурса? В самом общем виде её обычно определяют в форме трех компонентов: поле, смысл и способ. Поле – это правовой контекст, в который включен правовой дискурс. Смысл связан с вербальными и невербальными средствами коммуникации. Способ связан с выбором формы коммуникации. Каждый из данных компонентов требует отдельного разговора. Мы же сузим предмет разговора и начнем его с правил дискурса – темы, которая связана с логическими аспектами проблемы и которая напрямую «выводит» нас на практические аспекты указанной проблематики. Подробности же, связанные со спецификой правового дискурса, можно найти в монографии Н.Г. Храмцовой [1, с. 7–17].

Такие крупные теоретики, как Р. Алекси и Ю. Хабермас, в коллективной монографии, посвященной правовой антропологии [2], формулируют правила дискурса, которыми должен руководствоваться каждый современный правовед (во всяком случае, в идеале). Ряд замечаний, высказанных ими, нуждаются в комментировании и интерпретации, поскольку затрагивают важнейшие проблемы методологии права.

Возьмем, к примеру, тезис первый (правило первое): «Каждый говорящий не должен противоречить себе». Рядом – положение того же порядка: «Каждый говорящий, применяющий предикат F к предмету A, должен быть готов применить предикат F к другому предмету, который во всех релевантных отношениях равен A» [2, с. 289]. На первый взгляд, перед нами классическая аристотелевская логика, в частности, в первом тезисе акцент делается на применении закона противоречия (не противоречия), а во втором рассуждение осуществляется на примере анализа специфики метода аналогии в праве. Но для того чтобы сформулировать эти, в общем, известные суждения, не требовался специальный теоретический анализ. Проблема заключается именно в дискурсе, его характере и сути, понимании смысла понятий, суждений, их интерпретации. Сегодня теоретическая мысль придает очень большое значение именно этим процессам. Проследим, как ставит и пробует решить проблему дискурса, обозначенную в первых двух правилах, известный американский юрист Р. Рорти. Выбор данного мыслителя не случаен, поскольку перед нами, как обосновывается ниже, представитель иного, нежели авторы названных правил, подхода к выбору методологического основания исследований.

С одной стороны, отмечает ученый, мы выступаем с притязаниями на истинность сказанного и противоречия здесь быть не должно. В том числе и потому, что истинность здесь подразумевается не для одного говорящего (пишущего), но и для всех. Т.е. существует своего рода конвенция между участниками дискурса. С другой стороны, мы используем предикат «истинный» в связи с теми или иными основаниями, которые могут быть подвергнуты сомнению, критике. Цитируя Р. Рорти, Ю. Хабермас по этому поводу пишет: «Даже если предположить, что “истинное” является абсолютным понятием, обстоятельства его применения всегда остаются относительными» [3, с. 17]. Почему? Да потому, что вообще не существует ничего, что было бы совершенно оправданным и раз и навсегда обоснованным. В этом случае то утверждение, с которого мы

начали разговор, уже не выглядит столь безапелляционным. Хотя бы потому, что всегда должно быть понимание относительности истинности утверждения, с которым выступает имярек. Можно вообще не заботиться о понятии истины, но в этом случае дезавуируется тезис о том, что «каждый говорящий не должен противоречить самому себе», поскольку неясен критерий, к которому восходит понятие «противоречие». Может быть, совсем наоборот, противоречие является смысловой осью дискурса, отражающего суть проблемы? Как выход – популярный ныне междисциплинарный (межпарадигмальный) дискурс, когда проявляется синкретический подход, связанный с переплетением классической и неклассической парадигм мышления.

Т.е. вопрос заключается в том, как совместить (методологически) подходы, которые сегодня во многом заключаются в сочетании классической и неклассической парадигм знания. С одной стороны, классицизм, аристотелевский инструментарий и с этой позиции формула, которую предлагают Р. Алекси и Ю. Хабермас, сомнений не вызывает. С другой стороны, дезавуирование понятия истины (и остальных критериев рационалистической методологии) выводит нас совсем на иной путь, связанный с неклассическими подходами (в терминологии Р. Рорти – осознание важности случайности, прогресс в понимании свободы и т.д.). Юрген Хабермас, излагая подход американского мыслителя, уходит от оценок и дискуссии, говоря о том, что «каждый имеет свой собственный алтарь и своего домашнего бога» [3, с. 19]. Насколько эта фраза убеждает читателя, иной вопрос.

В итоге можно констатировать: столь популярный ныне плюрализм в подходах к различным аспектам методологии права привел к распространению своеобразной формы правового мышления, в рамках которой смешение различных подходов затрудняет понимание сути. «Каждый говорящий не должен противоречить сам по себе» – это верно? Верно (мы избегаем здесь слово «истинно»). Но это мысль, не доведенная до конца? Именно так, поскольку далее должно следовать пресловутое «но». Поскольку само противоречие не абсолютно, а относительно и мысль может менять свое содержание прямо в ходе рассуждения. И на каждом смысловом, дискурсивном отрезке оно может претендовать на свою долю «истинности». Затрудняет или облегчает такой подход процесс мышления (эпистемологический процесс)? Рационалист скажет: затрудняет. Но вот ведь парадокс: Юрген Хабермас, рационалист, в целом ряде статей очень высоко оценивает попытки Р. Рорти предложить иную, не рационалистическую трактовку процесса познания.

Можно предположить, что данное противоречие связано с тем, что пресловутый междисциплинарный дискурс (точнее, межпарадигмальный дискурс) не дает нужных результатов. Можно «сочетать» различные парадигмы знания, но ясного понимания сути дела мы не можем получить в принципе, поскольку неклассический подход априори фиксирует изменчивость, динамику, отказ от определений (статики) и т.д. Но зачем тогда вообще «играть» в междисциплинарные теоретические игры? Ответ известен: чтобы обогатить теорию и практику конкретной науки, выйти на новый уровень осмысления проблем и тому подобные вещи. Но насколько удастся это сделать? Анализ лишь одного-двух положений дискурса в праве, предложенный выше, показывает, что мы достаточно часто плодим неясности, поскольку сами не можем определиться с основными эпистемологическими (в частности) константами.

Важно повторить, что Р. Алекси, Ю. Хабермас – это сторонники рационалистического правового дискурса. Р. Рорти занимает иную позицию. Он полагает, что нужно отказаться от поиска абсолютных истин и заменить эти поиски «риторической практикой». Его мысль не тривиальна: «Только если ясно видна бесполезность онтологического различения между сущностью и явлением, бессмысленность эпистемологического различения между бытием и кажимостью, избыточностью семантического различения

между истинным и ложным, – только тогда философская работа может ориентироваться на такие практические цели, как “повышение производительности” и “толерантность”» [3, с. 15–16]. Но мы фиксируем внимательное отношение этих выдающихся теоретиков к идеям друг друга даже в том случае, когда они не просто не совпадают, а прямо противоположны.

При этом единство подходов в рамках понимания специфики правового дискурса также имеется. Можно предположить, что Р. Алекси, Ю. Хабермас, Р. Рорти соглашались с целой серией положений, высказываемых с различных методологических позиций. Например, с тем, что «разные говорящие не должны использовать одно и то же выражение, придавая ему различные значения». Правда, мотивировка условного согласия здесь разная: для «классиков» – ясность, однозначность, непротиворечивость и т.д., а для «неклассиков» – многозначность, динамическое противоречие и иные известные положения. Правила дискурса, с точки зрения Р. Алекси и Ю. Хабермаса, могут быть разные: «Каждый владеющий языком и дееспособный субъект может принять участие в дискурсе»; «Каждый может ставить под вопрос любое утверждение»; «Каждый может вводить в дискурс любое утверждение»; «Каждый может выражать свои установки, желания и потребности»; «Никакое принуждение, господствующее вне или внутри дискурса, не должно мешать никому из говорящих реализовать свои права» [2, с. 289–290]. Поэтому далеко не случайно достаточно часто можно прочесть рассуждения крупных отечественных теоретиков о том, что методологическая позиция того или иного автора не является привычно-монистической, т.е., выраженной ясно и недвусмысленно, в категориях какой-либо одной методологии. Чаще всего присутствует констатация того, что дискурс имеет интегративный характер. Лишь один пример по этому поводу. Размышляя о характере и сути современного права, А.В. Поляков в статье «Постклассическое правоведение и идея коммуникации» об идеях Ю. Хабермаса и современного немецкого правоведа Кауфмана пишет так: «Хабермас и Кауфман солидарны в том, что современное право позиционировано между жизненным миром и системой, что не исключает ни его рациональности, ни моральной обоснованности». Что Хабермас защищает идею, согласно которой «современное право нуждается в моральной обоснованности справедливости норм на практике, поэтому право нельзя представлять в виде полностью рационализированного феномена» [4, с. 34]. Т.е. налицо стремление придать интегративным идеям характер самостоятельной методологической парадигмы. И мы знаем, что подобные попытки имеют успех; во всяком случае А.В. Поляков предложил интересную и обоснованную феноменолого-коммуникативную теорию. Но наш интерес лежит в несколько иной плоскости: а что нового привнесли в правовой дискурс новые (неклассические) теории и каким образом они могут быть нами использованы? Чтобы ответить на этот непростой вопрос, обратимся к принципам дискурсивного анализа.

Исследователи обычно выделяют до десяти таких принципов. Приведем некоторые характеристики, сформулированные Н.Г. Храмцовой. К принципам дискурсивного анализа она относит принципы проблемности, субъектности, интерактивности, диалогичности, информативности, нелинейности структуры правового дискурса, междисциплинарности и некоторые иные [1, с. 95]. Что сразу же обращает на себя внимание в этом списке? То, что перед нами фактически характеристика феноменолого-коммуникативного метода А.В. Полякова, а если рассматривать проблему шире – характеристика основных черт неклассической парадигмы правового мышления. Далее: основной упор сделан именно на неклассическую парадигму мышления, а вот то, что связано с рационалистическим подходом, здесь остается на втором плане. Но ведь правовой дискурс – это следствие усилий не только «неклассиков», но и представителей сугубо рационалистического стиля. Поэтому, на наш взгляд, сегодня существует своего рода «перекос» в пользу неклассического типа умствования в том случае, когда речь идет

о междисциплинарности, интегративности, причем достаточно часто – о «новом типе рациональности». Т.е. давление характеристик неклассического характера сопровождается уверениями, что на деле перед нами неклассическая рациональность. Но если мы обратимся к более предметной характеристике тех же принципов правового дискурса, то заметим, что нелинейность, интерактивность и т.д. правового дискурса связаны со спорными интерпретациями (изменение основного гносеологического отношения от объект-субъектного к субъект-субъектному; объективного мира не существует; отвергается принцип верификации и проч.). Вообще вопрос о сопряжении основных характеристик онтологического и гносеологического характера в рамках применения классического и неклассического типа мышления не изучен и вызывает скорее споры, нежели согласие. И сами по себе принципы, как их ни формулируй, мало что дают в эвристическом плане. Вот как, например, И. Честнов рассуждает о роли в правовом дискурсе одного из его компонентов семиотики – науки о знаках. Он пишет: «Сегодня невозможно заниматься “механическим” приспособлением достижений семиотики – науки о знаках – к юридической материи. Отсутствие парадигмальности в семиотической и лингвистической философии не дает такой возможности». Идут споры, дискуссии, и по «тому, кто берет на себя труд по прояснению возможностей применения методологии философии языка (шире – знака) к праву, должен определиться, о какой именно методологии он рассуждает» [2, с. 259]. Здесь необходимы некоторые пояснения. Во-первых, понятно, что речь идет не только о семиотике, но и иных гуманитарных дисциплинах, чей научный аппарат в той или иной мере привлекается для наполнения правового дискурса современным (спорным) содержанием. Во-вторых, вопрос вновь концентрируется вокруг понятия «методология». По сути, И.Л. Честнов ставит проблему достаточно определенно: или одна методология, или другая, но не синкретический дискурс. Обращаясь к герменевтике, идеям правовой коммуникации И. Честнова, А.В. Полякому оппонирует, например, Ю. Козлихин. Читая тексты некоторых «не классических авторов», Ю. Козлихин замечает, что его «оторопь берет» при анализе основных идей. Он же, обращаясь к феноменолого-коммуникативной теории и иным теориям, замечает, что от того, что постмодерн «двинулся в правоведение, никакого приращения научного знания не произошло» [5, с. 36–39]. И здесь вопросы правового дискурса носят второстепенный характер, поскольку критика постмодерна носит принципиальный, сущностный характер.

И здесь возникает еще один вопрос: почему в постановке проблемы звучат слова о «поиске логических оснований» при обращении к правовому дискурсу? Здесь важно заметить, что в этом отношении сложился некий парадоксальный круг идей. В самом деле, во-первых, логика в её классическом виде (аристотелизм) всегда ассоциировалась с сугубо рационалистическими (классическими) попытками осмысления действительности, деятельности, в том числе и правовой. Во-вторых, современные ученые пересмотрели многие основополагающие идеи. Чтобы убедиться в этом, обратимся к точке зрения Карла Поппера. «Мой взгляд на этот вопрос, – пишет ученый, – сводится к следующему: не существует ни логического метода получения новых идей, ни логической реконструкции этого процесса. Я достаточно точно выражу свою точку зрения, сказав, что каждое открытие содержит “иррациональный элемент”, или “творческую интуицию” в бергсоновском смысле» [6, с. 28]. Заметим, как элементами дискурса стали и бессознательное, и интуиция, и психологизм. Не комментируя это замечание, обратим внимание на третий пункт: существует упорное стремление утвердить идеи постмодернизма, используя для этого рационалистические средства. Скажем, существует известный призыв уйти от определений в ходе дискурса и заменить дефиниции, к примеру, описанием, потому что определения догматичны, часто фиксируют уже отжившее, не учитывают динамику сегодняшнего дня и т.д. Но что интересно: обычно рабо-

ты, содержащие такие призывы, особенно учебные пособия, заканчиваются добротным списком основных категорий, характеристика которых дана в ключе все тех же привычных формально-логических инвектив. Т.е. логика и исключается из арсенала средств правового дискурса, и эффективно используется, она «включается» в синкретический круг методологических предпосылок нового знания, и её изгоняют из того круга знания, с которым олицетворяется новое знание. На наш взгляд, этот подход требует большей ясности и определенности. Т.е. необходимо защищать ту точку зрения, что определенный стиль мышления требует столь же определенных средств его выражения. Не исключено, что правовой дискурс на основе идей постмодерна получит новый импульс исходя из междисциплинарных идей, которые распространены ныне. Скажем, будут предложены новые способы борьбы с манипулятивными технологиями. Продемонстрировано, каким образом можно использовать новые информационные технологии для повышения эффективности правового дискурса, как быть с ценностями, идеологией, спецификой государственного управления в условиях нового качества и новых проблем правового дискурса. На сегодняшний день эти задачи не решены. Не помогает решению проблем и переквалификация предикатов применительно к термину «рациональность». Если мы заменим слово «классическая» применительно к понятию «рациональность» словом «неклассическая», для многих эта замена не облегчит задачи правового дискурса. Вот, например, как авторы одной из монографий рассуждают о «новом праве»: «Постклассическая социокультурная реальность права утверждает сконструированность, то есть созданность активностью человека, а не данность права и его воспроизводимость практиками людей. Это не отрицает объективность права, но пересматривает её как практическую intersубъективность» [2, с. 105] и т.д. Ещё как отрицает! Это отдельный разговор, но попробуйте найти в этом рассуждении место формальной логике – это непростая задача.

Заключение

Спору нет, мы живем в эпоху пересмотра привычных рационалистических формул и пытаемся найти выход из привычного круга идей, предложенных еще в XIX в. теоретиками позитивизма и марксизма (прежде всего). В этой связи никого не удивляет давление постмодернистской идеологии и гносеологической практики. Нынче крепнет новая тенденция, связанная с попытками найти своего рода «третий путь», в правовом дискурсе в том числе. Характерные черты этого пути мы уже конспективно отмечали: это признание ценности всех предыдущих теоретических достижений (теорий); согласие в том, что высказываемые и часто противоположные по своему качеству и чертам мысли признаются как достойные внимания; использование формальной логики и объявление новых идей «новой рациональностью» при внешнем отказе от нее (чего стоит хотя бы известная атака на разум крупнейших современных теоретиков!). Впрочем, все это темы отдельного разговора.

Сама технология правового дискурса (тема, которую мы сознательно обошли) здесь имеет второстепенный характер. Заметим лишь, что она в соответствующих работах выстроена по все тем же привычным рационалистическим клише. И представляется, что это верно, правильно. Если новые теории предложат нам новые пути, наверное, они будут востребованы и применены.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Храмцова, Н. Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения / Н. Г. Храмцова. – Курган : Курган. гос. ун-т, 2012. – 180 с.

2. Социокультурная антропология права / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. – СПб. : Алеф-Пресс, 2015. – 840 с.
3. Хабермас, Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2012. – 160 с.
4. Поляков, А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации / А. В. Поляков // Правоведение. – 2006. – № 2. – С. 26–43.
5. Козлихин, И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву / И. Ю. Козлихин // Правоведение. – 2006. – № 1. – С. 31–40.
6. Поппер, К. Логика научного исследования / К. Поппер. – М. : Республика, 2004. – 447 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.11.2018

Lepeshko B.M., Lepeshko A.B. The Legal Discourse: in Search of Rationale

The specific features of legal discourse in terms of workarounds and ways of thinking in modern research practice is discussed in the article. Attention is paid to the problem of the rules of legal discourse, the inconsistency of many externally obvious and clear statements has been studied and argued. The mechanism of interpretation of the rules, principles of legal discourse is shown on the example of a number of ideas of R. Rorty, J. Habermas and a number of other well-known theorists. The role of formal logic in understanding legal discourse is shown and its significance as the main heuristic tool is described in the article. The content of theoretical disputes by a number of Russian conceptual theorists on the issue is demonstrated.

УДК 342.3

О.В. Назарова

аспирант каф. конституционного права
Белорусского государственного университета
e-mail: uk.nazarova@gmail.com

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЕ РЕШЕНИЙ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И ПОСЛЕДСТВИЯХ ИХ ВЫНЕСЕНИЯ

Рассмотрены полномочия и компетенция Суда Евразийского экономического союза (Суд ЕАЭС, Суд Союза) через призму защиты интересов граждан и юридических лиц Республики Беларусь. Важность подобного анализа обусловлена спецификой создаваемого наднационального правопорядка, когда принятые общеобязательные нормативные акты Союза должны единообразно исполняться в национальных правопорядках государств-участников. Суду ЕАЭС отводится важная роль органа разрешения споров и обеспечения единообразного понимания всеми участниками интеграционного взаимодействия создаваемых правовых предписаний. Предложены пути совершенствования полномочий Суда Союза для лучшего достижения целей и задач, возложенных на Суд в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе.

Введение

Подписание в г. Астане 29.05.2014 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор, Договор о Союзе, Договор о ЕАЭС) стало важным шагом на пути евразийской интеграции.

Особый интерес представляет деятельность органов Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС). Так, ст. 8 Договора о ЕАЭС в качестве органа Союза определен Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд, Суд Союза, Суд ЕАЭС), который является постоянно действующим судебным органом ЕАЭС. Статус, состав, компетенция, порядок функционирования и формирования Суда определяются Статутом Суда Евразийского экономического союза (прил. № 2 к Договору о ЕАЭС) (далее – Статут). Целью деятельности Суда является обеспечение единообразного применения государствами – членами Союза, а также органами Союза – Высшим Евразийским экономическим советом, Евразийским межправительственным советом, Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия) актов, входящих в так называемое право Союза. Эти акты определены ст. 6 Договора о ЕАЭС. К ним относятся: Договор о ЕАЭС; международные договоры в рамках Союза; международные договоры Союза с третьей стороной; решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий и предусмотренные в Договоре о ЕАЭС и иных международных договорах Союза.

Полномочия Суда по рассмотрению споров перечислены в п. 39 Статута. Юридическая сила решений Суда ЕАЭС (за исключением консультативных заключений) определена подпунктами 99 и 100 Статута. По результатам рассмотрения споров, предусмотренных подп. 1 ч. 1 п. 39 Статута, Суд выносит решение, которое является обязательным для исполнения сторонами спора. По результатам рассмотрения споров, предусмотренных подп. 2 ч. 1 п. 39 Статута, Суд выносит решение, которое является обязательным для исполнения Комиссией [1].

Научный руководитель – Г.А. Василевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета

«Международные суды, – указывает Т.Н. Нешатаева, – отходят от основной обязанности по разрешению споров, чтобы преследовать другие цели, такие как международный нормоконтроль и поддержание международных соглашений о совместной деятельности (изменение, которое совпадает с более общим сдвигом в международном праве от права сосуществования к праву сотрудничества)» [12]. Полномочия Суда Союза частично связаны с выполнением функции судебного нормоконтроля. Суд ЕАЭС признает акты органов ЕАЭС соответствующим либо не соответствующим вышестоящим по юридической силе актам. Иерархия актов, входящих в право Союза, определена ст. 6 Договора о ЕАЭС.

В соответствии с п. 39 Статута Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза:

1) по заявлению государства-члена:

а) о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору;

б) о соблюдении другим государством-членом (другими государствами-членами) Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также отдельных положений указанных международных договоров и (или) решений;

в) о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза;

г) об оспаривании действия (бездействия) Комиссии;

2) по заявлению хозяйствующего субъекта:

а) о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта;

б) об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта [1].

Таким образом, Суд Союза в некотором роде выступает (по аналогии с Конституционным Судом) в роли «негативного» законодателя, «который “выводит” из сферы правоприменения правовые нормы, не соответствующие актам более высокой юридической силы» [11].

По результатам рассмотрения дела по заявлению государства-члена о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору Большая коллегия Суда выносит одно из следующих решений:

1) о несоответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору;

2) о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору [1].

По результатам рассмотрения дела по заявлению государства-члена о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза Большая коллегия Суда выносит одно из следующих решений:

1) о несоответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза;

2) о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза [1].

По результатам рассмотрения дела по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, Коллегия Суда выносит одно из следующих решений:

1) о признании решения Комиссии или его отдельных положений соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза;

2) о признании решения Комиссии или его отдельных положений не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза [1].

Пунктом 111 Статута определен момент прекращения действия акта Комиссии, который Судом был признан не соответствующим Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках Союза. Действие решения Комиссии или его отдельных положений, признанных Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, продолжается после вступления в силу соответствующего решения Суда до исполнения Комиссией данного решения Суда.

Важно отметить, что п. 13 Положения о Комиссии устанавливает, что решения, принимаемые Комиссией в пределах своих полномочий, имеют нормативно-правовой характер и обязательны для государств-членов. Решения Комиссии входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территории государств-членов. Таким образом, решения Комиссии обладают прямым действием на территории государств-участников и затрагивают важнейшие сферы экономики (таможенное регулирование, государственные и (или) муниципальные закупки, конкурентную политику и иные).

Решение Комиссии или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, в разумный срок, но не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда, приводится Комиссией в соответствие с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, если иной срок не установлен в решении Суда. В своем решении Суд с учетом положений Договора и (или) международных договоров в рамках Союза может установить иной срок для приведения в соответствие с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза решения Комиссии. В случае неисполнения решения Суда государство-член вправе обратиться в Высший Евразийский экономический совет с целью принятия необходимых мер, связанных с его исполнением. В случае неисполнения Комиссией решения Суда хозяйствующий субъект вправе обратиться в Суд с ходатайством о принятии мер по его исполнению. Акт Комиссии, признанный Судом не соответствующим международным договорам, входящим в право Союза, может действовать еще достаточно длительное время. Таким образом, момент утраты силы правового акта определяет сама Комиссия.

Очевидно, что государства-члены исходили из того, что Комиссии необходимо время для решения некоторых аспектов правового регулирования, принятия иного акта в целях недопущения правового пробела. Вместе с тем представляется, что действие акта после того, как уполномоченный орган признает его несоответствующим вышестоящим по юридической силе актам, т.е. признает незаконным, не соответствует принципам законности и справедливости.

Считаем, что в правовом государстве (а Конституции Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Армения и Кыргызской Республики определяют свои государства именно таковыми) [2–6] это недопустимо, поскольку если нормативный акт незаконный, нарушает права и интересы граждан и юридических лиц, то он не должен продолжать свое действие после того, как суд установил его незаконность. Иначе имеет место такая ситуация, что суд своим же решением санкционирует действие незаконного акта на определенный им же срок. Более того, между-

народный договор в рамках Союза либо решение Комиссии при их признании несоответствующими вышестоящему по юридической силе акту неправомерны не с момента признания их таковыми Судом, а с момента изначального принятия, поскольку уже тогда эти акты не обладали признаком законности, и, соответственно, не должны были иметь юридической силы.

Провозглашая государство правовым, Конституция Республики Беларусь устанавливает, что права, свободы и законные интересы являются высшей целью и ценностью государства. Конституции Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Армения и Кыргызской Республики содержат аналогичные по смыслу нормы [2–6]. Если Суд установил, что изданный нормативный акт является незаконным, то это значит, что права и законные интересы граждан либо юридических лиц в результате издания такого акта были нарушены. Соответственно, государство обязано принять все меры для восстановления положения, существовавшего до нарушения права. Для этого необходимо исправить последствия нарушения права либо возместить убытки. Согласно ч. 2 ст. 60 Конституции Республики Беларусь с целью защиты прав, свобод, чести и достоинства граждане в соответствии с законом вправе взыскивать в судебном порядке как имущественный вред, так и материальное возмещение морального вреда [3].

Последствия признания международного договора либо решения Комиссии не соответствующим вышестоящим по юридической силе актам Договором не определены. Вопросы возмещения вреда, понесенного субъектами хозяйствования в результате применения решения органов Союза, которое было успешно оспорено в Суде, Статут не регулирует. Пункт 61 Статута определяет, что Суд оставляет без рассмотрения требования о возмещении убытков или иные требования имущественного характера. Предполагается, что поскольку решения органов Союза являются составной частью национального права, то право на возмещение такого ущерба может быть реализовано на национальном уровне каждого государства – члена ЕАЭС.

Вопрос возмещения убытков гражданину или юридическому лицу в результате действий государственных органов регулируется Гражданским кодексом Республики Беларусь (далее – Гражданский кодекс) и иными специальными актами законодательства. Так, в соответствии со ст. 15 Гражданского кодекса убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов или должностных лиц этих органов, органов местного управления и самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего законодательству акта государственного органа или органа местного управления и самоуправления, подлежат возмещению Республикой Беларусь или соответствующей административно-территориальной единицей в порядке, предусмотренном законодательством. Указанную норму развивает ст. 938 Гражданского кодекса, согласно которой возмещение вреда осуществляется за счет казны Республики Беларусь или казны административно-территориальной единицы [7].

Как правило, убытки субъектам хозяйствования причиняются ненормативными (правоприменительными) правовыми актами государственных органов (должностных лиц), которые принимаются во исполнение и на основании норм, предусмотренных нормативными правовыми актами. Таким образом, в случае признания нормативного правового акта незаконным (не соответствующим вышестоящим актам), субъекты хозяйствования могут требовать возмещения понесенных убытков.

Республика Беларусь, ратифицировав Договор о ЕАЭС, выразила свое добровольное согласие на обязательность для нее международного договора, поэтому несет ответственность по обязательствам перед своими гражданами. Договором о ЕАЭС ответственность органов Союза (Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета, Комиссии) за причинение ущерба гражданам

и (или) субъектам хозяйствования не установлена. На наш взгляд, данный вопрос не может оставаться неурегулированным в условиях правового государства.

Еще один важный вопрос состоит в том, что суды, вынося свои постановления, могут ориентироваться на нормативные акты органов Союза, которые впоследствии были признаны Судом Союза несоответствующими вышестоящим актам, входящим в право Союза.

Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – Хозяйственный процессуальный кодекс), Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – Гражданский процессуальный кодекс) содержат перечень оснований для пересмотра решений судов по вновь открывшимся обстоятельствам. Так, абзац 7 ч. 2 ст. 319 Хозяйственного процессуального кодекса в качестве оснований для возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам устанавливает признание Конституционным Судом Республики Беларусь законодательных актов, примененных судом, рассматривающим экономические дела, в деле, не соответствующими в целом или их части Конституции Республики Беларусь либо не соответствующими в целом или их части нормативным правовым актам большей юридической силы [10]. Часть 2 ст. 452 Гражданского процессуального кодекса, содержащая основания для пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам, не содержит аналогичного основания, определенного абзацем 7 ч. 2 ст. 319 Хозяйственного процессуального кодекса.

Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях возможность пересмотра постановлений по делам об административных правонарушениях по вновь открывшимся обстоятельствам не предусмотрена. Статья 12.11. Процессуально-исполнительный кодекс об административных правонарушениях определяет, что вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении может быть пересмотрено по жалобе лиц, указанных в ч. 1 ст. 12.1 Процессуально-исполнительного кодекса об административных правонарушениях, если оно обжаловалось до вступления его в законную силу, либо по протесту прокурора. Жалоба (протест) направляется в суд, уполномоченный в соответствии с ч. 2 ст. 12.11 Процессуально-исполнительного кодекса об административных правонарушениях на пересмотр вступившего в законную силу постановления по делу об административном правонарушении [9].

Таким образом, возможны ситуации привлечения хозяйствующих субъектов к административной ответственности, а после судом ЕАЭС нормативный акт органа ЕАЭС (в первую очередь речь идет о решениях Комиссии), который устанавливает порядок деятельности в определенной сфере экономики, будет признан не соответствующим вышестоящему по юридической силе акту (к примеру, Договору).

В связи с этим полагаем необходимым ст. 319 Хозяйственного процессуального кодекса, ст. 452 Гражданского процессуального кодекса, а также Процессуально-исполнительный кодекс об административных правонарушениях дополнить нормой, предусматривающей возможность возобновления дела в административном, гражданском, хозяйственном процессах по вновь открывшимся обстоятельствам по такому основанию, как признание Конституционным Судом Республики Беларусь законодательных актов, примененных судом, либо органом, ведущим административный процесс, в деле, не соответствующими в целом или их части Конституции Республики Беларусь либо не соответствующими в целом или их части нормативным правовым актам большей юридической силы, а также признание Судом Евразийского экономического союза международного договора в рамках Союза или его отдельных положений несоответствующим Договору о ЕАЭС, признании решения Евразийской экономической комиссии или его отдельных положений не соответствующими Договору о ЕАЭС, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза.

Заклучение

Резюмируя, можно сделать вывод о большой проделанной работе в области нормотворчества по написанию законодательства, регулирующего деятельность Союза. Однако в силу особенностей национального права стран-участниц остаются некоторые «белые пятна» и коллизии, которые требуют детального урегулирования как на национальном, так и на наднациональном уровнях. На данном этапе интеграции «гибкие» нормы Договора о ЕАЭС в связи с небольшим объёмом правоприменительной практики оставляют большой круг неразрешённых вопросов для национального законодателя. Нормы права Союза в первую очередь должны служить непосредственно хозяйствующим субъектам для достижения целей и соблюдения принципов ЕАЭС, закреплённых в статьях 3 и 4 Договора о Союзе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [подписан в г.Астане 29.05.2014] : в ред. от 11.04.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : с изм. и доп. от 17 окт. 1998 г. – Режим доступа: http://www.gov.kg/?page_id=263&lang=ru. – Дата доступа: 15.03.2018.
3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
4. Конституция Республики Армения [Электронный ресурс] : с изм., внес. на референдуме 27 нояб. 2005 г. : в ред. Закона Респ. Армения от 6 дек. 2015 г. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus>. – Дата доступа: 15.03.2018.
5. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 30 дек. 2008 г. – М. : Айрис-пресс, 2013. – 63 с.
6. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] : с изм. и доп. от 2 февр. 2011 г. – Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution. – Дата доступа: 15.03.2018.
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой Представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
8. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-3 : принят Палатой Представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
9. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек 2006 г., № 194-3 : принят Палатой Представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
10. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г., № 219-3 : принят Палатой Представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. //

КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

11. Василевич, Г. А. Реализация решений Конституционного суда Республики Беларусь в законотворческой деятельности и правоприменительной практике / Г. А. Василевич // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах : доклад на межд. конф., Москва, 19 апр. 2002 г.

12. Нешатаева, Т. Н. Действие актов международного суда в национальных правовых системах: на примере актов Суда ЕАЭС [Электронный ресурс] / Т. Н. Нешатаева. – Режим доступа: <http://courteurasian.org/doc-20273&ved>. – Дата доступа: 15.03.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.04.2018

Nazarova O.V. On the Issue of Legal Force of Court Decisions of the Eurasian Economic Union and the Consequences of Their Issuance

In the present article the author analyzes the powers and competence of the Court of the Eurasian Economic Union (the EAEC Court, the Court of the Union) through the prism of protecting the interests of citizens and legal entities of the Republic of Belarus. The importance of such an analysis is determined by the specifics of the created supranational law and order, when legally binding supranational normative acts of the Union adopted are to be uniformly enforced in the national legal orders of the participating States. The EAEC Court is assigned the important role as the dispute resolution body that is ensuring uniform understanding of the created legal regulations by all participants of the integration interaction. The author considers ways of broadening the powers of the Court of the Union to better achieve the goals and tasks assigned to the Court in accordance with the Treaty on the Eurasian Economic Union.

УДК 34/328.185(075)

В.И. Резюк

*ст. преподаватель каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: rezyuk@tut.by*

ХИЩЕНИЕ ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ: ЮРИДИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Рассматривается хищение путем злоупотребления служебными полномочиями как правонарушение. Выделены некоторые отраслевые признаки хищения путем злоупотребления служебными полномочиями; детализированы признаки субъектов, на основе которых правонарушению дана комплексная юридическая характеристика по законодательству Республики Беларусь, обозначены её особенности и проблемы; определены стратегические направления совершенствования законодательства об ответственности за хищение путем злоупотребления служебными полномочиями.

Введение

Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями является одной из самых опасных форм проявления коррупции и как отдельное правонарушение отражает некоторые особенности, вытекающие из того, что коррупция как явление логично и обоснованно перестала рассматриваться исключительно как уголовно-правовой феномен (что, в свою очередь, повысило качество предупредительно-профилактической работы). Тема коррупции, охватившая предельно широкий круг общественных отношений и мер по борьбе с ней, является одной из самых обсуждаемых в юриспруденции [1, с. 20; 2, с. 17]. Вместе с тем хищение путем злоупотребления служебными полномочиями рассматривается в основном как уголовно-правовое явление. Однако с позиции современного состояния законодательства Республики Беларусь подобный подход является недостаточным и неточным.

Совершенствование всей системы противодействия коррупции и соответствующие изменения в законодательстве, фактически создавшие особое состояние указанной сферы нормативно-правового регулирования, обуславливают необходимость комплексной юридической оценки хищения путем злоупотребления служебными полномочиями как отдельного правонарушения.

С принятием в 1999 г. Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь, в 2003 г. Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), последующих отдельных изменений в их соответствующие статьи, а также Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-3 «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон «О борьбе с коррупцией») и ряда иных актов по вопросам противодействия коррупции нормативно-правовую базу для юридической оценки (квалификации) хищений путем злоупотребления служебными полномочиями можно обозначить как сложившуюся, что, впрочем, не исключает возможности её дальнейших изменений и дополнений.

«Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями» является понятием, закрепленным в законодательстве ряда отраслей: уголовном законодательстве, административном законодательстве, антикоррупционном законодательстве.

В ст. 210 УК Республики Беларусь закреплена ответственность за хищение путем злоупотребления служебными полномочиями [3]. Нормы, закреплённые в указанной статье, являются специальными по отношению к должностным злоупотреблениям: за совершение преступления привлекается исключительно должностное лицо, исполь-

зующее служебные полномочия при совершении хищения. Для квалификации хищения путем злоупотребления служебными полномочиями по ст. 210 УК Республики Беларусь необходимо, чтобы лицо использовало свои служебные полномочия и не выходило за их пределы. К уголовной ответственности также привлекается лицо за приготовление к хищению путем злоупотребления служебными полномочиями и за покушение на него [3].

В ст. 10.5 КоАП закреплена ответственность за мелкое хищение путем злоупотребления служебными полномочиями: нормы статьи имеют общий характер, и по ним квалифицируются мелкие хищения, совершаемые также иными способами (путем кражи, мошенничества, присвоения и растраты). Для квалификации хищения путем злоупотребления служебными полномочиями по ст. 10.5 КоАП необходимо, чтобы лицо использовало свои служебные полномочия и не выходило за их пределы. Формой совершения мелкого хищения путем злоупотребления служебными полномочиями является также покушение на его совершение [4].

Административное правонарушение (мелкое хищение путем злоупотребления служебными полномочиями) и хищение путем злоупотребления служебными полномочиями как преступление, предусмотренное ст. 210 УК Республики Беларусь, имеют многие общие юридические признаки: объектом являются отношения собственности, способ совершения характеризуется использованием служебных полномочий.

Из положений УК и КоАП вытекает, что хищение путем злоупотребления служебными полномочиями – это умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью, причиняющее ущерб собственнику или иному владельцу.

Существенным отличием, чаще всего применяемым на практике для разграничения ст. 10.5 КоАП и ст. 210 УК, является размер похищенного: по общему правилу под мелким хищением понимаются хищение имущества юридического лица в сумме, не превышающей 10-кратного размера базовой величины [4]. При превышении указанного размера похищенного деяние квалифицируется как преступление [3].

В то же время некоторые признаки указанных правонарушений (в том числе общие по названию) имеют существенные отличия. Так, несмотря на общий специальный субъект административного правонарушения и преступления – «должностное лицо», его содержание в УК и КоАП имеет существенные отличия. В соответствии с п. 4 ст. 4 УК Республики Беларусь под должностными лицами понимаются:

1) представители власти, т.е. депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутаты местных Советов депутатов, а равно государственные служащие, имеющие право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе;

2) представители общественности, т.е. лица, не находящиеся на государственной службе, но наделенные в установленном порядке полномочиями представителя власти при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, по отправлению правосудия;

3) лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие в учреждениях, организациях или на предприятиях (независимо от форм собственности), в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, либо лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий;

4) должностные лица иностранных государств, члены иностранных публичных собраний, должностные лица международных организаций, члены международных парламентских собраний, судьи и должностные лица международных судов [3].

Согласно ст. 1.3 КоАП, к должностным лицам относятся:

1) физическое лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, либо лицо, уполномоченное в установленном порядке на совершение юридически значимых действий;

2) государственный служащий, имеющий право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных ему по службе [4].

Понятие «должностное лицо» в уголовном законодательстве существенно шире, чем в административном законодательстве. Не каждое хищение путем злоупотребления служебными полномочиями, в котором изначально усматривались признаки преступления, при уменьшении установленного размера похищенного может быть квалифицировано как административное правонарушение, выраженное в мелком хищении путем злоупотребления служебными полномочиями.

Существенное дополнение к юридической оценке хищения путем злоупотребления служебными полномочиями вносят нормы законодательства о борьбе с коррупцией. Постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь от 27 декабря 2013 г. № 43/9/95/571/57/274 утвержден перечень коррупционных преступлений, к которым было отнесено и предусмотренное ст. 210 УК Республики Беларусь (аналогичный перечень ранее утверждался постановлением от 31 января 2011 г. № 5/8/1/34/6), при этом понятие «коррупционное преступление» отсутствует в УК и в Законе «О борьбе с коррупцией» [2, с. 85–86, 102–103].

Согласно ч. 1 ст. 37 Закона «О борьбе с коррупцией», мелкое хищение имущества путем злоупотребления служебными полномочиями является одним из нормативно закрепленных видов коррупционных правонарушений [5].

Указанные решения существенным образом повысили социальную точность юридической оценки и позволили существенным образом совершенствовать правоохранительную деятельность: так, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями получает оценку как административное правонарушение или преступление и обязательно как коррупционное правонарушение или коррупционное преступление соответственно. Вместе с тем это создает ряд противоречий, которые должны быть учтены при юридической оценке правонарушений коррупционного характера и в перспективе устранены.

В ст. 3 Закона «О борьбе с коррупцией» определены субъекты коррупционных правонарушений:

- 1) государственные должностные лица;
- 2) лица, приравненные к государственным должностным лицам;
- 3) иностранные должностные лица;
- 4) лица, осуществляющие подкуп государственных должностных или приравненных к ним лиц либо иностранных должностных лиц [2, с. 93; 5].

К государственным должностным лицам относятся:

- 1) Президент Республики Беларусь;
- 2) депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь;
- 3) члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь;

4) депутаты местных Советов депутатов, осуществляющие свои полномочия на профессиональной основе;

5) иные государственные служащие, на которых распространяется действие законодательства о государственной службе;

6) сотрудники Следственного комитета Республики Беларусь;

7) сотрудники Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь;

8) лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, в том числе воинские, в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь, органах внутренних дел, органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь и относящиеся в соответствии с законодательными актами к должностным лицам;

9) заместители руководителей местных Советов депутатов;

10) лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей в государственных организациях и организациях, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей (акций) находится в собственности государства и (или) его административно-территориальных единиц [2 с. 94–95; 5].

К лицам, приравненным к государственным должностным лицам (приравненные к ним лица), относятся:

1) члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь;

2) депутаты местных Советов депутатов, осуществляющие свои полномочия на непрофессиональной основе, за исключением заместителей руководителей местных Советов депутатов;

3) граждане, зарегистрированные в установленном законом порядке кандидатами в Президенты Республики Беларусь, в депутаты Палаты представителей, в члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, в депутаты местных Советов депутатов;

4) лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие в негосударственных организациях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей (за исключением лиц, занимающих ответственное положение, которые относятся к государственным должностным лицам, занимающим ответственное положение);

5) лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий;

6) представители общественности при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, отправлению правосудия [2, с. 95–96; 5].

Иностранцами должностными лицами признаются должностные лица иностранных государств, члены иностранных публичных собраний, должностные лица международных организаций, члены международных парламентских собраний, судьи и должностные лица международных судов.

Таким образом, в законодательстве о борьбе с коррупцией закреплена особая типология должностных лиц, включающая государственных должностных лиц, лиц, приравненных к государственным должностным лицам, и иностранных должностных лиц, отдельные из которых в административном и уголовном законодательствах отнесены к одной категории – должностные лица [2, с. 94]. При этом понятие, обозначающее лицо, совершающее хищение путем злоупотребления служебными полномочиями, закрепленное в Законе «О борьбе с коррупцией», является наиболее широким. Ближким к нему является понятие, закрепленное в уголовном законе: должностные лица, указанные в УК Республики Беларусь, кроме отдельных категорий, фактически классифицируют-

ся на группы: государственные должностные лица, приравненные к ним и иностранные должностные лица (согласно УК, в отличие от закрепленного в Законе «О борьбе с коррупцией», к должностным лицам не отнесены граждане, зарегистрированные в качестве кандидатов на занятие указанных в законе должностей).

Административно-правовые признаки должностного лица, установленные в КоАП, существенно уже закрепленных в УК и Законе «О борьбе с коррупцией». Все группы должностных лиц, закрепленные в КоАП, находят отражение в уголовном законе и Законе «О борьбе с коррупцией», однако не всех должностных лиц, согласно УК и Закону «О борьбе с коррупцией», можно охарактеризовать аналогично по КоАП. Например, согласно нормам КоАП, по соответствующему признаку не отнесены к должностным лицам лица, находящиеся на государственной службе, но не являющиеся государственными служащими (например, лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, в том числе воинские, в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь). По другим признакам (в частности, выполнение административно-хозяйственных функций) подобные лица могут быть признаны должностными, но при этом очевидно разное содержание норм и институтов указанных нормативно-правовых актов.

Согласно ч. 2 ст. 2 Закона «О борьбе с коррупцией», за совершенные коррупционные правонарушения наступает ответственность, предусмотренная КоАП, УК и иными законодательными актами [5]. Вместе с тем не все должностные лица, указанные в данном законе, совершившие деяние с признаками мелкого хищения путем злоупотребления служебными полномочиями, могут нести административную ответственность именно за совершение хищения путем злоупотребления служебными полномочиями. В частности, в случае совершения указанного хищения военнослужащим его действия не могут оцениваться как административно наказуемое мелкое хищение путем злоупотребления служебными полномочиями. Даже если это не влияет на квалификацию по ст. 10.5 КоАП, охватывающей несколько способов совершения правонарушения (кражу, мошенничество, присвоение, растрату, злоупотребление служебными полномочиями), подобное положение не способствует соблюдению требований точной юридической оценки и однообразного подхода к деяниям всех лиц, наделенных особыми (служебными) полномочиями.

Вопросы юридической оценки хищения путем злоупотребления служебными полномочиями имеют большое значение в теории и практике правоприменения в области предупреждения коррупции.

В правоохранительной деятельности по борьбе с коррупцией и её предупреждению наблюдается единство норм УК, КоАП и Закона «О борьбе с коррупцией». Так, согласно ст. 38 Закона «О борьбе с коррупцией», в случае совершения коррупционных правонарушений отдельными категориями государственных должностных лиц (депутатом местного Совета депутатов и др.) и приравненных к государственным должностным лицам (гражданином, зарегистрированным в установленном законом порядке кандидатом в депутаты и др.) государственные органы, осуществляющие борьбу с коррупцией, уведомляют соответствующие органы, с которыми связана профессиональная (служебная) деятельность правонарушителя [5].

Большое значение в деятельности по борьбе и предупреждению коррупции имеют криминологические исследования: мелкое хищение путем злоупотребления служебными полномочиями и одноименное коррупционное правонарушение часто не вызывают криминологического интереса по причине отсутствия уголовно-правовых признаков, а это не может способствовать качеству предупредительно-профилактической работы и по отношению к деяниям, предусмотренным ст. 210 УК. Все указанные формы хищения путем злоупотребления служебными полномочиями имеют аналогичные де-

терминирующие начала и иные общие характеристики, и, представляется, они должны рассматриваться как особого вида правонарушение на межотраслевом уровне. Решение некоторых сложных криминологических задач часто наиболее эффективно при использовании комплексного анализа отдельных групп правоотношений [6, с. 162]. Указанное актуально для юридической оценки хищения путем злоупотребления служебными полномочиями как правонарушения.

Заключение

Таким образом, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями – это правонарушение межотраслевого характера, признаки которого закреплены в уголовном и административном законодательстве, а также законодательстве о борьбе с коррупцией. Исходя из положений, закрепленных в УК, КоАП и Законе «О борьбе с коррупцией», и по результатам их отраслевых характеристик можно выделить следующие особенности, касающиеся юридической оценки хищения путем злоупотребления служебными полномочиями как правонарушения коррупционного характера:

1) приготовление к хищению путем злоупотребления служебными полномочиями является коррупционным, если размер похищаемого по общему правилу превышает 10 базовых величин (в дополнение к квалификации по ст. 210 УК Республики Беларусь со ссылкой на ст. 13 УК); при недостижении соответствующего размера подобная оценка о коррупционности и преступности деяния исключается (это создает проблему профилактики и предупреждения на начальном этапе реализации замысла правонарушителя);

2) покушение на совершение хищения путем злоупотребления служебными полномочиями независимо от размера похищаемого получает оценку как нарушение законодательства о борьбе с коррупцией в дополнение к квалификации по ст. 210 УК Республики Беларусь (со ссылкой на ст. 14 УК) или по ст. 10.5 КоАП;

3) совершение хищения путем злоупотребления служебными полномочиями независимо от размера похищенного получает оценку как нарушение законодательства о борьбе с коррупцией в дополнение к квалификации по ст. 210 УК Республики Беларусь или по ст. 10.5 КоАП;

4) все мелкие хищения путем злоупотребления служебными полномочиями, квалифицируемые по ст. 10.5 КоАП, являются коррупционными, но деяния не всех нормативно закрепленных субъектов коррупционных правонарушений могут получить оценку как коррупционного правонарушения, выраженного в мелком хищении путем злоупотребления служебными полномочиями (это создает проблему правоприменения, выраженную в конкуренции норм и сложности вывода);

5) все хищения путем злоупотребления служебными полномочиями, квалифицируемые по ст. 210 УК Республики Беларусь, являются коррупционными, но деяния не всех нормативно закрепленных субъектов коррупционных правонарушений могут получить оценку как коррупционного преступления, выраженного в хищении путем злоупотребления служебными полномочиями (это создает проблемы юридической оценки деяния в условиях конкуренции норм уголовного и антикоррупционного законодательства).

Таким образом, проявляются стратегические направления совершенствования законодательства об ответственности за хищение путем злоупотребления служебными полномочиями:

1) унификация понятий, обозначающих субъект правонарушений, закрепленных в УК, КоАП и Законе «О борьбе с коррупцией»;

2) закрепление понятия «коррупционное преступление» в Законе «О борьбе с коррупцией», в том числе в бланкетной или отсылочной норме;

3) закрепление признаков коррупции (или соответствующих правонарушений) в УК и КоАП и их унификация с нормами Закона «О борьбе с коррупцией».

Отраслевые нормы, устанавливающие признаки хищения путем злоупотребления служебными полномочиями, в действующем законодательстве Республики Беларусь не являются в полной мере согласованными, что создает сложности правоприменения и не повышает качества правоохранительной деятельности, направленной на противодействие опасной форме коррупции. Решение проблемы необходимо и возможно посредством изменений отдельных положений законодательных актов уголовно-правового, административно-правового, антикоррупционного регулирования и унификации одноименных и иных аналогичных понятий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиенок, В. П. Коррупция: методология проблемы, причины, ранняя диагностика / В. П. Шиенок // Предвар. расследование. – 2017. – № 1. – С. 19–24.
2. Резюк, В. И. Противодействие коррупции / В. И. Резюк, В. П. Шиенок. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2018. – 211 с.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. Резюк, В. И. Правоотношения, связанные с исполнением бюджетных обязательств: специфика юридической оценки в контексте криминологического анализа / В. И. Резюк // Вестн. Брест. ун-та. Сер. 2, История. Экономика. Права. – 2018. – № 1. – С. 157–163.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.02.2019

Rezyuk V.I. Misappropriation, Embezzlement and Theft by Abuse of Official Powers: Legal Assessment of Offenses

The article deals with misappropriation, embezzlement and theft by abuse of official powers as an offense. The author identifies individual sectorial signs of misappropriation, embezzlement and theft by abuse of official powers, on the basis of which gives the offense and its subjects a comprehensive legal description of the legislation of the Republic of Belarus, identifies its features and problems, determines strategic directions for improving legislation on accountability for misappropriation, embezzlement and theft by abuse of official powers.

УДК 34.09

М.С. Абламейко

канд. юрид. наук, доц. каф. конституционного права
Белорусского государственного университета
e-mail: m.ablameyko@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И СТРАНАХ СНГ

Рассматриваются этапы развития информатизации в сфере занятости, включая развитие информационных технологий в данной сфере. Анализируются вопросы правового регулирования процессов электронной занятости в рамках действующего законодательства. Предлагаются пути совершенствования законодательства на основе анализа средств электронной занятости в странах СНГ.

Введение

Основными направлениями формирования эффективной системы социальной защиты считаются гарантия права на труд, регулирование занятости населения, поддержка беднейших слоев населения. Социальная защита населения рассматривается как средство формирования и развития личности, обеспечение ее конституционных прав и как государственная и общественная поддержка отдельных категорий населения, находящихся в трудной жизненной ситуации и не способных преодолеть ее самостоятельно. В Республике Беларусь социальная защита прежде всего направлена на:

- 1) снижение дифференциации населения по уровню доходов, смягчение ситуации, при которой одни группы населения оказываются в более выигрышном положении по сравнению с другими группами населения, т.е. обеспечение социального равенства;
- 2) обеспечение сохранности рабочих мест как основного источника средств существования членов общества;
- 3) обеспечение доступности для всех слоев и групп населения необходимых благ и услуг социального характера (образование, здравоохранение, культура и т.д.).

Одной из основных функций системы социальной защиты является обеспечение трудоустройства безработных, их переподготовка, переквалификация, обучение профессиям, которые пользуются спросом, т.е. занятость населения.

В настоящее время развитие информационно-коммуникационных технологий привело к повсеместному их использованию. Это касается и рядового гражданина при поиске работы. Разработка и внедрение автоматизированных систем в Министерстве труда и социальной защиты позволяет человеку осуществлять поиск работы, а также курсов по повышению квалификации не выходя из дома: после прохождения регистрации гражданин имеет возможность «мониторить» рынок труда, спрос и предложение вакансий и многое другое. Таким образом, электронная занятость является составной частью системы социальной защиты населения, направленная на обеспечение трудоустройства и занятости людей [1].

В работе рассматриваются этапы развития информатизации в сфере занятости, включая развитие информационных технологий, вопросы правового регулирования процессов электронной занятости в рамках действующего законодательства и пути его совершенствования на основе анализа средств электронной занятости в странах СНГ.

Этапы информатизации в сфере занятости

Развитие информационного общества подразумевает переход всех сфер жизнедеятельности общества в электронный вид. В связи с этим наряду с другими отраслями электронного правительства электронная занятость населения является одной из самых

важных. Среди приоритетных направлений развития информационного общества «электронная занятость и социальная защита населения» была выделена в Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 г. В соответствии с ней основные направления деятельности в данной сфере следующие: создание удаленных рабочих мест (телеработа); создание рабочих мест для людей с ограниченными возможностями; создание электронных служб занятости и систем обучения и переподготовки лиц, временно не работающих; дистанционный мониторинг состояния пожилых людей и людей с ограниченными возможностями; увеличение числа электронных услуг, предоставляемых гражданам системой социальной защиты населения [2].

В Национальной программе ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 гг., утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 384 от 28.03.2011, «электронная занятость и социальная защита населения» была выделена в подпрограмму, основными целями которой определены развитие электронной занятости и социальной защиты населения; создание условий, способствующих повышению качества и эффективности информационных отношений населения и государства посредством формирования системы оказания информационных услуг по направлениям занятости и социальной защиты населения на основе применения ИКТ; повышение качества работы органов и организаций системы Министерства труда и соцзащиты. Подпрограмма определила такие задачи, как:

- 1) удовлетворение растущих информационных потребностей граждан и субъектов хозяйствования по вопросам занятости, социальной защиты, персонифицированного учета и профессионального пенсионного страхования;
- 2) совершенствование системы информационно-аналитического обеспечения деятельности специалистов и руководителей, принимаемых ими управленческих решений по вопросам занятости и социальной защиты;
- 3) совершенствование механизмов работы по начислению и предоставлению различных социальных выплат, пособий и льгот;
- 4) снижение административных издержек, связанных с предоставлением электронных услуг [1].

В настоящее время электронная занятость нашла свое закрепление в Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 гг., утвержденной на заседании Президиума Совета Министров № 26 от 03.11.2015, в части 3.5. «Совершенствование социальной сферы на основе информационно-коммуникационных технологий». В области информатизации социально-трудовой сферы выделены следующие направления:

- 1) совершенствование механизмов по начислению, предоставлению и учету различных социальных выплат и льгот, уплате обязательных страховых взносов, сведению в единую управляемую систему разнородных информационных потоков и ресурсов;
- 2) формирование единого электронного социально-трудового паспорта гражданина Республики Беларусь посредством интеграции существующих и создаваемых баз данных с обеспечением к нему телекоммуникационного, в том числе мобильного, доступа;
- 3) расширение сферы предоставляемых электронных услуг, реализация новых востребованных сервисов для бизнеса и граждан, разработка и внедрение мобильных приложений [3].

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 235 от 23.03.2016 также утверждена Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг., в которой в подпрограмме 3 «Цифровая трансформация» одной из задач формирования в Республике Беларусь цифровой экономики является развитие электронной занятости населения и социальной защиты населения.

Комплекс мероприятий подпрограммы предполагает: совершенствование и развитие государственной информационной системы социальной защиты, банка данных социальных выплат; модернизацию информационно-вычислительной системы государственной службы занятости посредством разработки прикладного программного обеспечения автоматизированной системы управления «Занятость населения» и развитие портала государственной службы занятости; актуализацию и развитие информационных систем Фонда социальной защиты населения (АСУ «Район» многоуровневой автоматизированной системы управления информацией, АСУ профессиональным пенсионным страхованием многоуровневой автоматизированной системы управления информацией и корпоративного портала); создание корпоративной информационной системы управления и социально-трудовой сферой (КИС «Управление»); развитие и модернизацию комплекса технических средств Фонда социальной защиты населения в соответствии с потребностями государственных информационных систем и ресурсов Фонда, развитие корпоративной сети, приобретение системного программного обеспечения, офисных продуктов, средств защиты информации, мероприятия по защите информации [4].

Одновременно с этим в связи с проводимым в стране курсом на построение социально ориентированной модели экономики Указом Президента Республики Беларусь № 466 от 15.12.2016 утверждена Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. Кроме того, с учетом важности проблемы занятости и трудоустройства граждан и развития социальной инфраструктуры в рамках реализации данной Программы была принята Государственная программа о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 гг., утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30.01.2016 № 73. Ее целями являются: развитие системы социальной защиты населения посредством повышения эффективности политики занятости, улучшения условий охраны труда, создания безбарьерной среды жизнедеятельности, обеспечения социальной интеграции инвалидов и пожилых людей. Мероприятия Государственной программы направлены на решение вопросов обеспечения эффективной занятости населения, повышения конкурентоспособности рабочей силы на рынке труда и ее территориальной мобильности [5].

Обзор принятых на государственном уровне программ свидетельствует о том, что в рамках становления социально-ориентируемого государства особое внимание уделяется развитию информационно-коммуникационных технологий в сфере труда и социальной защиты содействующих улучшению качества жизни граждан.

Информационные технологии обеспечения занятости в Республике Беларусь

В социально-трудовой сфере Республики Беларусь функционирует комплекс государственных информационных систем и государственных информационных ресурсов республиканского масштаба, охватывающих практически все население Беларуси: «Государственная информационная система социальной защиты», «Информационно-вычислительная система государственной службы занятости», «Автоматизированная система управления индивидуальным (персонифицированным) учетом в системе государственного социального страхования», «Автоматизированная система управления профессиональным пенсионным страхованием», портал государственной службы занятости и корпоративный портал Фонда социальной защиты населения [5].

В настоящее время в системе Министерства труда и соцзащиты завершено строительство корпоративной сети передачи данных и системы электронной почты. Созданы и прошли государственную регистрацию «Банк данных по учету и движению безработных», «Общереспубликанский банк вакансий», «Реестр индивидуальных лицевых счетов застрахованных лиц в системе индивидуального (персонифицированного) учета

в системе государственного социального страхования» и функционирующие на их базе автоматизированные информационные системы.

Создан также Информационный портал Государственной службы занятости (далее – портал ГСЗ), который предназначен для перевода услуг, предоставляемых населению и нанимателям органами государственной службой занятости Республики Беларусь в электронный вид. Портал ГСЗ доступен в сети Интернет по адресу: <http://gsz.gov.by>. Общереспубликанский банк вакансий размещен на главной странице сайта Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь.

Основными задачами внедрения ИТ в службах занятости являются:

1) активизация собственных усилий безработных в поиске работы и усиление взаимодействия с работодателями;

2) упорядочение деятельности работников центров занятости (определяется четкая последовательность процедур и операций при оказании услуг ищущим работу и работодателям при подборе претендентов на работу).

Внедрение ИТ в центрах занятости дает возможность:

1) иметь в реальном времени полную информацию о свободных рабочих местах и профессионально-квалификационном составе незанятых граждан в Беларуси;

2) обеспечить оперативное управление финансовыми потоками Фонда социального страхования на случай безработицы;

3) сократить сроки и повысить качество обслуживания клиентов службы занятости;

4) предупредить назначения пособия по безработице по недостоверным данным, поданным безработным;

5) обеспечить оказание услуг большему количеству клиентов службы занятости, в том числе работодателям, без увеличения численности работников службы занятости [6].

Внедрение информационных технологий позволило повысить уровень услуг, оказываемых населению службой занятости.

Правовое регулирование электронной занятости в Республике Беларусь

В Республике Беларусь государственное управление рынком труда, его правовое регулирование основывается на ряде законодательных актов, прежде всего Конституции Республики Беларусь и Трудовом кодексе Республики Беларусь, на законах Республики Беларусь «О занятости населения Республики Беларусь», «О пенсионном обеспечении» и др. В приведенных законодательных актах определены правовые, экономические, социальные и организационные основы управления занятостью населения Республики Беларусь в условиях многоукладной рыночной экономики, установлены обязанности предприятий, учреждений, организаций и предпринимателей по обеспечению занятости, меры их ответственности за нарушение законодательства о занятости, пути совершенствования системы экономических взаимодействий между нанимателями, предъявляющими спрос, и работниками, направления совершенствования инфраструктуры рынка труда и др.

За последние три года в сфере занятости и социальной защиты населения принято достаточно большое количество нормативных правовых актов, касающихся информатизации данной сферы и развития электронных услуг. 18 июля 2016 г. был принят Закон Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О занятости населения Республики Беларусь», направленный на развитие и поддержку высокой мотивации безработных к активному поиску работы, усиление ответственности нанимателей и безработных за соблюдение законодательства о занятости населения. Также Постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 855 от 22.10.2016 «О некоторых мерах по реализации Закона Республики Беларусь “О занятости населения Республики Беларусь”» предусмотрено создание государственного ин-

формационного ресурса «Реестр агентств по трудоустройству Республики Беларусь», утверждено Положение о порядке формирования и ведения Реестр агентств по трудоустройству, а также дополнен единый перечень административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Новая редакция закона «О занятости населения Республики Беларусь» была подписана Президентом Беларуси в июле 2016 г., вступила в силу с 23 октября 2016 г., а положения, касающиеся агентств по трудоустройству, – с 1 января 2017 г. Однако, к сожалению, данный правовой акт в обновленном виде не содержит понятия «электронная занятость», отсутствует также процедура регистрации и предоставления гражданином персональных данных в информационных ресурсах поиска работы, возможность работы удаленно и т.д. Особенно остро стоит проблема защиты персональных данных, так как в соответствии со ст. 14 Закона Республики Беларусь «О занятости населения Республики Беларусь» «органы государственной службы занятости населения имеют право запрашивать и получать из государственных информационных ресурсов и систем с последующей обработкой, накоплением, хранением и использованием без письменного согласия физических лиц сведения, содержащие основные персональные данные физических лиц, предусмотренных ст. 8 Закона «О регистре населения». Таким образом, необходимо на законодательном уровне закрепить процедуру регистрации и предоставления физическими лицами персональных данных.

На протяжении последних лет постоянно поднимается вопрос о дистанционной занятости. Связано это как с развитием ПВТ и ростом количеством ИТ-специалистов, которые в большинстве своем имеют возможность работать удаленно, так и с привлечением к работе территориально удаленных или маломобильных квалифицированных специалистов, а также специалистов, нуждающихся в гибких формах занятости (инвалиды, пожилые люди, молодые матери, учащаяся молодежь). В действующем Трудовом кодексе Республики Беларусь отсутствуют понятия «дистанционная работа», «дистанционный работник» и «дистанционное рабочее место». Однако следует отметить, что в 2014 г. Межпарламентской Ассамблеей Евразийского экономического сообщества были выработаны рекомендации по гармонизации законодательств государств – членов ЕврАзЭС в сфере регулирования дистанционных трудовых отношений на международном рынке труда, в соответствии с которыми, государства Сообщества должны стать гарантами безопасности условий дистанционной работы и создать законодательные условия, защищающие от рисков работодателей и работников, работающих в условиях дистанционного рынка труда [7]. Также следует отметить, что в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь внесен проект Закона Республики Беларусь «Об изменении некоторых законов Республики Беларусь», подготовленный в соответствии с п. 1 Плана подготовки законопроектов на 2017 г., утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 31.12.2016 № 520, в соответствии с которым предлагается ввести в Трудовой кодекс гл. 25-1, касающуюся дистанционной работы, однако по состоянию на апрель 2019 г. предполагаемые изменения не внесены.

25 января 2018 г. Президент Беларуси подписал Декрет № 1 «О содействии занятости населения», которым предусмотрены меры по содействию занятости населения. Документ направлен в первую очередь на активизацию работы органов власти по максимальному содействию гражданам в трудоустройстве, стимулированию трудовой занятости и самозанятости населения. В этих целях декретом на правительство возлагаются задачи по установлению прогнозных показателей в области содействия занятости населения и перечня территорий с напряженной ситуацией на рынке труда, осуществлению мониторинга, оценки качества и доступности услуг в области содействия занятости населения. В свою очередь, местные органы власти будут обеспечивать индиви-

дуальную работу с гражданами на местах при проведении работы по их трудоустройству и ресоциализации лиц, ведущих асоциальный образ жизни. Кроме того, областные, Минский городской Совет депутатов смогут дополнительно направлять средства местных бюджетов на реализацию мероприятий в области содействия занятости населения на территориях с напряженной ситуацией на рынке труда. Декрет предусматривает концептуально иной подход, направленный на стимулирование трудоспособных неработающих граждан к легальной занятости. Предусмотрено, что с 1 января 2019 г. такие лица будут производить оплату субсидируемых государством услуг по их полной стоимости, конкретный перечень которых поручено определить правительству. В целях координации работы по реализации норм Декрета № 1 районными (городскими) исполнительными комитетами (местными администрациями) создаются постоянно действующие комиссии, основными задачами которых являются содействие гражданам в трудоустройстве.

31 марта 2018 г. принято постановление Совета Министров Республики Беларусь № 239 «Об утверждении Положения о порядке отнесения трудоспособных граждан к не занятым в экономике, формирования и ведения базы данных трудоспособных граждан, не занятых в экономике, включая взаимодействие в этих целях государственных органов и организаций». Согласно этому постановлению для формирования базы данных государственные органы и иные организации посредством ОАИС представляют в Министерство труда и социальной защиты списки идентификационных номеров граждан и иных персональных данных, которые в предшествующем квартале считались занятыми в экономике или не относились к трудоспособным гражданам, не занятым в экономике. Во исполнение данного постановления Министерство труда и соцзащиты разработало и разместило 17.07.2018 на своем сайте Программу для формирования базы не занятых в экономике граждан. Данная программа определяет порядок подготовки и направления электронных документов для формирования базы трудоспособных граждан, не занятых в экономике.

С 1 декабря 2018 г. на Едином портале электронных услуг доступна новая услуга по предоставлению сведений об отнесении гражданина к не занятому в экономике. Используя этот портал, заявители могут:

- 1) заполнить и в электронном виде направить в службу занятости заявление и документы, необходимые для предоставления услуги;
- 2) отслеживать ход предоставления услуги;
- 3) вне очереди в назначенное время получить государственную услугу в центре занятости населения;
- 4) получить результат предоставления услуги в электронном виде.

Средства электронной занятости в странах СНГ

В России, Азербайджане, Армении и других странах СНГ были приняты законы о занятости, в которых также предусмотрено создание, развитие и поддержка информационно-аналитических систем трудоустройства, банков вакансий, информационных порталов в сфере труда и социальной защиты населения, предоставление государственными органами, регулирующими данную сферу, услуг в электронной форме.

В Российской Федерации выполняется большая работа по внедрению информационных технологий в обеспечения занятости населения. В 2015 г. создана и введена в эксплуатацию информационно-аналитическая система Общероссийская база вакансий «Работа в России» (далее – портал «Работа в России») в рамках реализации плана мероприятий по повышению мобильности граждан Российской Федерации на 2014–2018 гг., утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 апреля 2014 г. № 663-р. По состоянию на 31 декабря 2017 г. с момента запуска Портала «Рабо-

та в России» 3 июля 2015 г. общее число его посетителей составило 44 млн пользователей, общее число просмотров Портала – 600 млн, ежедневно Портал посещают более 145 тыс. человек. На конец 2017 г. на Портале размещена информация о 1,22 млн рабочих мест и 357 тыс. вакансий, 524 тыс. резюме соискателей, а также 70 тыс. работодателей, зарегистрировавшихся самостоятельно [8].

В 2017 г. начаты работы над новым проектом – создание Общероссийской социальной сети деловых контактов «Трудовые резервы» как подсистемы организации всестороннего сетевого общения зарегистрированных пользователей портала «Работа в России». В 2019 г. на базе интернет-сервиса «Работа в России» начнется формирование платформы для поиска работы и подбора персонала. Об этом говорится в плане мероприятий федерального проекта «Цифровое госуправление» программы «Цифровая экономика». Разработан и интенсивно используется информационный интернет-ресурс, в котором размещены данные о профессиях и современных требованиях к квалификации – <http://spravochnik.rosmintrud.ru>.

В Республике Казахстан создан государственный интернет-ресурс – электронная биржа труда, содержащая базу рынка труда. Данный Интернет-ресурс представляет собой единую онлайн-площадку по всей республике, содержащую информацию о соискателях и работодателях. При этом закрепляется возможность заключения центрами занятости с частными агентствами занятости договоров об аутсорсинге услуг в сфере занятости населения. Электронная биржа труда объединила 34 частных агентства по трудоустройству, пять печатных изданий по поиску работы, четыре наиболее популярные интернет-площадки, специализирующихся на подборе вакансии и персонала. Кроме того, эта система запущена и во всех 199 центрах занятости Казахстана, которые также с начала этого года изменили формат работы [9].

Министерство труда и социальной защиты населения Республики Узбекистан создало портал для соискателей работы и работодателей (<http://www.ish.mehnat.uz>). На сайте Министерства труда и социальной защиты населения перечислен ряд интерактивных и информационных услуг, которые должны предоставляться посредством портала (30 и 10 соответственно), однако все интерактивные услуги в настоящее время находятся в стадии разработки и пока недоступны. 4 мая 2017 г. Президент Узбекистана подписал Указ «О мерах по дальнейшему совершенствованию государственной политики в сфере занятости и коренному повышению эффективности деятельности органов по труду». С 2019 г. планируется введение системы «электронной трудовой книжки», содержащей достоверные сведения о профессиональной карьере работника [10].

Государственная служба занятости Украины запустила в 2017 г. новый сервис, позволяющий сформировать электронную очередь лиц, которые находятся в поисках работы, и оперативно записаться на прием к определенному специалисту. Услуга электронной очереди регистрации безработных доступна украинцам на портале Государственной службы занятости www.dcz.gov.ua в рубрике «Электронные услуги» [11].

В 2014 г. в Министерстве труда и социальной защиты населения Азербайджана начала работать электронная информационная система занятости [12]. Система позволяет учитывать каждого работника, хранить в памяти трудовые контракты и собирать статистику по заработной плате. Благодаря интеграции с порталом «Электронное правительство» система упрощает зарегистрированным гражданам доступ к госуслугам.

В соответствии с законом «О занятости», принятым в 2013 г., Министерство труда и социальных вопросов Республики Армения начало вести официальный электронный сайт и формировать информационную базу в целях обеспечения сбора информации о рынке труда и обмена ею, периодически публиковать в средствах массовой информации и на официальном электронном сайте в режиме онлайн информацию

о вновь создаваемых и вакантных местах, состоянии рынка труда, ходе выполнения ежегодной программы (затраченных финансовых средств и результатах).

В Республике Молдова действует официальный портал трудоустройства, который реализует технологии электронной занятости [13]. На веб-сайте Национального агентства занятости населения размещены база данных по рынку труда и информация о действующем законодательстве в области занятости населения (<http://www.anofm.md/>).

Однако все отмеченные выше средства электронной занятости, естественно, разрабатывались автономно в каждой из стран. Хотя понятно, что с учетом существующего во многом единого рынка труда, когда граждане практически любой одной страны СНГ могут работать в другой стране, была бы желательна унификация как программно-технических, так и правовых средств, обеспечивающих электронную занятость.

Существующие проблемы нашли отражение в проекте Стратегии государств – участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 г., которая была принята в 2016 г. [14]. В проекте Плана действий по реализации Стратегии до 2025 г. предусмотрен обмен информацией и опытом по вопросам электронной занятости, а также реализация совместных проектов по внедрению конкретных приложений ИКТ, включая электронную занятость. В целом в странах СНГ реализуются мероприятия, направленные на повышение электронной занятости, но не везде этому вопросу уделяется должное внимание. Очевидно, что нужно наладить тесное взаимодействие между странами в рамках Стратегии сотрудничества государств – участников СНГ в построении и развитии информационного общества.

В первую очередь необходимо:

- 1) обеспечить ведение на одном уровне информационных порталов органов государственной власти в сфере труда и занятости;
- 2) обеспечить взаимодействие целевых электронных ресурсов разных стран;
- 3) обеспечить не только поиск работы, но и представление всех необходимых документов для трудоустройства в электронном виде и их проверку;
- 4) разработать программные средства в виде приложений для мобильных устройств для поиска работы;
- 5) шире учитывать международный опыт и взаимодействие с ассоциациями других стран.

В рамках национальных стратегий и программ развития информационного общества следует обеспечить:

- 1) предоставление эффективных государственных электронных услуг в сфере занятости населения;
- 2) создание и совершенствование веб-порталов вакансий, предоставляющих круглосуточный доступ к информации как для соискателей, так и для работодателей;
- 3) повышение компетентности работодателей и соискателей в сфере использования ИКТ;
- 4) популяризацию новых способов организации работы и коммерческой деятельности, например телеработы, позволяющей работать удаленно, а также расширяющей возможности трудоустройства для женщин, лиц с ограниченными возможностями, жителей удаленных и труднодоступных районов, сельских жителей [14].

В рамках регионального и международного сотрудничества важно выработать механизмы реализации конкретных проектов с участием нескольких стран. В частности, желательно расширить План действий по реализации Стратегии, дополнив его конкретными проектами по унификации технических и правовых вопросов электронной занятости. Например, одним из проектов может быть создание системы мониторинга и оперативного обмена информацией о состоянии национальных рынков труда и нали-

чии вакантных рабочих мест. Очень важным может быть проект, посвященный унификации или хотя бы сближению законодательства в сфере электронной занятости.

Необходимо рассматривать вопросы развития электронной занятости на заседаниях Консультативного совета по труду, миграции и социальной защите населения государств – участников СНГ и Координационного совета по информатизации государств – участников СНГ при РСС. Было бы полезно создать рабочую группу или комиссию в рамках одного из указанных органов или их совместную рабочую группу по вопросам развития электронной занятости [15].

Заключение

Проведенный анализ законодательства в сфере занятости населения в части принятия и реализации стратегий и программ свидетельствует, что нашей страной принимаются меры по обеспечению занятости населения и участию в экономической жизни. Запланирован переход от работы в сельском хозяйстве и промышленном производстве к работе в сфере услуг, усиление глобализации, развитие технологий, а также последующие изменения в организационных стратегиях предприятий. Расширение сферы услуг и глобальных сетей напрямую связано с развитием технологий. Новые информационные технологии, повышение качества и снижение стоимости инфраструктуры, а также совершенствование логистики и транспорта позволяют компаниям сравнивать цены в режиме реального времени, организовывать операции и управлять производством, части которого находятся в разных странах. Новые технологии также привели к созданию новых форм труда, например работы через интернет-платформы или мобильные приложения. Все это приводит к необходимости принятия новых нормативно-правовых актов для широкого внедрения средств электронной занятости.

В Республике Беларусь приняты государственные программы по развитию социальной защиты населения и электронной занятости, однако правовое обеспечение отстает от реалий. Хотя в 2018 г. и был принят новый закон, который внес изменения в Закон «О занятости населения Республики Беларусь». Данный нормативный правовой акт, однако, не имеет понятия «электронная занятость», отсутствует также процедура регистрации и предоставления гражданином персональных данных в информационных ресурсах поиска работы, возможность работы удаленно и т.д. Сегодня развитие информационных технологий предоставляет возможности не только дистанционно искать работу, но и в последствии осуществлять трудовую деятельность удаленно. В связи с этим необходимо ввести на законодательном уровне такое понятие, как «дистанционная работа», что предусмотрено в рекомендациях по гармонизации законодательств государств – членов ЕврАзЭС в сфере регулирования дистанционных трудовых отношений на международном рынке труда.

В рамках регионального и международного сотрудничества важно выработать механизмы реализации конкретных проектов с участием нескольких стран. В частности, желательно расширить план действий по реализации действующих стратегий, дополнив его конкретными проектами по унификации технических и правовых вопросов электронной занятости. Например, одним из проектов может быть создание системы мониторинга и оперативного обмена информацией о состоянии национальных рынков труда и наличии вакантных рабочих мест. Необходимо предпринимать шаги по унификации законодательства в сфере электронной занятости. Анализ развития данной сферы в странах СНГ показывает, что все страны-участники заинтересованы в развитии электронной занятости.

Развитые государства должны идти по пути предоставления возможности поиска работы в Сети всем заинтересованным лицам. Современные требования таковы, что любой специалист должен постоянно совершенствоваться, чтобы быть востребованным

на рынке труда. Возможность проводить мониторинг вакансий самим человеком должна обеспечиваться государством посредством объединения всех информационных ресурсов. Усовершенствование инструментов государственной поддержки занятости населения должно привести к реформированию центров занятости и созданию онлайн-платформы электронной биржи труда.

Для повышения самоактуализации, самоопределения ищущих работу, формирования у них мотивации к труду службам занятости в ближайшей перспективе необходимо использовать возможности регистрации клиентами услуг без помощи специалистов центров занятости. Необходимо использовать геосистемы для информирования пользователей услугами службы о потребности в кадрах по регионам. Необходимо также обеспечивать дистанционное обучение персонала и проведение электронных семинаров для клиентов службы. Целесообразно обеспечить взаимодействие с базами данных и информационными системами других фондов, социальных органов Министерства труда и соцзащиты, статистики, налоговых администраций и местных органов власти. Также необходимо обратить внимание на развитие современных технологий информирования – создание телефонной системы интерактивного голосового консультирования, электронного консультационного центра занятости, информационных уголков в органах местной власти – сельсоветах, райисполкомах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальная программа ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 гг. [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 марта 2011 г., № 384 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 г. [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 9 авг. 2010 г., № 1174 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 гг. [Электронный ресурс] : постановление Президиума Совета Министров, 3 нояб. 2015 г., № 26. – Режим доступа: <http://e-gov.by/zakony-i-dokumenty/strategiya-razvitiya-informatizacii-v-respublike-belarus-na-2016-2022-gody>. – Дата доступа: 15.08.2018.
4. Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 марта 2016 г., № 235 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Государственная программа о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 янв. 2016 г., № 73 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Государственная служба занятости Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gsz.gov.by>. – Дата доступа: 20.03.2019.
7. О рекомендациях по гармонизации законодательства государств – членов ЕврАзЭС в социальной сфере (на основе сравнительно-правового анализа национальных законодательств) [Электронный ресурс] : постановление Межпарламент. Ассамблеи Евразийского Экономического Сообщества, 17 апр. 2014 г., № 16-11 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

8. Доклад об итогах работы Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации в 2017 г. и задачах на 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/uploads/.../Доклад%20на%20коллегию%202018%20год.docx>. – Дата доступа: 20.03.2019.

9. Более 20 тысяч казахстанцев нашли работу на электронной бирже труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://24.kz/ru/news/social/item/234096-bolee-20-tysyach-kazakhstantsev-nashli-rabotu-na-elektronnoj-birzhe-truda>. – Дата доступа: 20.03.2019.

10. В Узбекистане усовершенствуется деятельность по труду [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ombudsman.uz/ru/press_center/news/uzbekistan/v-uzbekistane-usovershenstvuyetsya-deyatelnost-organov-po-trudu/. – Дата доступа: 20.03.2019.

11. В Украине создана электронная биржа труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://donbass.ua/news/ukraine/2017/01/19/v-ukraine-sozdana-jelektronnaja-birzha-truda.html>. – Дата доступа: 20.03.2019.

12. Министерство труда и социальной защиты населения Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-mlspp.gov.az>. – Дата доступа: 20.03.2019.

13. Cariere.gov.md [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cariere.gov.md>. – Date of access: 20.03.2019.

14. Стратегия сотрудничества государств – участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 г. [Электронный ресурс] : утверждена Решением Совета глав правительств СНГ о Стратегии сотрудничества государств – участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 г. и Плана действий по ее реализации, 28 окт. 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

15. Ризманова, Л. М. Развитие электронной занятости в странах СНГ [Электронный ресурс] / Л. М. Ризманова // Информ. о-во. – 2016. – Вып. 4–5. – Режим доступа: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/0/7c66015fb4b28b844425811e00435910?OpenDocument>. – Дата доступа: 20.03.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.04.2019

Ablameyko M.S. Legal Issues of Electronic Employment of the Population in the Republic of Belarus and Cis Countries

This paper discusses the stages of development of informatization in the field of employment, including the development of information technologies in this area. The issues of legal regulation of e-employment processes in the framework of current legislation are analyzed. The ways of improving legislation based on the analysis of e-employment tools in the CIS countries are proposed.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 08.09.2016 № 206. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па цэнтры);
- звесткі пра аўтара (навуковая ступень, званне, пасада);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па цэнтры);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс выкарыстанай літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (курсіў; да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасьцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, афармленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *С.Ф. Бут-Гусаім, Л.М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 10.05.2019. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.

Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 19,30. Ул.-выд. арк. 14,40.

Тыраж 100 экз. Заказ № 163.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,

распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.